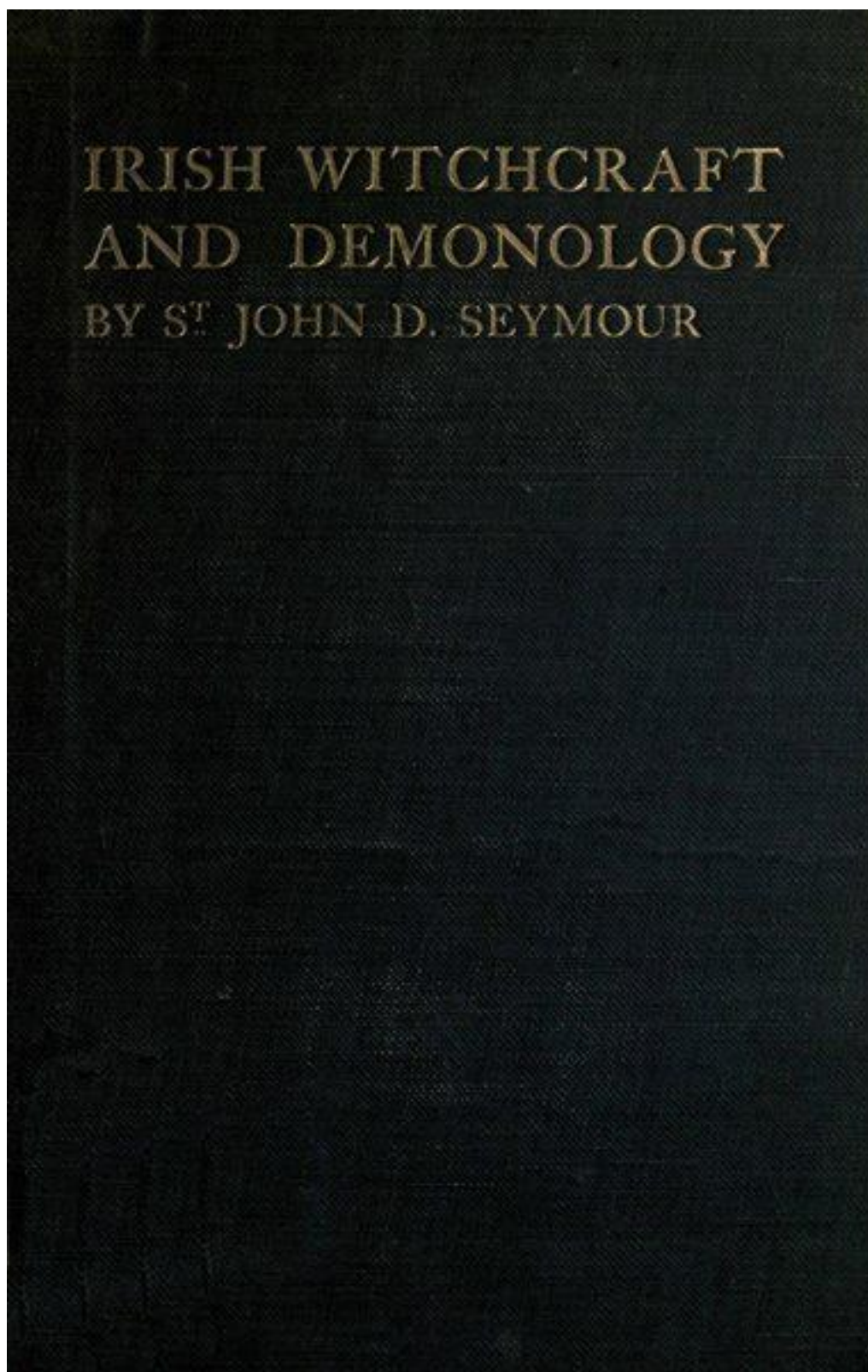

Ирландское колдовство и демонология

Сент-Джон Д. Сеймур

The Project Gutenberg eBook of Irish Witchcraft and Demonology.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ирландское колдовство и демонология

Автор: Сент-Джон Д. Сеймур

Дата выхода: 5 сентября 2013 [eBook #43651]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ИРЛАНДСКОЕ КОЛДОВСТВО И ДЕМОНОЛОГИЯ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Ирландское колдовство и демонология", автор: Сент-Джон Д. (Сент-Джон Дрелинкорт) Сеймур.

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <http://archive.org/details/irishwitchcraftd00seymrich>

ИРЛАНДСКОЕ КОЛДОВСТВО И ДЕМОНОЛОГИЯ

ИРЛАНДСКОЕ КОЛДОВСТВО И ДЕМОНОЛОГИЯ

СТ. ДЖОНА Д. СЕЙМУРА, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ.
АВТОР КНИГИ "ЕПАРХИЯ ЭМЛИ" И ДР.

ДУБЛИН
HODGES, FIGGIS & CO. Ltd.
104 ГРАФТОН-СТРИТ

ЛОНДОН
ХАМФРИ МИЛФОРД
АМЕН КОРНЕР, Э.К.
1913

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I	
Некоторые замечания о колдовстве в Ирландии	1
ГЛАВА II	
1324 Г. Н.Э.	
Дама Алиса Кайтелер, колдунья из Килкенни	25
ГЛАВА III	
1223-1583 ГГ. Н.Э.	
Дело Кайтелера и его окружение - колдовство и ересь - Майкл Скот - четвертый граф Десмонд - Иаков I и ирландская пророчица - обвинение в колдовстве в 1447 году - судебные процессы по колдовству в XVI веке - законы, касающиеся этой темы - откусители глаз - заколдованный граф Десмонд	46
ГЛАВА IV	
1606-1656 ГГ.	
Колдовство, излеченное реликвией - Восстание дьявола в Ирландии - Как его обманул доктор богословия - Стюарт и феи - Ректор Роберт Блэр и человек, одержимый дьяволом - Странные происшествия под Лимериком - Предчувствия убитых людей в Портадауне - Зачарованные жизни - Видения	77

и предвестия - Прошение околдованного человека из Антрима в Англию - Пророчества архиепископа Ашера - Мистер Браун и запертый сундук

ГЛАВА V

1661 ГОД

Флоренс Ньютон, ведьма из Югала

105

ГЛАВА VI

1662-1686 ГГ.

Дьявол в Дамервилле и в Баллинагарде - Тавернер и призрак Хэддока - Хантер и призрачная старуха - ведьма, спасенная дьяволом - доктор Уильямс и дом с привидениями в Дублине - явления в воздухе в Типперэри - священнослужитель и его жена околдованы до смерти - околдование мистера Моора - одержимый феей дворецкий - призрак провоцирует судебное преследование - предполагаемое колдовство в графстве Корк. Корк - Дьявол среди квакеров

132

ГЛАВА VII

1688 ГОД Н.Э.

Ирландско-американская ведьма

176

ГЛАВА VIII

1689-1720 ГГ.

Предвестие вступления в должность Якова II - Колдовство в ко. Антрим - традиционная версия того же самого - события, предшествовавшие суду над ведьмами на острове Мейджи - сам суд - доктор Фрэнсис Хатчинсон

194

ГЛАВА IX

ОТ 1807 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Мэри Баттерс, ведьма из Карнмони - баллада о ней - Рука славы - путешествие по воздуху - "ведьма" в 1911 году - несколько современных иллюстраций магии скота и молока - перенос болезни *кайлихом* - захоронение снопа - комиссия Дж. П. -

224

ИРЛАНДСКОЕ КОЛДОВСТВО И ДЕМОНОЛОГИЯ

ГЛАВА I

Некоторые замечания о колдовстве в Ирландии

Говорят, хотя мы не можем ручаться за точность этого утверждения, что в одной книге по естественной истории Ирландии есть замечательная и часто цитируемая глава о змеях - эта глава состоит из слов: "В Ирландии нет змей". По мнению большинства современных людей, книга о колдовстве в Ирландии была бы такой же длины и с такими же формулировками, если бы только в нее не было включено дело Кайтелера в городе Килкенни в первой половине четырнадцатого века. Ибо, за исключением этого классического случая, современные авторы, похоже, считают, что культ ведьм так и не нашел себе места в Ирландии, как это было в других странах. Например, в статье "Колдовство" последнего издания *"Британской энциклопедии"* упоминаются Англия и Шотландия, затем переходят к континенту и совсем игнорируют эту страну; и это в целом позиция, принятая писателями по данному вопросу. В связи с этим кажется очень странным, что никто не попытался показать, почему Зеленый остров оказался в таком особом выигрыше по сравнению с остальным цивилизованным миром, или как получилось, что он один избежал заражения болезнью, которая не годы, а столетия заражала Европу до глубины души. Как бы то ни было, они могут избавить себя от необходимости искать объяснение исключения Ирландии, поскольку мы надеемся показать, что вера в колдовство проникла в эту страну и довольно прочно укоренилась там, хотя отнюдь не в такой степени, как в Шотландии и Англии. Эта тема никогда не рассматривалась в полном объеме, хотя отдельные заметки можно найти то тут, то там; эта книга, какой бы несовершенной она ни была, может с полным правом претендовать на звание первой попытки собрать разрозненные истории и записи о колдовстве в Ирландии из многих малоизвестных источников и представить их в сжатом и удобоваримом виде. Хотя этот том может дать мало или вообще ничего нового для истории или психологии колдовства в целом, он также может претендовать на то, чтобы стать ненаписанной главой в истории Ирландии и показать, что в этом отношении значительная часть нашей страны оказалась в одном ряду с остальной Европой.

С самого начала необходимо четко определить план и объем этой книги. Следует заметить, что вера в фей и подобных им существ практически не затрагивается, за исключением тех случаев, когда сказочные предания и колдовство неразрывно сливаются воедино.

Причину такого подхода найти несложно. Со времен англо-норманнского вторжения страна была разделена на два противоборствующих элемента - кельтский и английский. Правда, во многих случаях они объединялись в мире и войне, в религии и политике, но, как правило, они были разными, и это стало еще более заметным после распространения Реформации. Поэтому именно в англо-норманнской (а затем и в протестантской) части страны мы находим

развитие колдовства по тем же принципам, что и в Англии или на континенте, и именно с ней мы имеем дело в этой книге; кельтский элемент имел свои собственные суеверные верования, но они никогда не развивались в этом направлении. В Англии и Шотландии в средневековый и более поздний периоды ее существования колдовство было преступлением против законов Божьих и человеческих; в кельтской Ирландии сделки с невидимым не рассматривались с таким отвращением и действительно имели санкцию обычая и древности. В Англии после Реформации мы редко видим, чтобы члены Римско-католической церкви принимали какое-либо заметное участие в делах о ведьмах, и это в равной степени относится и к Ирландии того же времени. Насколько мы можем судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, колдовство, по-видимому, было уделом протестантов, а существование уголовных законов (действующих или затихших), вероятно, удерживало римских католиков от участия в делах, которые могли бы привлечь к себе внимание общественности в столь значительной степени. Некоторые пристрастные писатели сделали на этом определенный капитал, но представить, что рядовой римский католик, скажем, семнадцатого века, был ни на йоту менее доверчив или суеверен, чем протестантские пэры, епископы или судьи, означало бы сформировать концепцию, прямо противоречащую опыту и здравому смыслу. У обеих партий были свои убеждения, но они шли по разным каналам и по-разному влияли на общественную жизнь.

Еще один момент, связанный с планом этой работы, о котором говорит ее название, требует нескольких слов пояснения. Читатель поймет, что в книге рассматривается не только вопрос о колдовстве, хотя мы постарались привлечь к нему как можно больше внимания, но и рассказы о сверхъестественном, о появлении призраков и дьявола, особенно в главах IV и VI. Если мы и ошиблись, включив их, то, по крайней мере, в respectable компанию сэра Вальтера Скотта, К. К. Шарпа и других известных писателей. Мы включили их в книгу отчасти потому, что они представляют собой интересное чтение и взяты из источников, с которыми средний читатель не знаком, но главным образом потому, что они, как в зеркале, отражают нравы эпохи и показывают степень, до которой каждый класс общества был пронизан верой в грубые формы сверхъестественного, и слепую готовность, с которой он принимал то, что в наши дни было бы отброшено как недостойное даже беглого изучения. Об этом ярко свидетельствует случай, когда судебный процесс был начат по наущению призрака - причудливый элемент юридической истории. Судья, выносящий решение, или присяжные и адвокаты, выступающие в таком деле, с одинаковой готовностью рассмотрели бы дело и признали бы виновным человека по обвинению в колдовстве; и, вероятно, так поступали гораздо чаще, чем нам известно.

Читатель, естественно, задаст вопрос: чем объясняется сравнительная свобода Ирландии от этого бедствия, в то время как вся Европа на протяжении столетий подвергалась столь жестокому наказанию? Полностью объяснить это трудно, но рассмотрение следующих моментов позволяет получить частичное объяснение.

Прежде всего, в качестве причины можно назвать отстраненность Ирландии. Изумрудная жемчужина западного мира" лежит далеко на краю океана, вдали от тех влияний, которые так сильно воздействовали на народную мысль в других странах. Не будет ошибкой сказать, что ее отделяют от Англии и континента не только географические особенности, или что во многих отношениях, в своей церковной организации, литературе и так далее, она развивалась по полунезависимым линиям. И поэтому, в силу этой удаленности, она, по-видимому, не смогла приобрести и усвоить те разнообразные и сложные черты, которые составили концепцию колдовства. Или, говоря другими словами, средневековое колдовство было побочным продуктом цивилизации Римской империи. Ирландская цивилизация

развивалась по другим, более варварским путям, и поэтому не имела возможности усвоить те особенности верований, которые были распространены в других странах Европы.

Поэтому, когда англо-норманны пришли сюда, они обнаружили, что коренные кельты не были склонны принимать мнение о ведьме как об эмиссаре Сатаны и враге Церкви, хотя они полностью верили в сверхъестественные влияния как добра, так и зла, и приписывали своим бардам и друидам обладание сверхъестественными силами. Если бы эта страна никогда не подвергалась вторжению через Ла-Манш, если бы ее оставили вершить свою судьбу без помощи и влияния соседей, вполне возможно, что в какой-то период своей истории она прониклась бы колдовским духом и, со свойственной ей гениальностью, смешала бы его со своими собственными более древними верованиями, что в конечном итоге привело бы к появлению формы этого вероучения, которая во многих отношениях отличалась бы от той, которой придерживались в других странах. Так случилось, что англичане и их преемники получили монополию и сохранили ее в своих руках; таким образом, англо-норманнским захватчикам можно поставить в заслугу то, что они стали главным средством, предотвратившим рост и распространение колдовства в кельтской Ирландии.

Еще один момент возникает в связи с продвижением Реформации в Ирландии. К сожалению, преследование ведьм не прекратилось в тех странах, где это движение продвинулось далеко не сразу; напротив, на сайте оно продолжалось с неослабевающей силой. Непогрешимость была перенесена с церкви на Библию; римский католик преследовал ведьму, потому что верховный понтифик заклеил ее как еретичку и пособницу сатаны, а протестант действовал аналогичным образом, потому что Священное писание содержало мрачную заповедь "Не позволяй ведьме жить". Таким образом, гонения одинаково процветали в протестантских и католических королевствах. Но в Ирландии условия были иными. Мы видим там римско-католическое большинство, не предрасположенное к подобной вере по расовому признаку, лишенное в силу своих религиозных и политических взглядов возможности принимать полноценное участие в государственных делах и всячески противостоящее протестантскому меньшинству. Последовавшая за этим суматоха и столкновения войны не дали возможности идее колдовства достичь зрелости и распространить свои семена; она была втоптана в землю ногами сражающихся, и, хотя меньшинство твердо верило в колдовство и родственные ему предметы, оно не имело достаточно сил, чтобы сделать эту веру всеобщей по всей стране.

Третья причина, которую можно привести в качестве объяснения сравнительной неуязвимости Ирландии, - полное отсутствие литературы на эту тему. Распространение книг и памфлетов по всей стране или округе - один из признанных способов пропаганды того или иного вероучения; друзья и противники христианства в равной степени признавали истинность этого и всегда использовали его в полной мере. В Англии, начиная с шестнадцатого века, мы видим огромное количество литературных произведений, посвященных колдовству, причем большинство из них были в поддержку этой веры. Многие из них были небольшими памфлетами, которые служили "желтой прессой" того времени; они были хорошо рассчитаны на то, чтобы пробудить суеверные чувства своих читателей, поскольку были написаны с сенсационной точки зрения - более того, кажется весьма вероятным, что составители, желая выпустить поразительную брошюру, которая наверняка получила бы широкое распространение, иногда опирались на свое воображение для получения фактов. Можно представить себе, какое зло принесло бы такое произведение среди невежественных и суеверных людей; неверующие были бы обращены в веру, а доверчивые еще больше укрепились бы в своем легковерии.

Позднее, когда люди стали достаточно практичными, чтобы усомниться в реальности подобных вещей, разразилась литературная война, и в этой "битве книг" мы видим такие известные имена, как Ричард Бакстер, Джон Локк, Мерик Казобон, Джозеф Гланвил и Фрэнсис Хатчинсон, выступавшие то на одной, то на другой стороне. Таким образом, у обычного англичанина не было бы разумных оснований не знать о силе ведьм или о различных мнениях по их поводу. С другой стороны, в Ирландии (за единственным исключением памфлета 1699 года, который, возможно, был напечатан на месте, а возможно, и нет) нет ни малейших следов публикации какой-либо колдовской литературы, пока мы не достигнем первых лет девятнадцатого века. Таким образом, вся наша информация об Ирландии поступает из случайных заметок в книгах и из источников по ту сторону воды. Мы могли бы с полным основанием ожидать, что важный судебный процесс над Флоренс Ньютон в Югале в 1661 году, в исторической реальности которого не может быть никаких сомнений, будет увековечен ирландскими писателями и издателями, но на самом деле он сохранился для нас только в двух лондонских печатных книгах. Нельзя путать причину и следствие; книги о колдовстве, естественно, стали бы результатом судебных процессов над ведьмами, но, в свою очередь, они стали бы средством распространения этой идеи и доведения ее до сведения людей, которые в противном случае никогда бы не проявили ни малейшего интереса к этому вопросу. Таким образом, отсутствие этой формы литературы в Ирландии серьезно препятствовало распространению веры в колдовство (и, как следствие, практики колдовства).

Когда колдовство появилось в Ирландии и как оно там развивалось? Кажется вероятным, что эта вера, а также некоторые аспекты преданий о феях, доселе неизвестные ирландцам, и идеи, связанные с молочной и масляной магией, в основном могут считаться результатом англо-норманнского вторжения, хотя не исключено, что более ранняя их часть пришла со скандинавами. С нашими нынешними знаниями мы не можем проследить активное существование этого явления в Ирландии дальше, чем дело Кайтелера в 1324 году; и хотя оно было почти первым случаем, когда зло стало очевидным для широкой общественности, оно, похоже, было лишь кульминацией событий, которые тихо и незаметно происходили некоторое время до этого. Из формулировок, использованных парламентом в связи с делом 1447 года, можно сделать вывод, что ничего примечательного или достойного внимания в области колдовства или чародейства в стране за прошедшие столетие и четверть века не происходило. В течение еще ста лет ничего не было зафиксировано, в то время как вторая половина шестнадцатого века дает нам два случая и предположение о нескольких других.

Некоторые авторы утверждают (мы полагаем, на основании авторитета одного из ранних редакторов *"Гудибраса"*), что за время правления парламента Содружества в Англии было предано смерти *тридцать тысяч* ведьм. Другие, обладающие здравым смыслом, называют цифру в три тысячи, но и это слишком много. Тем не менее не вызывает сомнений, что в тот период на виселицу было отправлено больше ведьм, чем в любой другой период английской истории. Ирландия, похоже, избежала наказания - , по крайней мере, нам не удалось найти ни одного случая суда над ведьмами в то время. Вероятно, этот иммунитет во многом объясняется ужасно беспокойным состоянием страны, огромными потрясениями, вызванными кромвелевскими конфискациями, а также различными трудностями и опасностями, с которыми столкнулись новые поселенцы.

Д-р Нотестейн^[1] показывает, что рассказы о явлениях и дьяволах, стуках и странных звуках, которыми наполнена английская популярная литература того периода, свидетельствуют о сильном переутомлении общественного сознания; в главе IV приводятся некоторые примеры подобных историй в Ирландии, также свидетельствующих о сходном состоянии напряжения.

Хотя первая половина семнадцатого века столь бесплодна в отношении *колдовства*, все же следует заметить, что в этот период мы часто встречаем упоминания о призраках, явлениях, дьяволах и т. д., что заставляет нас сделать вывод, что рост веры в подобные предметы в то время был почти полностью связан с появлением кромвелевских поселенцев и шотландских колонистов в Ольстере; действительно, верования последних превратили Северную провинцию в миниатюрную Шотландию в этом отношении. Мы не можем винить их за это; разве можно было ожидать чего-то другого от людей, которые, как духовенство, так и миряне, были пропитаны суевериями, которые в то время были так распространены в двух странах, из которых были набраны их ряды?

Таким образом, семнадцатое столетие стало в Ирландии эпохой колдовства, демонологии и сверхъестественного. Самое примечательное дело о ведьмах того времени, суд над Флоренс Ньютон в 1661 году, о котором уже упоминалось, похоже, в значительной степени было подвержено влиянию событий в Англии, а различные методы, предложенные или использованные в качестве проверки виновности этой старой женщины, вполне соответствуют процедуре, принятой несколькими годами ранее английским генералом-искателем ведьм, печально известным Мэтью Хопкинсом. После 1711 года наступает период упадка, а между этой датой и 1808 годом ничего не найдено, хотя можно с уверенностью предположить, что этот пробел был заполнен инцидентами, подобными случаю Мэри Баттерс и другим, описанным в последней главе; а также, возможно, как и в Англии, вспышками дикости со стороны невежественной и легковой толпы.

Колдовство никогда не процветало в Ирландии в больших масштабах, и никогда не происходило ничего, что заслуживало бы названия преследования - за исключением, возможно, продолжения дела Kyteler, подробности которого, как мы опасаемся, никогда не будут восстановлены. Первую часть этого утверждения следует воспринимать в целом и не давить на нее слишком сильно, поскольку она почти полностью основана на негативных доказательствах, *то есть* на отсутствии информации по данному вопросу. Англия располагает обширным списком книг и памфлетов, а о доле Шотландии в этом деле можно узнать из прекрасной серии уголовных процессов, опубликованных Питкэрном в *Miscellanies of the Abbotsford Club*, не говоря уже о других работах; несмотря на это, многие дела как в Англии, так и в Шотландии наверняка остались незарегистрированными. Ирландия не может предоставить ничего подобного, поскольку, как мы уже показали, все *печатные* извещения об ирландском колдовстве, за одним возможным исключением, содержатся в книгах, изданных за пределами страны. Тем не менее, если бы удалось найти все возможные источники, как печатные, так и в виде рукописей, весьма вероятно, что на эту тему можно было бы написать гораздо более полный том, чем нынешний. Елизаветинский закон был принят на основании случаев (зарегистрированных и незарегистрированных), которые возникали в стране; а поскольку человеческая природа такова, какова она есть, кажется вероятным, что само принятие этого закона ирландским парламентом было достаточным стимулом для ведьм, чтобы практиковать свое искусство. Ни одна вера не набирает силу, пока ее не запретят; тогда мученики играют свою роль, и, как следствие, увеличивается число последователей.

Акт 1634 года показывает мнение, бытовавшее в высших кругах относительно пагубного влияния ведьм и угрозы, которую их присутствие представляло для безопасности общества в целом; в этом нет сомнений, эффект "дурного глаза" или сатирические стихи бардов были бы в равной степени причислены к собственно колдовству.

Из различных намеков и случайных замечаний, например, в рассказе о заколдовывании сэра Джорджа Поллока или в заявлении Лоу по поводу дела мистера Моора, а также из

рассмотрения распространенности веры среди всех слоев общества, можно сделать вывод, что в Ирландии в XVI и XVII веках было гораздо больше случаев колдовства, чем можно себе представить, хотя по сравнению с другими странами их число было бы совсем небольшим. Будущие исследователи старых документов, возможно, смогут подтвердить это утверждение и предоставить информацию, которая в настоящее время недоступна.

Рассмотрение темы колдовства в целом, его психологии или многих странностей, которые оно в себя включало, было бы неуместно в работе, посвященной исключительно одной конкретной стране, да и не могло бы быть адекватно рассмотрено в имеющемся в нашем распоряжении пространстве; однако необходимо сказать несколько слов по этому вопросу, чтобы показать в сравнении, какой боли и несчастья избежали жители Ирландии благодаря тому, что среди них не был распространен этот ужасный культ.

Прежде всего, судя по немногочисленным судебным процессам над ведьмами, можно утверждать, что пытки как средство получения показаний никогда не применялись к ведьмам в Ирландии (за исключением обращения епископа де Ледреде с Петронилой из Мит, которое, похоже, проводилось в чисто неофициальной манере). Было бы интересно просмотреть сохранившиеся записи, чтобы выяснить, как часто в Ирландии применялись пытки к преступникам в судебном порядке, и, вероятно, студент, который возьмется за это исследование, обнаружит, что этот ужасный и нелогичный метод получения правды (!) использовался очень редко. Также совершенно не ясно, применялись ли пытки в Англии на подобных процессах. Доктор Нотештайн[2] считает, что существуют некоторые следы, которые, однако, не могут быть точно доказаны, за исключением одного конкретного случая в конце правления Якова I, хотя это было исключительное преступление - колдовство (и, следовательно, государственная измена) против этого слишком доверчивого короля. Было ли его использование когда-либо узаконено парламентским актом в какой-либо стране?

В Шотландии, напротив, пытки применялись с ужасающей частотой; едва начался суд по делу о колдовстве или чародействе, как некоторые из несчастных обвиняемых были подвергнуты этому ужасному испытанию. Даже в 1690 году пытки применялись в судебном порядке для получения показаний, так как в том году якобитский джентльмен был допрошен сапогами. Но Шотландия, даже в худшем ее проявлении, меркнет перед некоторыми частями континента, где пытки применялись в такой степени, которую можно назвать только адской; ужасающая изобретательность, проявленная в различных методах применения "необычного вопроса", кажется работой скорее демонов, чем христиан, и заставляет краснеть за человечность. *Повторение* пыток, правда, было запрещено, но печально известный инквизитор Джеймс Шпренгер придумал тонкое различие, по которому каждое новое применение было *продолжением*, а не повторением первого; одна колдунья в Германии подвергалась такому продолжению не менее *пятидесяти шести* раз.

В Ирландии наказание в виде смерти через огонь за колдовство или чародейство также не применялось в какой-либо степени. У нас есть один несомненный случай и общий намек на другие, как продолжение этого. Как были преданы смерти две ведьмы в 1578 году, мы не знаем, но, вероятно, это было повешение. После принятия Акта 1586 года способ казни был бы таким же, как и в случае уголовного преступления. На континенте кол был постоянно востребован. В 1514 году триста человек были сожжены заживо за это преступление в Комо. Между 1615 и 1635 годами в Страсбургской епархии было сожжено более шести тысяч колдунов, а в Ломбардии, если верить данным Бартоломео де Спина, в *течение двадцати пяти лет* предавали смерти по тысяче колдунов в год[3] Общее число людей, казненных различными способами за это преступление, согласно "*Британской энциклопедии*", по-

разному оценивается от ста тысяч до нескольких миллионов; если последняя цифра слишком высока, то первая, несомненно, слишком низка.

В преследовании тех, кто занимался магическими искусствами, не щадили ни одно сословие, ни один класс общества; знатные люди наравне с крестьянами подвергались пыткам и смерти. Особенно это касалось ранних стадий движения, когда преступлением было *колдовство*, а не *ведьмовство*. Ведь между ними существует общее различие, хотя во многих случаях их смешивают. Колдовство было, так сказать, более аристократическим занятием; колдун был хозяином Дьявола (до истечения отведенного ему времени) и заставлял его выполнять свои приказы; ведьма обычно принадлежала к низшим классам, воплощала в своем искусстве многие практики, лежащие на границе добра и зла, и была скорее рабом Сатаны, который почти неизменно оказывался самым неверным и ненадежным работодателем. В качестве иллюстрации широкого различия между ними читатель может сравнить даму Алису Кайтелер с Флоренс Ньютон. Anybody might become a victim of the witch epidemic; noblemen, scholars, monks, nuns, titled ladies, bishops, clergy—none were immune from accusation and condemnation. Даже святой однажды попал под подозрение; в 1595 году С. Франциск де Салес был обвинен в присутствии на колдовском шабаше и едва избежал сожжения населением.^[4] Можно было бы еще многое написать в том же духе, но достаточно иллюстраций, чтобы показать читателю, что по своей сравнительной защищенности от колдовства и его ужасных последствий Ирландия, которую обычно считают такой несчастной, может считаться самой удачливой страной в Европе.

В заключение мы не сочли нужным прилагать библиографию. К сожалению, книги, с которыми мы консультировались и которые не содержали никакой информации об Ирландии, слишком многочисленны, а те, которые оказались полезными, полностью упоминаются в тексте или сносках настоящего тома. Тем не менее, мы хотели бы признать свой долг перед такими общими работами по этой теме, как *"Демонология и колдовство"* сэра Вальтера Скотта, *"История колдовства в Шотландии"* К. К. Шарпа, *"Дьявол в Британии и Америке"* Джона Эштона и *"История колдовства в Англии, 1558-1718"* профессора Уоллеса Нотестейна (Вашингтон, 1911); последние три содержат очень полезные библиографические заметки. Много ценной информации о традиционных версиях некоторых происшествий, случившихся в Ольстере, почерпнул из памфлета Класона Портера *"Ведьмы, колдуны и призраки"* (перепечатанного из *"Северного вига"* за 1885 год). Для ознакомления с колдовством на континенте с высоты птичьего полета с самых ранних времен можно порекомендовать книгу Ж. Франса *"Церковь и колдовство"* (Париж: Нурри, 1910).

ГЛАВА II

1324 Г. Н.Э.

Дама Алиса Кайтелер, колдунья из Килкенни

История судебного разбирательства против дамы Алисы Кайтелер и ее единомышленников за то, что они занимались недозволенными искусствами, содержится в одном из документов

Британского музея и была отредактирована среди публикаций Камденского общества Томасом Райтом, который считает ее современным повествованием. Хорошие современные рассказы о нем приводятся в книге того же ученого антиквара "Рассказы о колдовстве и чародействе" в *Transactions of the Ossory Archæological Society*, vol. i., и в книге преподобного доктора Кэрригана "*История епархии Оссори*", vol. i.

Дама Алиса Кайтелер (таково, по-видимому, было ее девичье имя), *легкомысленный принцепс* ирландских ведьм, принадлежала к хорошей англо-норманнской семье, которая уже много лет жила в городе Килкенни. Надгробие в форме гроба одного из ее предков, Хосе де Кетеллера, умершего в 128 году, сохранилось в церкви Святой Марии; надпись сделана на нормандско-французском языке, а шрифт - ломбардский. Эта дама, должно быть, была далека от распространенного представления о ведьме как о старухе с поразительным уродством, или же ее сила притяжения была очень велика, поскольку ей удалось привести к алтарю четырех мужей. Во-первых, она была замужем за банкиром Уильямом Оутлау из Килкенни, во-вторых, за Адамом ле Бландом из Каллана, в-третьих, за Ричардом де Валле, от которых, как предполагалось, она избавилась с помощью яда, а в-четвертых, за сэром Джоном ле Пором, которого, как утверждалось, она лишила естественных чувств с помощью фильтров и заклинаний.

Епископом Оссори в этот период был Ричард де Ледреде, францисканский монах и англичанин по происхождению. Вскоре он узнал, что все не так, как должно быть, поскольку во время посещения своей епархии в начале 1324 года он обнаружил с помощью инквизиции, в которой участвовали пять рыцарей и множество дворян, что в городе существует группа еретических колдунов, во главе которой стояла дама Алиса. Против них были выдвинуты следующие обвинения.

1. Они отрекались от веры Христовой в течение года или месяца, в зависимости от того, насколько важной была цель, которую они хотели достичь с помощью колдовства. В течение всего этого времени они не верили ни в одну из доктрин Церкви; они не поклонялись Телу Христову, не входили в священное здание, чтобы послушать мессу, не употребляли освященный хлеб и святую воду.
2. Они приносили в жертву демонам живых животных, которых расчленили, а затем раздавали на перекрестках дорог некоему злему духу низкого звания по имени Сын Искусства.
3. Своим колдовством они искали совета и ответа у демонов.
4. На своих ночных собраниях они кощунственно подражали власти Церкви, произнося при зажженных свечах приговоры об отлучении даже собственных мужей, от подошвы ноги до макушки головы, называя каждую часть в отдельности, а в заключение гасили свечи и восклицали "*Фи! Фи! Фи! Аминь*."
5. Чтобы вызвать в верующих чувства любви или ненависти, а также причинить им смерть или болезнь, они использовали порошки, приправы, мази и жировые свечи, которые были приготовлены следующим образом. Они брали внутренности петухов, приносимых в жертву демонам, некоторых ужасных червей, различные неопределенные травы, ногти мертвецов, волосы, мозги и клочья мозгов мальчиков, похороненных некрещеными, и другие мерзости, и все это они готовили, с различными заклинаниями, на огне дубовых поленьев в сосуде, сделанном из черепа обезглавленного вора.

6. Дети четырех мужей дамы Алисы обвинили ее перед епископом в том, что она убила их отцов колдовством и навела на них такое оцепенение, что они завещали все свое состояние ей и ее любимому сыну Уильяму Оутлау, к обнищанию остальных детей. Они также заявили, что ее нынешний муж, сэр Джон ле Пур, был доведен до такого состояния колдовством и использованием порошков, что страшно истощен, ногти отвалились, а на теле не осталось ни одного волоска. Без сомнения, он бы умер, если бы служанка не предупредила его о происходящем, после чего он силой завладел ключами своей жены и открыл несколько сундуков, в которых нашел целый мешок ужасных и отвратительных вещей, которые он передал епископу руками двух священников.

7. У упомянутой дамы был некий демон, инкуб, по имени Сын Искусства, или Робин, сын Искусства, который имел с ней плотские отношения и от которого, по ее признанию, она получила все свое богатство. Этот инкуб появлялся в разных обликах: то в виде кошки, то в виде лохматой черной собаки, то в образе негра (*Æthiops*), в сопровождении двух других, которые были крупнее и выше его, и один из которых нес железный жезл.

Согласно другому источнику, жертва злему духу состояла из девяти красных петухов и девяти павлиньих глаз. Даму Алису также обвиняли в том, что она "подметала улицы Килкенни между полумраком и сумерками, сгребая всю грязь в сторону домов своего сына Уильяма Оутлау, тайно шепча про себя такие слова:

"В дом Уильяма, сына моего
Передайте все богатства города Килкенни".

Убедившись в этом, епископ написал канцлеру Ирландии Роджеру Аутлау, который также был приором прецептории Килмайнхема, с просьбой арестовать этих людей. После этого Уильям Аутлау собрал сильную партию, чтобы противостоять требованиям епископа, среди которых были канцлер, его близкий родственник и сэр Арнольд ле Пур, сенешаль Килкенни, который, вероятно, был родственником четвертого мужа дамы Алисы. Канцлер в ответ написал епископу, что ордер на арест не может быть получен, пока публичный процесс отлучения не вступит в силу в течение сорока дней, а сэр Арнольд также написал письмо с просьбой отозвать дело или проигнорировать его. Обнаружив на своем пути такие препятствия, епископ взял дело в свои руки и вызвал к себе даму, которая в то время находилась в доме своего сына в Килкенни. Как и следовало ожидать, она проигнорировала это требование и немедленно скрылась.

Потерпев неудачу, он обвинил ее сына Уильяма в ереси. После этого сэр Арнольд пришел вместе с Уильямом в приорство Келлс, где де Ледреде проводил инспекцию, и умолял его не продолжать это дело. Посчитав уговоры бесполезными, он прибегнул к угрозам, которые быстро привел в исполнение. Когда на следующий день епископ отправился продолжать визит, на окраине города Келлс его встретил Стивен ле Пур, бейлиф кантреда Оверк, с отрядом вооруженных людей, которые арестовали его по приказу сэра Арнольда и в тот же день поместили в тюрьму Килкенни. Это, естественно, вызвало огромное волнение в городе. На город был наложен интердикт; епископ пожелал принять таинство, и оно было торжественно принесено к нему деканом и капитулом. Все духовенство, как светское, так и религиозное, стекалось со всех сторон к тюрьме, чтобы утешить пленника, и их чувства были доведены до высшей точки проповедью доминиканца, взявшего в качестве текста *"Блаженны гонимые"* и т. д. Видя это, Уильям Аутлау нервно сообщил об этом сэру Арнольду, который решил держать епископа под строгим контролем, но впоследствии изменил свое решение и разрешил ему иметь при себе спутников днем и ночью, а также предоставил свободный вход всем его друзьям и слугам.

После того как де Ледреде продержали в тюрьме семнадцать дней и сэр Арнольд тем самым добился своего, а именно: чтобы день, когда Уильям Оутлау должен был явиться, прошел, он послал через своего дядю епископа Лейглина (Милер ле Пур) и шерифа Килкенни поручение коменданту тюрьмы освободить епископа. Тот отказался улизнуть, как освобожденный преступник, но принял понтификал и в сопровождении всего духовенства и толпы народа торжественно направился в собор Святого Каниса, где воздал благодарение Богу. С настойчивостью, которой мы не можем не восхищаться, он снова публично призвал Уильяма Оутлау предстать перед ним, но до наступления этого дня епископ сам был призван к ответу в Дублине за наложение интердикта на его епархию. Он отказался от присутствия, сославшись на то, что дорога туда проходит через земли сэра Арнольда и, следовательно, его жизнь будет в опасности.

Де Ледреде был арестован по приказу Ле Пура во время Великого поста в 1324 году. В понедельник, следующий за октавой Пасхи, сенешаль устроил суд в Килкенни, куда епископу вход был закрыт; но тот, облаченный в полное одеяние и неся Таинство в золотой вазе, пробрался в зал суда и, "взойдя на трибуну и благоговейно вознеся Тело Христово, попросил сенешаля, судью и судебных приставов предоставить ему слушание". Сцена, разыгранная между ними, была необычной; она слишком длинна, чтобы ее излагать, и не терпит сокращения - достаточно сказать, что сенешаль назвал епископа "этим мерзким, деревенским, заблудшим монахом (trutanus), с его грязью (hordys), которую он несет в руках", и отказался выслушать его аргументы или оказать ему какую-либо помощь.

Хотя мы на некоторое время потеряли из виду даму Алису, она, похоже, внимательно следила за развитием событий, так как теперь мы видим, что епископ вызвал ее в Дублин для ответа за то, что отлучил ее от церкви, не отлученную, не приговоренную и не осужденную за колдовство. Он явился на заседание и обнаружил, что суды короля и архиепископа настроены против него, но в итоге епископ одержал победу; сэр Арнольд смирился и попросил прощения за нанесенные ему обиды. Оно было даровано, и в присутствии совета и собравшихся прелатов они взаимно поцеловали друг друга в знак мира.

После столь благополучного завершения дел епископ получил возможность обратить внимание на дела, которые неизбежно были отложены на некоторое время. Он выписал грамоту, в которой просил канцлера арестовать упомянутую Алису Кайтелер, а также поручил генеральному викарию архиепископа Дублинского привести ее к ответу в определенный день в Килкенни перед епископом. Но птица снова вырвалась из рук птицелова. Дама Алиса бежала во второй раз, на этот раз из Дублина, где она жила, и (как говорят) добралась до Англии, где провела остаток своих дней без охраны. Впоследствии несколько ее единомышленников были арестованы, причем некоторые из них, судя по всему, вели весьма скромный образ жизни, и отправлены в тюрьму. Их звали: Роберт из Бристоля, клерк, Джон Галруссин, Эллен Галруссин, Сысок Галруссин, Уильям Пейн де Боли, Петронилла из Мит, ее дочь Сара,^[5] Алиса, жена Генри Фабера, Аннота Ланге и Ева де Браунстаун. Когда епископ прибыл в Килкенни из Дублина, он отправился прямо в тюрьму и допросил вышеупомянутых несчастных. Все они сразу же признались в предъявленных им обвинениях и даже пошли на то, чтобы признаться в других преступлениях, о которых не упоминалось; но, по их словам, матерью и хозяйкой всех их была дама Алиса. В связи с этим 6 июня епископ написал письма канцлеру и казначею Уолтеру де Айслеу с просьбой приказать шерифу прикрепить тела этих людей и поместить их на хранение. Но в выдаче ордера было отказано из-за того, что Уильям Оутлау был родственником одного из них и близким другом другого; в конце концов епископ добился его через юстициария, который также согласился заняться этим делом, когда приедет в Килкенни.

Перед своим приездом епископ вызвал Уильяма Аутлау к ответу в церкви Святой Марии. Последний предстал перед ним в сопровождении группы вооруженных до зубов людей, но, ничуть не ошеломленный такой демонстрацией силы, де Ледреде официально обвинил его в ереси, в том, что он благоволил, принимал и защищал еретиков, а также в ростовщичестве, лжесвидетельстве, прелюбодеянии, клерикализме и отлучении - всего против него было выдвинуто тридцать четыре пункта, и ему было разрешено ответить по прибытии судебного чиновника. Когда тот прибыл в Килкенни в сопровождении канцлера, казначея и королевского совета, епископ в их присутствии зачитал обвинения против дамы Алисы, с общего согласия присутствующих юристов объявил ее колдуньей, волшебницей и еретичкой и потребовал передать светским властям, а также конфисковать ее имущество и вещи. Судя по записке монаха Клайна, это произошло 2 июля. В тот же день епископ устроил большой пожар в центре города, в котором сжег мешок с магическим товаром, состоящим из порошков, мазей, человеческих ногтей, волос, трав, червей и прочих мерзостей, который, как читатель помнит, он получил от сэра Джона де Поре на ранней стадии разбирательства.

Еще больше проблем возникло с Уильямом Оутлау, которого поддерживали канцлер и казначей, но епископу в конце концов удалось избить его и заставить подчиниться на коленях. В качестве покаяния ему было приказано в течение года ежедневно отслужить не менее трех месс, накормить определенное количество бедняков и покрыть свинцом алтарь собора Святого Каниса от колокольни на восток, а также часовню Пресвятой Девы. Он с благодарностью согласился, но впоследствии отказался выполнять свои обязательства и был брошен в тюрьму.

О судьбе сообщниц дамы Алисы, имена которых мы приводили выше, ничего не известно, кроме одного конкретного случая. Одна из них, Петронилла из Мит, стала козлом отпущения для своей госпожи. Епископ подверг ее шестикратной порке, и под повторным применением этой формы пыток она сделала требуемое признание в магических практиках. Она призналась в отречении от веры и принесении жертвы Роберту, сыну Арта, а также в том, что вызывала у некоторых знакомых женщин вид, будто у них козы рога. Она также призналась, что по предложению дамы Алисы часто обращалась к демонам и получала от них ответы, и что она выступала в роли "медиума" (посредника) между ее и упомянутым Робертом. Она заявила, что, хотя сама и владеет Черным искусством, она ничто по сравнению с дамой, у которой она почерпнула все свои знания, и что в мире нет никого искуснее ее. Она также заявила, что Уильям Оутлау заслуживает смерти не меньше, чем она, поскольку был посвящен в их колдовство и в течение года и дня носил дьявольский пояс[6] вокруг своего тела. При обыске в доме дамы Алисы была найдена "облатка из причастного хлеба, на которой вместо Иисуса Христа было начертано имя дьявола, и трубочка с мазью, которой она смазывала посох, на котором она скакала то толстым, то тонким галопом, когда и как ей вздумается". Петронилла была приговорена к сожжению заживо, и исполнение этого приговора состоялось со всей торжественностью в Килкенни 3 ноября 1324 года, которое, по словам Клайна, выпало на воскресенье. Это был первый случай наказания огнем за ересь в Ирландии.

Были ли наказаны сокамерники Петрониллы, неизвестно, но слова анонимного рассказчика показывают, что сожжение этой несчастной было скорее началом, чем концом преследования - ведь за ней последовали еще множество подозреваемых, некоторые из которых разделили ее ужасную судьбу, в то время как другие подверглись более мягким формам наказания, несомненно, пропорционально их вине. Он заявляет: "Что касается других еретиков и колдунов, принадлежавших к пагубному обществу Робина, сына Арта, то, сохраняя законный порядок, некоторые из них были публично сожжены до смерти; другие,

признавшись в своих преступлениях в присутствии всего народа, в верхней одежде, после отречения от своей ереси, по обычаю, были отмечены крестом сзади и спереди; Иных торжественно бичевали через весь город и рыночную площадь; иных изгоняли из города и епархии; тех, кто уклонялся от юрисдикции Церкви, отлучали от церкви; иные же вновь бежали в страхе, и о них никогда впоследствии не было слышно. И таким образом, властью Святой Матери-Церкви и по особой милости Божьей, это мерзкое отродье было рассеяно и уничтожено".

Сэр Арнольд ле Пур, принимавший столь заметное участие в этом деле, подвергся следующему нападению. Епископ обвинил его в ереси, отлучил от церкви и заключил в Дублинский замок. Большинство людей верили в его невиновность, а Роджер Оутлау, приор Килмэйнхема, который также фигурирует в нашей истории и который был назначен судьей Ирландии в 1328 году, проявил к нему некоторую доброту и отнесся к нему с человечностью. Это так разгневало епископа, что он фактически обвинил юстициария в ереси. Избранный комитет клириков подтвердил ортодоксальность последнего, после чего тот приготовил роскошный банкет для своих защитников. Ле Пур умер в тюрьме в том же 1331 году, так и не дождавшись окончательного решения вопроса, и, поскольку он находился под запретом отлучения, его тело долгое время оставалось непогребенным.

Но в конце концов все было перевернуто с точностью до наоборот. Де Ледреде сам был обвинен в ереси своим митрополитом Александром де Бикнором, после чего обратился к Святому Престолу и лично отправился в Авиньон. Он пережил долгое изгнание из своей епархии, перенес много лишений, а его имущество также было конфисковано короной. В 1339 году он вернул себе королевскую благосклонность, но через десять лет против него были выдвинуты новые обвинения, в результате чего минориты были изъяты во второй раз, а также угрожали другие суровые меры. Однако к 1356 году буря утихла; он завершил длительное и беспокойное епископство в 1360 году и был похоронен в алтаре собора Святого Каниса с северной стороны от главного алтаря. Предполагается, что место последнего упокоения этого буйного прелата отмечено лежащим чучелом под балдахином с оgeeвой головой.

На предыдущих страницах мы привели лишь самое краткое изложение этой истории, за исключением того, что части, касающиеся колдовства, были полностью рассмотрены как относящиеся к цели этой книги, так и в связи с важностью этого случая в летописи ирландского колдовства. История дамы Алисы Кайтелер и епископа де Ледреде занимает сорок страниц в публикациях Камденского общества, а дополнительные иллюстрации можно почерпнуть из внешних источников; действительно, если собрать и тщательно просеять весь разрозненный материал, его хватило бы на краткую, но интересную биографию этого прелата и пролить свет на отношения между церковью и государством в Ирландии в четырнадцатом веке. Что касается сказки, то трудно сказать, какой взгляд на нее следует принять. Возможно, дама Алиса и ее подруги действительно пытались заниматься магическими искусствами, и если это так, то, учитывая период, в который это произошло, мы, конечно, не можем винить епископа за то, что он принял такие меры. С другой стороны, если судить по аналогии с континентальным колдовством, следует опасаться, что де Ледреде в какой-то степени двигали такие низменные мотивы, как жадность наживы и жажда мести. Он также был тираничен, властен и диктаторски настроен; по его мнению, позиция церкви никогда не должна подвергаться сомнению со стороны государства, но это мнение не разделяли его оппоненты. Хотя наши симпатии не совсем на его стороне, все же, отдавая ему должное, следует сказать, что он был готов к гонениям не меньше, чем к преследованию; он без колебаний столкнулся с оппозицией, состоявшей из самых высокопоставленных лиц

страны, и страх перед нападением или тюремным заключением (который он действительно пережил) не смог отвратить его от следования курсу, который он наметил для себя.

Следует отметить, что назначение де Ледреде на престол Оссори почти синхронизировалось с возведением Иоанна XXII на папский престол. Отношение этого папы к магическим искусствам не было однозначным. Он считал, что окружен врагами, которые постоянно покушаются на его жизнь, лепя его изображения из воска, которые впоследствии, несомненно, будут проткнуты булавками и расплавлены; или посылая ему дьявола, заключенного в кольцо, или другими способами. Поэтому в нескольких буллах он предал анафеме колдунов, осудил их злодеяния, возбудил против них инквизиторов и тем самым дал церковное разрешение на реальность веры в магические силы. Действительно, общие выражения, использованные в булле *Super illius specula*, могут быть применены к действиям дамы Алисы и ее партии. Он говорит о некоторых людях, что "они приносят жертвы демонам и поклоняются им, делая или заставляя делать изображения, кольца и т. д., с помощью которых они привлекают злых духов своим магическим искусством, получают от них ответы и требуют их помощи в исполнении своих злых замыслов"[7].

Теперь ересь и колдовство отождествлялись, и наказание за первое было таким же, как и за второе, а именно: сожжение на костре и конфискация имущества. Позиция этого понтифика, очевидно, нашла сочувствие в лице епископа де Ледреде, который счел необходимым последовать примеру главы Церкви, что привело к результатам, которые мы уже показали: таким образом, мы находим в Ирландии отголоски той волны, которая прокатилась по Европе в этот период.

Вполне вероятно, что за этим стояло множество местных причин, о которых мы практически ничего не знаем; недовольство и гнев лишенных наследства детей из-за потери богатства, которого их лишила дама Алиса, оказывая "чрезмерное влияние" на своих мужей, семейные ссоры, частная ненависть и, возможно, национальная ревность помогли привести к одной из самых странных серий событий в многострадальной истории Ирландии.

ГЛАВА III

1223-1583 ГГ. Н.Э.

Дело Кайтелера и окружение колдовства и ереси - Майкл Скот - четвертый граф Десмонд - Иаков I и ирландская пророчица - обвинение в колдовстве в 1447 году - судебные процессы по колдовству в XVI веке - законы, касающиеся этой темы - откусители глаз - заколдованный граф Десмонд

В одном отношении дело дамы Алисы Кайтелер стоит особняком в истории магических сделок в Ирландии до семнадцатого века. Мы располагаем бесценным современным отчетом обо всем происходившем, или, по крайней мере, составленным в течение нескольких лет после смерти Петрониллы Митской; а о том, какое волнение вызвало это дело, свидетельствуют более или менее пространственные упоминания о нем в ранних трудах, таких как *"Книга Хаута"* (Carew MSS.), "Анналы" монаха Клина, "Таблицы аббатства Святой

Марии" (т. II) и т. д. Ценность этой истории также повышает тот факт, что те, кто лучше всех может высказать свое мнение по этому вопросу, заверили писателя, что, насколько им известно, в различных старых Роллах, хранящихся в Дублинском архиве, не найдено никаких записей о судебных процессах по обвинению в колдовстве или ведовстве.

Но если рассматривать эту историю с учетом следующих фактов, она приобретает иное значение. 29 сентября 1317 года (Райт говорит о 1320 годе) епископ де Ледреде провел свой первый синод, на котором было принято несколько канонов, один из которых кажется в некоторой степени вводным к событиям, описанным в предыдущей главе. В нем он говорит о "некой новой и пагубной секте в наших краях, отличающейся от всех верующих в мире, исполненной дьявольского духа, более бесчеловечного, чем язычники или евреи, которые преследуют священников и епископов Всевышнего Бога одинаково в жизни и смерти, портя и разрывая достояние Христа в епархии Оссори, и произносящие тяжкие угрозы в адрес епископов и их служителей, осуществляющих церковную юрисдикцию, и (различными способами) пытающиеся помешать исправлению грехов и спасению душ, презирая Бога и Церковь." [8] Из этого следует, что ересь и неортодоксальность уже появились в епархии. В 1324 году произошло дело Кителера, один из участников которого был сожжен на костре, а за ним последовали и другие обвиняемые, некоторые из которых разделили судьбу Петрониеллы. В 1327 году Адам Дубх из лейнстерского рода О'Тул был заживо сожжен на Колледж-Грин за отрицание доктрин Воплощения и Святой Троицы, а также за неприятие власти Святого Престола. [9] В 1335 году папа Бенедикт XII написал письмо королю Эдуарду III, в котором встречается следующий отрывок: "Нам стало известно, что когда наш досточтимый брат Ричард, епископ Оссори, посещал свою епархию, среди его католического народа появились люди, которые были еретиками вместе с их пособниками, некоторые из которых утверждали, что Иисус Христос был простым человеком и грешником, и был справедливо распят за свои грехи; Другие же, совершив поклонение и принеся жертву демонам, думали о таинстве Тела Христова иначе, чем учит Католическая Церковь, утверждая, что этому же досточтимому таинству ни в коем случае не следует поклоняться; а также утверждая, что они не обязаны подчиняться и верить постановлениям, декретам и апостольским мандатам; при этом, советуясь с демонами по обрядам тех сект среди язычников и язычниц, они презирают таинства Католической Церкви и увлекают за собой верных Христу своими суевериями." Поскольку в Ирландии не было назначено ни одного инквизитора по ереси, он просит короля оказать быструю помощь епископу и другим прелатам в их усилиях по наказанию вышеупомянутых еретиков. [10] Если вышесказанное относится к делу Кителера, то оно появилось довольно поздно; но вполне возможно, учитывая заключительные слова анонимного рассказчика, что оно относится скорее к розыску сообщников дамы, процессу, который, должно быть, потребовал много времени и хлопот и в который, несомненно, было вовлечено много несчастных существ. В 1353 году в Банратти (Bunratty) в графстве Клэр состоялся суд над двумя мужчинами. Клэр Роджером Крэдоком, епископом Уотерфорда, за еретические взгляды (или за оскорбление Пресвятой Девы) и были приговорены к сожжению. [11] Это почти единственные (если не единственные) известные случаи применения в Ирландии наказания за ересь в виде смерти через огонь.

Из рассмотрения перечисленных здесь фактов следует, что в первой половине XIV века значительная часть Ирландии была охвачена волной ереси, которая проявлялась в двух формах: во-первых, в отрицании кардинальных доктрин Церкви и последующем восстании против ее юрисдикции; во-вторых, в использовании магических искусств, заклинаний, чар, знакомых духов, *et hoc genus omne*. В этом движении дело Кителера было лишь эпизодом, хотя, очевидно, самым заметным; его значение было значительно усилено, если не сказать преувеличено, агрессивной позицией епископа де Ледреде против дамы и ее спутников, а

также его борьбой с Оутлаве и Ле Пуром и их могущественными сторонниками, канцлером и казначеем Ирландии. Анонимный автор, который явно был клириком и сторонником епископа, похоже, составил свое повествование не столько из-за случая с колдовством, сколько для того, чтобы показать мужество и упорство де Ледреде, а также продемонстрировать тот факт, что церковь должна диктовать государству, а не государство - церкви. Вполне возможно, что в этот период в Ирландии происходили и другие отдельные случаи колдовства, хотя они не имели историка, который бы их увековечил, и, несомненно, в любом случае померкли бы в сравнении с деяниями дамы Кайтелер и ее "адской команды".

Далее мы постараемся рассматривать эту тему, насколько это возможно, в хронологическом порядке. Возможно, не всем известно, что в свое время ирландский престол едва избежал (к своему несчастью, надо сказать) того, чтобы его главным пастырем стал маг. В 1223 году архиепископство Кашеля стало вакантным, после чего капитул избрал своим архиепископом тогдашнего епископа Корка, которому в следующем году были возвращены престолы. Но за некоторое время до этого Папа отменил выборы и "предоставил" своего кандидата, некоего магистра М. Скота, для заполнения вакансии: тот, однако, отказался от предложенного сана на том основании, что не знает ирландского языка. Этот папский кандидат был не кто иной, как знаменитый Майкл Скот, считавшийся волшебником такой силы, что...

"Когда в пещере Саламанки
Он волшебной палочкой взмахнет
Колокола зазвонят в Нотр-Даме".

Скот учился последовательно в Оксфорде и Париже (где получил титул "математика"); затем он переехал в Болонью, оттуда в Палермо, а впоследствии продолжил обучение в Толедо. Его отказ от престола Кашеля стал интеллектуальной потерей для ирландской церкви, поскольку он был так широко известен своей разнообразной и обширной ученостью, что ему приписывали сверхъестественные способности; вокруг его имени выросло множество легенд, которые скрывали его реальные заслуги и превращали человека науки в мага. В Пограничной стране распространены предания о его магической силе. Боккаччо упоминает о "великом мастере некромантии по имени Майкл Скот", а Данте помещает его в восьмой круг Ада.

"Следующим, кто так стройно стоит на боках,
Был Майкл Скот, который в истине
Магических иллюзий знал игру"[12].

Другим человеком, которому приписывали магические способности исключительно из-за его образованности, был Джеральд, четвертый граф Десмонд, [13] прозванный Поэтом, который умер довольно загадочно в 1398 году. Четыре магистра в своих "Анналах" описывают его как "дворянина, отличавшегося удивительной щедростью, весельем, жизнерадостностью в разговоре, благотворительностью в делах, легкодоступностью, остроумного и изобретательного сочинителя ирландской поэзии, ученого и глубокого летописца". О его магических деяниях не сохранилось никаких легенд.

Король Шотландии Яков I, чья жестокость по отношению к своим дворянам вызвала их горькое недовольство, был варварски убит в Перте в 1437 году некоторыми из их сторонников, которым помогал и содействовал престарелый герцог Атолл. Из современного рассказа об этом мы узнаем, что судьба монарха была предсказана ему ирландской пророчицей или ведьмой; если бы он прислушался к ее словам, то, возможно, избежал бы смерти. Мы осовременили несколько сложную орфографию, но сохранили причудливый язык оригинала. "Король, внезапно получив совет, устроил торжественный праздник

Рождества в Перте, который называется Городом Святого Иоанна, что находится от Эдинбурга по ту сторону Шотландского моря, которое в просторечии называется водой Лета. В середине пути появилась женщина из Ирландии, которая представилась прорицательницей. И как только она увидела короля, то громким голосом воскликнула, говоря следующее: "Мой господин король, если ты пройдешь эту воду, то уже никогда не обернешься живым". Король, услышав это, удивился ее словам, ибо незадолго до этого он прочел в пророчестве, что в том же году будет убит шотландский король; и тогда король, когда ехал, прислал к нему одного из своих рыцарей и велел ему снова повернуть, чтобы поговорить с той женщиной и спросить у нее, что она хочет и что она имеет в виду своим громким криком. И она начала, и сказала ему, как вы слышали о короле шотландском, если он проходил по той воде. Тогда король спросил ее, откуда она это знает. И она ответила, что так ей сказал Хутарт. Сир, - сказал он, - пусть люди не слушают слов этой женщины, ибо она всего лишь пьяная дура и не знает, что говорит"; и так вместе со своими людьми он переплыл шотландское море и направился к городу Сент-Джонс". Рассказчик излагает некоторые сны, предвещающие убийство Джеймса, а затем продолжает следующим образом: "И до ужина, и долго после, в четверть ночи, в которую граф Атолл (Атетелл) и Роберт Стюард находились около короля, где они были заняты игрой в шахматы, за столами, чтением романов, пением и дудками, арфой и другими честными утехами, доставляющими большое удовольствие и удовольствие. Тут пришла упомянутая женщина из Ирландии, которая назвала себя богиней, и вошла в королевский двор, пока не подошла прямо к двери королевских покоев, где она стояла и пребывала, потому что та была закрыта. Она быстро стучала, пока наконец привратник не открыл дверь, удивляясь тому, что женщина находится там в это время ночи, и спросил ее, что она хочет. Впусти меня, господин, - сказала она, - ибо мне есть что сказать королю; ведь я та самая женщина, которая не так давно хотела поговорить с ним в Лейте, когда он переходил Шотландское море". Юзер вошел и рассказал королю об этой женщине. "Да, - сказал король, - пусть она придет завтра", потому что в это время он был занят такими делами, что не мог выслушать ее, как тогда. Привратник снова подошел к двери палаты к этой женщине и сказал ей, что король занят игрой, и попросил ее прийти поскорее завтра. "Что ж, - сказала женщина, - вы все расскажете, что не позволили мне сейчас поговорить с королем". На это ростовщик рассмеялся, счел ее дурочкой и велел идти своей дорогой, с чем она и удалилась". Ее информатор "Хатхарт", очевидно, был знакомым духом, который сопровождал ее^[14].

Учитывая бесчисленность ирландских документов по теме колдовства и ведовства, мы с немалым удовлетворением обнаруживаем следующее заявление в Статутных списках парламента^[15] за 1447 год. Оно состоит из возмущенного заявления лордов и общин, вызванного тем, что некое высокопоставленное лицо было обвинено в занятиях колдовством с намерением нанести тяжкий вред своему врагу. При составлении этого заявления участники конфликта, по-видимому, забыли или, возможно, подобно членам парламента в другие эпохи, сочли удобным забыть на время инцидент с Кайтелером, произошедший в прошлом веке. О конкретном случае, о котором здесь идет речь, к сожалению, не сообщается никаких подробностей, как и не дается никакой подсказки для их получения. Резонанс звучит следующим образом: "Также по молитве Джона, архиепископа Армагского (и других). В то время как по тонкой злобе и злонамеренным искам некоторых лиц, оклеветавших знатного человека, эта земля была полностью оклеветана и до сих пор остается в таких клеветнических делах, которые никогда не были известны в этой земле прежде, как в разрушении или уничтожении любого человека с помощью колдовства или некромантии, которые они считают и полагают невозможными для исполнения в искусстве - это постановлено и согласовано властью этого настоящего парламента, с полным согласием духовных и мирских лордов и членов парламента, чтобы наш господин король был

удостоверен в истине в этом вопросе, во избежание клеветы на эту землю в целом, утверждая, что ни в одно время в этой земле не пытались применить такое искусство, о нем не было известно или слухов среди людей, и не было никакого мнения о нем у светских людей в этой земле до настоящего времени." Скорее всего, это обвинение было вызвано личной неприязнью и не имело под собой никаких оснований, но летопись колдовства показывает, что подобное обвинение может оказаться самым страшным оружием в руках недобросовестных людей. В связи с вышесказанным мы узнаем, что Ирландия становится похожей на Англию, ведь в этой стране в XV веке обвинения в колдовстве часто выдвигались против видных деятелей их политическими противниками. Один из самых известных случаев такого рода произошел всего за шесть лет до вышеупомянутого, в 1441 году, с герцогиней Глостерской во времена правления Генриха VI.

Больше ничего по этому вопросу не упоминается до 1544 года, под которым мы находим следующую запись в таблице красной книги совета Ирландии:

"Письмо Чарльзу Фиц-Артуру о направлении ведьмы к лорду-депутату для освидетельствования".

Эта запись весьма любопытна. Красная книга совета была утеряна, но краткая "таблица" ее содержания, из которой было извлечено вышеизложенное, и которая, очевидно, была составлена сэром Уильямом Ашером, сохранилась в Add. MSS. 1792, и опубликована в Hist. MSS. Comm. 15th Report, appendix, part 3, но изучение оригинала MS. не выявило ничего, кроме вышеприведенного отрывка; поэтому, пока не будет найдена потерянная книга, мы должны оставаться в неведении относительно деяний этой конкретной ведьмы.

Следующее упоминание о колдовстве в Ирландии относится к 1578 году, когда в Килкенни состоялся суд над ведьмой, хотя и здесь, к сожалению, не сохранилось никаких подробностей. В ноябре того же года лорд-судья Друри и сэр Генри Фиттон провели там заседания, которые в своем письме Тайному совету от 20 числа того же месяца сообщили, что по прибытии в город "тюрьма была переполнена, и мы немедленно провели заседания". Тридцать шесть человек были казнены, среди них несколько хороших, *негр и две ведьмы* по естественному праву, поскольку в этом королевстве нет закона, по которому их можно было бы судить"[16] Легко понять, почему ведьмы были преданы смерти, но причина казни негра не столь очевидна. Вряд ли дело было в цвете его кожи, хотя, несомненно, чернокожий мужчина был таким же *rara avis* в городе Килкенни, как и черный лебедь. Если бы эти слова были написаны в то время, несчастный негр вполне мог бы воскликнуть, хотя и тщетно, своим судьям:

"Не любите меня за мой цвет лица...
В ливрее, затененной палящим солнцем".

А может, он стал несчастной жертвой ложной этимологии? На сайте в старых источниках слово "некромантия" пишется как "нигромантия", как будто гадание практиковалось через *негров*, а не *через мертвецов*; действительно, в старом словаре 1475 года "Nigromantia" определяется как "divinatio facta per nigros". Поэтому его могли заподозрить в пособничестве двум ведьмам.

Пока в Ирландии господствовало "естественное право", но очень скоро в этой стране должен был появиться собственный статут. В Англии уже были приняты два закона против колдовства: один в 1541 году, который был отменен шесть лет спустя, и второй в 1562 году.

Отчасти, несомненно, из-за дела Килкенни в 1578 году, а отчасти для того, чтобы поставить Ирландию на одну ступень с Англией, в 1586 году ирландский парламент принял Статут. Избавленный от многословия, основные положения этого закона можно почерпнуть из следующих выдержек:

"Где в настоящее время не предусмотрено никакого обычного наказания против практики нечестивых преступлений заговоров, и вызывания злых духов, и колдовства, приворотов, чар и колдовства, посредством которых многие фантастические и дьявольские личности придумывали и практиковали вызывания и привороты злых и нечестивых духов, и использовали и практиковали колдовство, привороты, чары и колдовство, для уничтожения людей и имущества своих соседей и других подданных этого королевства, и для других худых и злых намерений и целей, вопреки законам Всемогущего Бога, во вред своим собственным душам, и к большому несчастью и беспокойству этого королевства. Для исправления этого, да будет постановлено Королевой Величества, с согласия лордов духовных и временных и общин в этом настоящем Парламенте, собранном.

"1. Если какое-либо лицо или лица по истечении трех месяцев и сразу после окончания последней сессии настоящего парламента будут использовать, практиковать или осуществлять любое колдовство, приворот, очарование или чародейство, посредством которого произойдет убийство или уничтожение любого человека, что тогда также любой такой преступник или преступники в вызываниях и заклинаниях, как указано выше, их помощники или советники.....будучи за упомянутые преступления законно осужден и аттайнен, должен подвергнуться смертной казни как преступник или преступники и потерять привилегию и пользу духовенства и святылища; сохраняя за вдовой такого человека ее титул дарителя, а также за наследниками и преемниками такого человека все права, титулы и т.д., как если бы такого аттайндера не было сделано.

"2. Если кто-либо (после вышеуказанного срока) будет использовать, практиковать или осуществлять любое колдовство, энхантерство, чары или чародейство, в результате чего какое-либо лицо или лица будут растрчены, израсходованы или повреждены в его или их теле или членах, или в результате чего какие-либо товары или скот какого-либо такого лица будут уничтожены, растрчены или повреждены, то каждый такой преступник за первое преступление должен подвергнуться тюремному заключению сроком на один год без байла или мейнеприза, и раз в каждую четверть указанного года должен в каком-нибудь рыночном городе в базарный день или в то время, когда там проводится ярмарка, стоять открыто на пирушке в течение шести часов и там открыто признаться в своей ошибке и преступлении, а за второе преступление должен подвергнуться смерти как преступник, спасая ис. (как в пункте 1).

"3. При условии, что если преступник в любом из вышеупомянутых случаев, за которые полагается смерть, окажется пэром этого королевства, то суд над ним будет проводиться его пэрами, как это принято в делах о преступлении и измене, а не иначе.

"4. И далее, с тем намерением, чтобы все виды практики, использования или применения колдовства, приворота, очарования или чародейства были отныне полностью исключены, отменены, и отняты; да будет постановлено властью настоящего парламента, что если какое-либо лицо или лица ... возьмут на себя колдовство и т.д., сказать или объявить, в каком месте в земле или других тайных местах будет или может быть найден или иметься какой-либо клад золота или серебра, или где должны быть найдены или находиться товары или вещи, потерянные или пропавшие, или будет использовать или практиковать любое колдовство и т.д., с целью склонить какого-либо человека к незаконной любви (за первое преступление

должно быть наказано, как в пункте 2), но если он будет осужден во второй раз, он должен лишиться всех своих вещей и имущества и подвергнуться пожизненному тюремному заключению перед Королевой".

В целом, учитывая нравы того времени, этот статут был очень мягким. В нем не предусматривалось применение пыток для получения показаний, да и охотников за ведьмами он особо не поощрял, а способ вынесения смертного приговора был точно таким же, как и в случае с уголовным преступлением: повешение, колесование и четвертование для мужчин и сожжение (перед этим удушение) для женщин - достаточно неприятный, несомненно, но гораздо более милосердный, чем сожжение заживо на костре.

В каком-то смысле Ирландии повезло избежать внимания этого страстного охотника за ведьмами, короля Якова I и VI; если бы было иначе, мы почти не сомневаемся, что эта страна внесла бы свою долю в список жертв во время правления этого монарха. Таким образом, вышеупомянутый закон был единственным законом против колдовства, принятым ирландским парламентом; говорят, что он никогда не был отменен и, без сомнения, действует и по сей день. В другом законе ирландского парламента, принятом в 1634 году и призванном облегчить отправление правосудия, упоминается колдовство, и оно считается одним из признанных способов, с помощью которых один человек может лишить жизни другого.

"Поскольку наиболее необходимая функция и обязанность закона состоит в сохранении и спасении человеческой жизни, а также в наказании лиц, которые незаконно или умышленно убивают, умерщвляют или уничтожают людей... и когда часто случается, что человек преступно поражен в одном графстве, а умирает в другом графстве, и в этом случае законами этого королевства не установлено, что в любом из указанных двух графств может быть предъявлено достаточное обвинение в этом. Для исправления и наказания таких преступлений... да будет постановлено... что если кто-либо будет предательски или преступно поражен, опоен или *околдован* в одном графстве (и умрет в другом, или вне королевства и т.д.), то обвинение в этом, найденное присяжными в графстве, где произойдет смерть, будет столь же хорошим и действенным в законе, как если бы, и т.д. и т.п."

Прежде чем перейти от этой темы, мы можем отметить любопытную ссылку на мифический Акт Парламента, который был призван положить конец определенной прибыльной форме колдовства. Автор небольшой книжки под названием *"Берегись кошки"*^[17] (а до него - Гиральдус Камбрэнсис) серьезно утверждает, что ирландские ведьмы могли превращать куски сена, соломы и т. д. в свиней красного цвета, которых они нечестно продавали на рынке, но которые возвращали себе прежнюю форму, когда переходили через проточную воду. Утверждается, что для предотвращения этого ирландский парламент принял закон, запрещающий покупать красных свиней. Однако мы с сожалением вынуждены констатировать, что в сводах законов нет ни одного такого интересного закона.

Вера в способность ведьм причинять вред скоту тех, кого они ненавидели, которую мы привели в качестве современной иллюстрации в заключительной главе, была распространена в этой стране еще в елизаветинские времена. Действительно, если верить следующему отрывку из книги Реджинальда Скота, процитированному Томасом Эйди в его *"Совершенном открытии ведьм"* (Лондон, 1661), преследование ведьм было связано с этим моментом, возможно, как естественный результат Статута 1586 года. "Мастер Шотландец в своих *"Открытиях"* сообщает нам, что наши англичане в Ирландии, чье потомство недавно было варварски вырезано, были сильно подвержены этому идолопоклонству [вере в ведьм] во времена королевы [Елизаветы], так что среди их котов была болезнь, которая приводила к

слепоте, что было обычной болезнью в той стране, они обычно казнили людей за это, называя их ведьмами, *кусающими глаза*".

Из случайных заметок писателей второй половины шестнадцатого века на первый взгляд может показаться, что колдовство, как мы рассматриваем его в этой работе, было очень распространено в Ирландии в этот период. Барнабе Рич в своем описании Ирландии заявляет: "Ирландцы очень склонны верить предсказаниям прорицателей и ведьм". Станихерст пишет, что в его время (1547-1618) среди ирландцев было много колдунов. В примечании к сборнику доктора Ханмера говорится о "ведьме Тайрона, которую он повесил"[18]. Но эти высказывания, скорее, относятся к той точке зрения, с которой английские писатели рассматривали местных бардов, а также "мудрых женщин", предсказывающих будущее; возможно, Тайрон предал свою "ведьму" смерти не из-за отвращения к ее неблагоприятным поступкам, а в порыве страсти, потому что ее толкование грядущих событий, которым он мог руководствоваться, оказалось неверным.

Мы уже упоминали о Джеральде, четвертом графе Десмонде. Его однофамилец, шестнадцатый обладатель титула, широко известный как "Великий граф", который был предан и убит в 1583 году, перешел из области истории в область мифологии, поскольку ему приписывают роль мужа (или сына) богини. В нескольких милях от города Лимерик находится одинокое живописное озеро Лаф Гур, которое входило в его обширные владения и на дне которого он, по преданию, лежал заколдованным. Согласно легенде[19], он был очень сильным магом и обычно жил в замке, который был построен на маленьком острове в этом озере. Сюда он привез свою невесту, молодую и красивую девушку, которую любил слишком сильно, так как ей удавалось склонить его к удовлетворению своих эгоистических желаний, что приводило к губительным последствиям. Однажды она явилась в покои, где ее муж занимался своим запретным искусством, и умоляла его показать ей чудеса его дьявольской науки. С величайшей неохотой он согласился, но предупредил ее, что она должна подготовиться стать свидетельницей целого ряда самых страшных явлений, которые, начавшись, нельзя будет ни сократить, ни смягчить, а если она произнесет хоть одно слово во время процесса, то замок и все, что в нем, погрузятся на дно озера. Подстегиваемая любопытством, она дала необходимое обещание, и он приступил к делу. Когда он стоял перед ней, бормоча заклинания, над ним густо проросли перья, его лицо сжалось и стало крючковатым, воздух наполнился трупным запахом, а вместо него, прочищая воздух ударами своих тяжелых крыльев, поднялся гигантский стервятник и закружился по комнате, словно намереваясь наброситься на нее. Леди справилась с этим испытанием, и началось другое.

Птица приземлилась возле двери и меньше чем через минуту превратилась, сама не заметила как, в ужасно обезображенную карликовую карга, которая с желтой кожей на лице и пещеристыми глазами покатила на костылях к даме, изо рта у нее шла пена от ярости, и с каждым мгновением ее гримасы и искажения становились все более отвратительными, пока она со страшным воплем не покатила по полу в ужасных конвульсиях к ногам дамы, а затем превратилась в огромную змею, которая, вздымаясь и выгибаясь, приближалась к ней с поднятым гребнем и трепещущим языком. Вдруг, когда он, казалось, уже готов был броситься на нее, она увидела вместо него своего мужа, который стоял перед ней бледный и, приложив палец к губам, настойчиво требовал молчать. Затем он уселся во весь рост на пол и стал вытягиваться, все больше и больше, пока его голова не достигла одного конца огромной комнаты, а ноги - другого. Это совершенно обескуражило ее. Она испустила дикий крик ужаса, после чего замок и все, что в нем находилось, погрузились на дно озера.

Раз в семь лет великий граф поднимается и ночью объезжает на своем белом коне вокруг Лаф Гур. Коня обувают в серебряные башмаки, и когда они изнашиваются, заклятие, удерживающее графа, снимается, и он вновь обретает свои обширные владения и полуправительственную власть. В начале девятнадцатого века жил человек по имени Тейгу О'Нил, который утверждал, что видел графа во время одного из его септенниальных появлений при следующих любопытных условиях. О'Нил был кузнецом, и его кузница стояла на склоне холма с видом на озеро, на одиноком участке дороги в Кахирконлиш. Однажды ночью, при яркой луне, он работал очень поздно и в полном одиночестве. В один из перерывов в работе он услышал стук множества копыт, поднимавшихся по крутой дороге, проходившей мимо его кузницы, и, стоя в дверях, увидел джентльмена на белой лошади, одетого так, как он никогда не видел. Этого человека сопровождала конная свита, одетая так же. Казалось, они скачут по холму галопом, но по мере приближения темп замедлялся, и всадник на белом коне, который, судя по его надменному виду, был человеком высокого ранга, натянул уздечку и остановился перед дверью кузнеца. Он не заговорил, и вся его свита молчала, но он поманил кузнеца и указал ему на одно из копыт лошади. Тейге наклонился, поднял его и подержал достаточно долго, чтобы увидеть, что оно обуто в серебряный башмак, который в одном месте был истерт, как шиллинг. Этот знак мгновенно разъяснил ему его положение, и он отпрянул с испуганным возгласом. Всадник с видом боли и ярости внезапно ударил его чем-то, что просвистело в воздухе, как хлыст; ледяная полоса, казалось, пересекла его тело, и в то же мгновение он увидел, как вся кавалькада сорвалась в галоп и исчезла с холма. Принято считать, что для того, чтобы положить конец своему заколдованному периоду, граф старается подвести кого-нибудь к тому, чтобы тот первым нарушил молчание и заговорил с ним; но что, если бы ему это удалось, было бы результатом или что случилось бы с тем, кого таким образом заманили в ловушку, никто не знает.

В письме[20], написанном в 1640 году, граф предстает в ином свете. Из него мы узнаем, что, направляясь на древнюю и знаменитую ярмарку в Ноккани, расположенную в нескольких милях от Лаф Гур, один из местных жителей встретил "джентльмена, стоявшего на дороге и требовавшего, не продаст ли он свою лошадь. Он ответил: да, за пять фунтов. Джентльмен дал ему только 4 фунта 10 *шиллингов*, сказав, что на ярмарке он столько не получит. Парень отправился на ярмарку, не смог получить столько денег и по возвращении нашел джентльмена на том же месте, который предложил те же деньги. Тот согласился, а другой предложил ему войти и получить свои деньги. Он привел его в прекрасный просторный замок, заплатил ему деньги до последнего пенни, показал ему самого красивого черного коня, который когда-либо был на свете, и сказал, что этот конь - граф Десмонд, и что у него уже есть три башмака, а когда он получит четвертый, который должен быть очень коротким, тогда граф будет таким, каким он был раньше, и под охраной многих вооруженных людей выведет его за ворота. Парень вернулся домой, но ни до, ни после этого в том месте никогда не было замка". Местный вариант легенды гласит, что продавцом лошади был человек из Клэр, и что он отправился домой, получив золотом всю сумму за выгодную сделку, но на следующее утро, к своему великому огорчению, обнаружил, что вместо золотых монет у него в кармане лишь листья плюща. Читатели романа Виктора Гюго "*Нотр-Дам*" наверняка помнят случай с эку, который (по всей видимости) по волшебству превратился в засохший лист. Подобные истории о том, как лошади встречались с таинственными незнакомцами, рассказывают в Шотландии в связи со знаменитым Томасом Рифмачом из Эркельдуна.

ГЛАВА IV

1606-1656 ГГ.

Клерикальный волшебник - колдовство, излеченное реликвией - Вызывание дьявола в Ирландии - Как его обманул доктор богословия - Стюарт и феи - Рев. Роберт Блэр и человек, одержимый дьяволом - Странные происшествия в окрестностях Лимерика - Явления убитых людей в Портадауне - Зачарованные жизни - Видения и предвестия - Прошение околдованного человека из Антрима в Англию - Пророчества архиепископа Ашера - Мистер Браун и запертый сундук

В начале 1606 года состоялся интересный судебный процесс над священнослужителем за занятие недозволенными искусствами - интересный и ценный, если не по той причине, что это первый случай обнаружения подобного дела в Списках в Бюро записей (не считая тех, что были в Парламента 1447 года), хотя мы надеемся, что он окажется не единственным, а скорее предвестником других. Очищенная от юридических излишеств, она гласит следующее: "Дознание, проведенное перед нашим господином королем в Королевском дворе в субботу, следующую после трех недель Пасхи в 6-й год Якова I, под присягой честных и законных людей из графства Лут. Которые утверждают, что Джон Астон, покойный из Меллифонта, графство Лут, клерк, не имея в своем распоряжении Лут, клерк, не имея страха Божьего перед глазами, но будучи полностью обольщен дьяволом, 1 декабря в вышеупомянутом Меллифонте и в другие дни и в других местах, нечестиво и преступно использовал, практиковал и осуществлял различные призывы и заговоры злых и лживых духов с намерением и целью найти и вернуть некий серебряный кубок, ранее унесенный в вышеупомянутом Меллифонте, а также для того, чтобы понять, где и в какой области находится злейший изменник Хью, граф Тайрон, и что он замышляет против упомянутого лорда-короля и государства этого королевства Ирландии, а также для того, чтобы узнать и получить различные сокровища золота и серебра, спрятанные в земле в упомянутом Меллифоне и в Кашеле в графстве Кросс Типперэри, преступно и против мира упомянутого лорда-короля. Следует знать, что вышеупомянутый Джон был схвачен и, будучи заключенным в замке города Дублина, по ордеру лорда-короля был отправлен в Англию, поэтому дальнейшее разбирательство прекращается."^[21] Его конечная судьба неизвестна; также нелегко понять, почему наказание не было применено к нему в Ирландии, поскольку он прямо нарушил раздел 4 Елизаветинского закона. Возможно, случай был уникальным, и королю Якову не терпелось лично осмотреть столь интересный экземпляр. Если это так, то да помогут небеса бедному пастору, попавшему в лапы такого охотника на ведьм.

В 1609 году из графства Типперэри пришла странная история о том, как магические заклинания были нейтрализованы прикладыванием святой реликвии; она сохранилась для нас в ценной монастырской записи, *Triumphalia S. Crucis*. В аббатстве Святого Креста, близ Турлеса, много лет с величайшим почтением хранился предполагаемый фрагмент Истинного Креста, который привлекал огромное количество людей и с помощью которого, как утверждалось, творилось множество чудес. Среди тех, кто пришел туда в тот год, была "Анастасия Собечан, жительница округа Каллан (графство Килкенни), измученная магическими заклинаниями (*veneficis incantationibus collisa*), которая в аббатстве, в присутствии преподобного лорда аббата Бернарда [Фоулоу], обвязала свое тело поясом, который касался святой реликвии. Внезапно ее вырвало маленькими кусочками ткани и дерева, и целый месяц она извергала из своего тела подобные предметы. Эта женщина

рассказала это чудо преподобному владыке аббату, когда она была исцелена добродетелью святого Креста. Это он позаботился изложить письменно".

Этот самый прилежный собиратель странных и необычных вещей, мистер Роберт Лоу, которому мы глубоко обязаны за многое из того, что содержится в этом томе, сообщает нам в своих *"Мемориалах"*, что в первой половине семнадцатого века в Ирландии можно было найти знаменитого доктора богословия в Святом Ордене Епископальной Церкви, который обладал чрезвычайной ловкостью в воскрешении дьявола - процесс, который, как некоторые считают, широко практикуется в Ирландии в настоящее время людьми, не претендующими на знание Черного Искусства! Мистер Лоу также подробно описывает *способ действия*. Служанку, работавшую у генерал-майора Монтгомери в Ирвине (Шотландия), обвинили в краже серебряных изделий. Девушка, будучи невиновной, плохо восприняла это и сказала им: "Если она поднимет дьявола, то узнает, кто взял эти вещи". Тогда, чтобы вызвать этого человека, она пошла в подвал, "взяла с собой Библию, очертила вокруг себя круг и повернула загадку на конце с юга на север или с правой руки на левую [*то есть* против пути солнца на небе], имея в правой руке девять перьев, которые она выдернула из хвоста черного петуха, и прочитав 51-й [псалом?] вперед, она читает назад главу ix., стих 19, книги Откровения". После этого ей явился дьявол и сказал, кто виновен. Она бросила в него три перышка и велела ему вернуться туда, откуда он пришел. Эту процедуру она повторила трижды, пока не получила всю желаемую информацию; затем она поднялась наверх и рассказала все своей хозяйке, в результате чего товар в конце концов был возвращен. Но, избежав Сциллы, она попала Харибду; о ее сверхъестественных практиках стало известно властям, и ее задержали. В тюрьме она призналась, что научилась этому направлению черного искусства в доме доктора Колвилла в Ирландии, который постоянно его практиковал.

Этот наставник молодежи в таких нехристианских практиках, преподобный Александр Колвилл, доктор философии, был рукоположен в 1622 году и впоследствии занимал викариатство Карнмони, пребенд Карнкасла и преценторство Коннора. Он обладал значительным состоянием, на которое приобрел поместье Галгорм, где и проживал; впоследствии оно перешло к семье Маунткэшел через брак его правнучки со Стивеном Муром, первым бароном Килвортом и виконтом Маунткэшелом. Откуда у доктора Колвилла взялись деньги на покупку такого большого поместья, никто не мог предположить, и Классон Портер в своем полезном памфлете рассказывает, как народная молва решила эту проблему. Говорили, что он продал себя дьяволу, а поместье купил на деньги, которые заработали его тело и душа. Скандал зашел еще дальше и назвал точные условия, на которых доктор Колвилл заключил договор с лукавым. Они заключались в том, что дьявол должен был немедленно отдать доктору свою шляпу, полную золота, а тот в свою очередь, в отдаленный, но определенный день, должен был отдать дьяволу душу и тело. Местом встречи была назначена известковая печь; Дьявол, возможно, подумал, что это деликатный комплимент в его адрес из-за особой *домашней* атмосферы этого места, но у Доктора были другие мысли. Дьявол достал золото, а доктор Колвилл - шляпу с *широкой прорезью в макушке*, которую он смело держал над пустой печной ямой, в результате чего к тому времени, когда условия сделки были буквально выполнены, в распоряжении доктора оказалось весьма значительное количество золота, которое он благоразумно использовал для повышения своего земного благосостояния.

Пока все хорошо. Но у каждого вопроса есть две стороны. Годы шли, все ближе и ближе приближалось время, когда нужно было свести счеты с жизнью, и вот настал роковой день. Дьявол прибыл за своей жертвой, нашел его сидящим в своем доме и читающим Библию при

свете свечи, после чего велел ему идти с ним. Доктор попросил, чтобы его не забирали, пока свеча, при которой он читал, не догорит. Дьявол согласился, после чего доктор Колвилл быстро погасил свечу и, положив ее между листами Библии, запер в сундук, где хранил свое золото. Таким образом, свеча была помещена в безопасное место, где не было опасности, что кто-то наткнется на нее, и, таким образом, стала невинной причиной гибели доктора. Говорят даже, что он отдал приказ положить свечу в гроб и похоронить вместе с ним. Можно предположить, что таким образом доктор Колвилл уклонился от уплаты долга. Наши читатели, возможно, зададутся вопросом, почему именно с этим преподобным джентльменом связаны подобные истории, и объяснение этому найти несложно. Доктор Колвилл был известным священником, обладал большим богатством (унаследованным, надо полагать, законным путем) и пользовался значительным влиянием в деревне. В это время Ольстер захватило торжествующее пресвитерианство, которому доктор, будучи твердым сторонником епископата, противостоял всеми силами, после чего его оппоненты отзывались о нем с большой язвительностью. Поэтому не будет лишним предположить, что эти истории возникли благодаря кому-то из членов этого органа, который вполне мог верить, что подобное произошло на самом деле.

За следующим примером колдовства и сверхъестественного в связи с Ирландией мы вынуждены отправиться за пределы нашей страны. Хотя связь с Зеленым островом в этом случае невелика, он представляет интерес как пример смешения фейских преданий с колдовством, что нередко встречается в шотландских колдовских процессах. В 1613 году женщина по имени Маргарет Барклай из Ирвина в Шотландии была обвинена в том, что из-за магических чар корабль ее деверя был отброшен в сторону. Некий бродяга и жонглер Джон Стюарт был задержан как ее сообщник; он признался (вероятно, под пытками), что Маргарет обратилась к нему с просьбой научить ее некоторым магическим искусствам, чтобы "она могла получить снасти, кье's milk, любовь мужчины, желание ее сердца на тех, кто сделал ей зло". Хотя, судя по всему, он не выполнил ее просьбу, но подробно рассказал о том, как он обрел сверхъестественную силу и знания, которые ему приписывали. "Когда его спросили, каким образом он утверждает, что обладает знанием грядущих событий, Джон признался, что двадцать шесть лет назад, путешествуя в ночь на Всехсвятский вечер между городами Монигойф и Клари в Голуэе, он встретился с Королем фей и его компанией, и Король нанес ему удар белым жезлом по лбу, который отнял у него способность говорить и пользоваться одним глазом, чего он добивался в течение трех лет. Он заявил, что речь и зрение были возвращены ему Королем фей и его компанией в ночь на Хэллоуин в городе Дублин". Во время последующих встреч с группой фей он получил все свои знания. Место, по которому его ударили, оставалось невосприимчивым к боли, хотя в него втыкали булавку. Несчастного несчастного бросили в тюрьму, где он покончил с собой, повесившись на подвязке или шнурке от чепца на двери, и таким образом "закончил свою жизнь жалким образом с помощью дьявола, его хозяина"[22].

История, немного напоминающая часть вышеприведенной, пришла с севера Ирландии несколько лет спустя. "Рассказывают, и история эта правдива, - говорит Роберт Лоу в своих *"Мемориалах"*[23], - об одном благочестивом человеке в Ирландии, который однажды лежал в поле и спал, и его поразили немота и глухота. Этот же человек во время такого состояния, в котором он находился, мог рассказывать о вещах и обладал странным знанием, которого не имел прежде; и действительно, знаками давал понять другим то, чего они не знали. Впоследствии, когда за него молились другие, он обрел язык и уши; но когда знание вещей, которое он имел в глухонемом состоянии, прекратилось, и когда его спросили, откуда у него знание этих вещей, о которых он делал знаки, он ответил, что имел это знание, когда был немой, но как и каким образом, он не знал, только имел впечатление об этом в своем духе.

Эта история была рассказана благочестивым служителем, мистером Робертом Блэром, мистеру Джону Бэрду, который знал ее истинность".

Преподобный Роберт Блэр, магистр богословия, был известным человеком, если не по другой причине, чем из-за его споров с доктором Эхлином, епископом Дауна, или за его описание Оливера Кромвеля как *приветствующего* (т.е. плачущего) дьявола. По приглашению лорда Клэнбоя он прибыл в Ирландию в 1623 году и в том же году был назначен пресвитерианским приходским священником в Бангоре в Ко. Даун, с согласия покровителя и народа; он оставался там до 1631 года, когда был отстранен доктором Эхлином, а в ноябре 1634 года был низложен и отлучен от церкви. Он оставил после себя несколько сочинений и был дедом поэта Роберта Блэра, автора "*Могилы*"[24].

В годы служения в Бангоре с ним произошел следующий случай, который он, конечно, приписывает демонической одержимости, хотя ближе к истине была бы мания убийства, возникавшая в результате неводержанности. Однажды богатый человек, констебль прихода, обратился к нему в компании с одним из своих арендаторов по поводу крещения ребенка последнего. "Когда я высказал все, что считал нужным, и уже готов был повернуть в свой дом, констебль, отпустив другого, сказал мне, что хочет что-то сказать мне наедине. Я взглянул на него, увидел его глаза, похожие на глаза кошки в ночи, и сразу догадался, что в сердце у него недоброе, но все же решил не отказывать ему в том, чего он желал, но продолжал следить за ним и держался на некотором расстоянии; приблизившись к дверям церкви, я вошел и пригласил его следовать за мной. Как только он вошел в двери, он упал в ужасе, а я - в недоумении. Дрожь его продолжалась и усиливалась без всякой речи, я подошел к нему и пригласил его сесть, где он едва мог усидеть. От сильного трепета он готов был упасть с сиденья. Я обнял его и спросил, что с ним? Но некоторое время он не мог ничего сказать. Наконец его тряска прекратилась, и он заговорил, рассказав мне, что уже давно ему являлся дьявол; сначала в Глазго он купил у него лошадь, получив за это шесть пенсов, а под конец предложил ему большой кошелек, полный серебра, чтобы он был его, не упоминая о лошади; он сказал, что благословил себя, и покупатель с серебром и золотом, высыпанным на стол, исчез. Но через несколько дней после этого он явился ему в его собственном доме, назвав его по имени, и сказал ему: "Ты мой, потому что я *одолжил* тебе шесть пенсов, которые у тебя еще есть". Затем, сказал он, я спросил его имя, и он ответил, что они называют меня *Никель Данус* (я полагаю, что он повторил зло, что должен был сказать *Nihil Damus*). Домогаясь таким образом этих и многих других явлений дьявола, он покинул Шотландию; но, приехав в Ирландию, он часто являлся ему, и теперь, в последнее время, он все еще приказывает мне убивать и убивать; и часто, говорит он, мой вингер был вытащен и спрятан под плащом, чтобы повиноваться его приказам, но все же что-то держит мою руку, и я не могу ударить. Тогда я спросил его, кого ему велено убить? Он ответил: любого, кто попадется мне на пути; но

"Чем лучше они будут
тем лучше будут служить мне,
Иначе я убью тебя".

Произнеся эти слова, он снова упал в ужасе и замолчал, жалобно глядя на меня, считая меня тем, на кого он нацелился; затем он разразился плачем и причитаниями. Я показал ему всю ужасность его невежества и пьянства; он дал много обещаний исправиться, которые не были выполнены; В течение двух недель он ходил в питейное заведение, чтобы выпросить цену на солод, и, просидев там долго за выпивкой, когда он возвращался домой, ему явился дьявол, который потребовал, чтобы он открыл мне то, что произошло между ними тайно, и последовал за ним в дом, сорвав с его головы шапку и сняв с шеи ремень, сказав ему: "В ночь

на Хэллоуин я получу тебя, душу и тело, несмотря на священника и все, что он сделает для тебя."

Выбрав дату, Его Сатанинское Величество продемонстрировал свое уважение к народным суевериям. Этот приступ трепетного бреда (хотя мистер Блэр не стал бы его так объяснять) имел самый благотворный эффект; констебль был в таком ужасе от того, что дьявол унесет его, что умолял мистера Блэра просидеть с ним всю ночь Хэллоу, что тот и сделал, проведя это время с пользой в молитвах и увещеваниях, которые воодушевили человека на вызов сатане и всем его делам. В итоге он стал очень милосердным к бедным и, похоже, полностью отказался от своих буйных привычек[25].

Если отбросить сверхъестественный элемент в этой истории как плод больного разума, то нет причин сомневаться в ее правдивости. Мистер Блэр также встречался с некоторыми странными случаями религиозной истерии, которая проявлялась во вспышках плача и телесных конвульсиях, но которые он объяснял тем, что дьявол "играет в обезьяну и подделывает дела Господни". Он утверждает, что однажды в воскресенье, в разгар общественного богослужения, "одна из моих подопечных, будучи тупой и невежественной личностью, издала шум и вытянула свое тело. В беспамятстве я помог обличить этот лживый дух, мешающий поклонению Богу, и попросил ее не беспокоить прихожан; и по милости Божьей мы больше не встречались с подобной работой". Так скромно наш писатель изложил случившееся в своей *"Автобиографии"*; но рассказ об этом инциденте распространился далеко и широко, и в конце концов дошел до ушей архиепископа Ашера, который при следующей встрече с мистером Блэром горячо поздравил его с успешным экзорцизмом, который он практиковал[26].

Если период, рассматриваемый в этой главе, а именно с начала XVII века до Реставрации Карла II, и не содержит собственно колдовства, то, по крайней мере, следует признать, что он изобилует чудесными явлениями в различных формах, по которым можно довольно точно судить об истерическом состоянии общественного сознания. Восстание 1641 года и кромвелевские конфискации, тот беспокойный период, когда страну раздирали разногласия, опустошали огонь, меч и мор, были как нельзя кстати начаты серией сверхъестественных событий, произошедших в графстве Лимерик. В письме от 13 августа 1640 года говорится, что "у нас есть новости, самые странные из тех, о которых когда-либо слышали: в замке лорда Кастлконнела в четырех милях от Лимерика раздаются несколько видов нойза, иногда барабаны и трубы, иногда другая диковинная музыка с небесными флюидами, затем страшные крики и такие вопли, что соседи рядом не могут уснуть. Священники пытались быть там, но были жестоко избиты за свою плату и унесены неизвестно как, некоторые за две, а некоторые за четыре мили. Кроме того, видели, как после их появления на виду у соседей, бесконечное количество вооруженных людей как на ногах, так и на лошадях. Еще одна вещь [т.е. нечто сверхъестественное] миссис Мэри Берк с двенадцатью слугами в доме, и ни один не пострадал, они должны танцевать с ними каждую ночь; говорят, миссис Мэри ушла, сказав ей, что она должна быть *wufe k enchanted* граф Десмонд.... На холме, где живет милорд епископ Лаймерикский, в Лафилле, большинство жителей видели множество вооруженных людей, которые маршируют, и видели их много раз, а когда подходили к ним, они не появлялись. Эти вещи очень странные, если ясновидящие и джентри говорят правду"[27].

Во время восстания в Портадауне произошла ужасная резня протестантов, когда около сотни человек, мужчин, женщин и детей, были согнаны по мосту в реку и утонули; тех немногих, кто умел плавать и сумел добраться до берега, повстанцы либо били по голове, когда высаживались на берег, либо расстреливали. Неудивительно, что этот ужасный

инцидент породил легенды и истории, в которых все странное и необычное превозносилось до небес. По словам одного из очевидцев, однажды вечером в реке появилось "видение или дух, принявший форму женщины, высотой по пояс, стоящей в воде, обнаженной, с [неразборчиво] в руке, волосы ее были растрепаны, глаза, казалось, сверкали в голове, а кожа была белой как снег; этот дух, стоящий в воде прямо, часто повторял слова: *"Месть! Месть! Месть!"* Также Роберт Максвелл, архидиакон Дауна, поклялся, что повстанцы заявили ему (а некоторые свидетели сделали аналогичные заявления), "что большинство из тех, кто был сброшен с моста, ежедневно и еженощно ходили по реке, иногда распевая псалмы, иногда размахивая мечами, иногда визжа самым отвратительным и страшным образом". Оба этих случая поддаются рациональному объяснению. Предполагаемый призрак, вероятно, был несчастной, обезумевшей от горя и ужаса женщиной, которая ночью выбралась из своего укрытия, чтобы оплакать убийство своих друзей, а странные крики были вызваны полуголодными собаками, обитавшими в деревне, и волками, которые в то время в изобилии водились в Ирландии, ссорившимися и дравшимися из-за трупов. Соглашаясь с вышесказанным и принимая во внимание легкое верие всех слоев общества, нетрудно понять, как возникли эти истории; но утверждать, что, поскольку в некоторых свидетельствах встречаются такие явно невозможные утверждения, последние в целом ничего не стоят, значит умышленно неправильно понимать народное сознание семнадцатого века.

Мы имеем следующее свидетельство преподобного Джорджа Крейтона, священника из Вирджинии, шт. Каван. Он рассказывает, что "ныряльщицы привели в его дом молодую женщину, почти голую, к которой по дороге подошел Бродяга, где присутствовали эти женщины, и потребовал, чтобы она отдала ему свои деньги, иначе он убьет ее, и выхватил меч; ее ответ был: "Ты не можешь убить меня, если только Бог не даст тебе разрешения, и Его воля будет исполнена". Тогда Бродяга трижды ударил своим мечом по ее обнаженному телу, но так и не пронзил кожу; тогда он, как видно, сильно смущенный, ушел и оставил ее". Похожая история происходит и с другой стороны: "При взятии Ньюри мятежник, назначенный к расстрелу на мосту и раздетый догола, несмотря на то что мушкетер стоял в двух ярдах от него и стрелял ему в середину спины, пуля не вошла в него и не причинила ему большего вреда, чем оставила маленькое черное пятнышко. Свидетелями этого были многие сотни людей. Меня с уверенностью заверили в том, что подобные люди были снабжены дьявольскими чарами."^[28] Подобные рассказы о людях с очарованной жизнью, без сомнения, можно почерпнуть из записей о каждой войне, которая велась на нашей планете с начала истории.

О том, с какой легкостью случайное или необычное превращалось в чудесное в этот период, свидетельствует следующий случай. Некий доктор Тейт с женой и детьми летел в Дублин от повстанцев. По дороге они блуждали по занесенным снегом лугам без всякой еды. На руках у жены был грудной ребенок Джон, и, не имея молока, чтобы дать ему, она уже собиралась положить его на землю в отчаянии, как вдруг "на бровке берега она нашла бутылку со сладким молоком, на снегу не было видно шагов того, кто мог бы принести его сюда, и вдали от любого жилища; это сохранило жизнь ребенку, который после стал благословением для церкви". Упомянутый выше доктор Тейт, очевидно, был преподобным Фэйтфулом Тейтом, доктором философии, отцом Нахума Тейта из "Тейта и Брейди"^[29].

В ночь на воскресенье, 8 мая 1642 года, на английских солдат обрушилась страшная буря с градом и дождем, которую они, конечно же, приписали не тому, чему следовало. "Все палатки трижды сдуло. Ни одна спичка не могла поддерживать огонь, ни один солдат не мог справиться со своим мушкетом или стоять. Да, несколько человек умерли в ту ночь от сильного холода. Наши солдаты, да и некоторые наши офицеры (которые полагают, что ни

одна вещь, превышающая обыденность, не может быть продуктом природы), приписали этот ураган *дивным способностям некоторых ирландских ведьм*. "[30] Видимо, англичане были не столь мудры в своем поколении, как жители Констанца в Швейцарии по случаю подобного разгула стихии. Последние вышли на улицу, нашли ведьму, *убедили* ее признать себя виновницей бури, а затем сожгли ее - к тому времени, несомненно, ветер утих!

Можно было бы добавить еще многое в том же духе, но, чтобы не утомлять читателей, мы ограничимся приведением еще двух чудесных историй из этого периода, столь насыщенного чудесами. О'Дейли в своей "*Истории Джеральдинов*" рассказывает, что во время осады Лимерика появились три знамения. Первым был светящийся шар, ярче луны и мало уступающий солнцу, который на протяжении двух лиг с половиной проливал вертикальный свет на город, а затем исчезал во тьме над вражеским лагерем; вторым было явление Девы Марии в сопровождении нескольких святых; и третьим был *lusus naturæ* типа сиамских близнецов: все три явления О'Дейли интерпретирует к своему собственному удовлетворению. Первое из них было некой формой северного сияния, и оно также зафиксировано в дневнике некоторых пуританских офицеров. Этот ученый, но несколько слишком доверчивый английский антиквар Джон Обри в своих "*Рассуждениях*" сообщает, что перед последней битвой между враждующими сторонами "женщина необыкновенной стати, вся в белом, явилась епископу [Хеберу Макмахону, которого Обри называет *Венерой*] и увещевала его не переходить реку первым, чтобы напасть на врага, а позволить им сделать это, тем самым он должен получить победу. Если же *ирландцы* первыми перейдут воду и двинутся навстречу *англичанам*, их ждет полное поражение, что и произошло. *Окахан* и сэр *Генри О'Нил*, которые оба были убиты там, видели по несколько раз одно и то же явление, и отговаривали епископа от первого наступления, но не смогли его переубедить".

Пример того, как ирландец страдал от последствий колдовства за пределами Ирландии, мы находим в патетической петиции, направленной в английский парламент между 1649 и 1653 гг. [31] Автор петиции, Джон Кэмпбелл, заявил, что двенадцать лет назад он потерял зрение в ко. Антрим, где он родился, и был доведен до такого крайнего состояния, что был вынужден приехать Англию в поисках средств к существованию, прося милосердия у доброжелательных людей, но, вопреки его ожиданиям, там его часто беспокоили сны и страшные видения во сне, и он был дважды околдован, так что не может найти здесь ни покоя, ни отдыха, и поэтому молится о пропуске для возвращения в Ирландию.

Святой Джеймс Ашер, архиепископ Армагский, был прелатом, который, случись ему жить в более ранний период, наверняка оказался бы в числе тех, чьи обширные и глубокие познания снискали себе титул мага, но в народе ему приписывали пророческие способности. Большинство приписываемых ему пророчеств можно найти в небольшой брошюре из восьми страниц, озаглавленной "Странные и примечательные пророчества и предсказания святого, ученого и превосходного Джеймса Ашера, &c..... Написано человеком, который слышал это из собственных уст этого превосходного человека", и, по-видимому, опубликован в 1656 году. Согласно ей, он предсказал восстание 1641 года в проповеди на Иезекииля iv. 6, прочитанной в Дублине в 1600 1601 году. "И из этой проповеди епископ сохранил заметки и записал их в Маргенте своей Библии, и в течение двадцати лет до этого он все еще жил в ожидании ее исполнения, и чем ближе было время, тем больше он был уверен, что она близка к исполнению, хотя видимых признаков этого не было." Он также предсказал смерть Карла I и свою собственную грядущую бедность и потерю имущества, что он и испытал на себе за много лет до своей смерти. Преподобный Уильям Тернер в своей "*Полной истории удивительных провидений*" (Лондон, 1697) рассказывает о предчувствии приближающейся смерти, которое получил архиепископ. Умершая дама явилась ему во сне

и пригласила поужинать с ней следующей ночью. Он принял приглашение и умер следующим днем, 21 марта 1656 года.

Эту главу можно завершить следующей историей из "*Отношений* Гланвилла".^[32] Некий мистер Джон Браун из Дурли в Ирландии был сделан своим соседом, Джоном Маллеттом из Энмора, попечителем для своих несовершеннолетних детей. В 1654 году мистер Браун лежал при смерти: у изножья его кровати стоял большой железный сундук, снабженный тремя замками, в котором лежали бумаги попечителя. Некоторые из его людей и друзей сидели рядом с ним, когда к своему ужасу они вдруг увидели, что запертый сундук начал открываться, замок за замком, без помощи какой-либо видимой руки, пока, наконец, крышка не встала вертикально. Умиравший, который не разговаривал уже двадцать четыре часа, сел на кровати, посмотрел на сундук и сказал: *Ты говоришь правду, ты говоришь правду, ты прав* (это его любимое выражение), *я буду рядом с тобой*, - и снова лег, и больше не разговаривал. Сундук медленно закрылся точно так же, как и открылся, и вскоре после этого мистер Браун умер.

ГЛАВА V

1661 ГОД

Флоренс Ньютон, ведьма из Югала

После реставрации короля Карла II колдовство не прекратилось, напротив, оно продолжалось с неослабевающей силой, и несколько важных дел было передано в суд в Англии. По крайней мере, в одном случае оно проявилось в Ирландии, на этот раз далеко на юге, в Югале. Необыкновенная история о Флоренс Ньютон и ее делах, которая приводится ниже, является седьмым рассказом в книге Гланвилла "*Sadducismus Triumphatus*" (Лондон, 1726); ее также можно найти, вместе с некоторыми известными английскими случаями, в книге Фрэнсиса Брэга "*Колдовство и его дальнейшие проявления*" (Лондон, 1712). Мы взяли его из первого из этих источников и воспроизводим здесь дословно, за исключением того, что некоторые излишества опущены, *например*, когда один из свидетелей рассказывает о фактах(!), которые уже были приведены в качестве доказательств при допросе предыдущего свидетеля и которые, таким образом, не пополняют наши знания, хотя, без сомнения, они внесли существенный вклад в укрепление дела против несчастной старухи. Хейман в своем "*Путеводителе по Югалу*" приписывает все это дело легковерию пуританских поселенцев, которые твердо верили в подобные вещи. В этом он, несомненно, прав, но читателю следует помнить, что такая вера была присуща не только новоприбывшим в Югал, но и всем жителям Англии и Ирландии.

Эта история показывает, что в то время в Югале была небольшая стая подозреваемых ведьм, а также несколько искусных охотников за ведьмами-любителями (господа Перри, Грейтрейкс и Блэкволл). Судя по тому, с какой готовностью мэр предложил провести "водный эксперимент", можно заподозрить, что такой процесс, как купание ведьмы, не был совсем уж

неизвестен в Югале. Для непосвященных мы можем вкратце описать реальный процесс, который, как мы увидим, мэр обдумывал, , но на деле не осуществил. Подозреваемую ведьму берут, привязывают большой палец ее правой руки к большому пальцу левой ноги, и *наоборот*. Затем ее бросают в воду: если она *тонет* (а тонет она, как ни крути!), ее невиновность окончательно установлена; если же, напротив, она *всплывает*, ее колдовство доказано, ибо вода, как элемент крещения, отказывается принять в свое лоно такую грешницу.

"Флоренс Ньютон была помещена в тюрьму Югал мэром города 24 марта 1661 года за околдовывание Мэри Лонгдон, которая дала против нее следующие показания на Коркском аукционе (11 сентября):

"Мэри Лонгдон была приведена к присяге, и ей было предложено посмотреть на заключенную, ее лицо побледнело, и она очень боялась смотреть на нее, но, наконец, посмотрела, и когда ее спросили, знает ли она ее, она сказала, что знает, и хотела бы никогда этого не делать. На вопрос, как давно она ее знает, она ответила, что три или четыре года. И что на Рождество упомянутая Флоренс пришла к Подсудимой в дом Джона Пайна в Югале, где Подсудимая была служанкой, и попросила дать ей кусок говядины из бадьи; и Подсудимая ответила ей, что она не отдаст говядину своего хозяина, и Флоренс, казалось, очень рассердилась, сказала: *"Лучше бы ты отдала ее мне"*, и ушла, ворча.

"Примерно через неделю после того, как ответчица пошла к воде с ведром на голове, она встретила Флоренс Ньютон, которая подошла к ней вплотную, сбросила ведро с головы, крепко поцеловала ее и сказала: *"Мэри, молю тебя, пусть мы с тобой будем подругами, ибо я не питаю к тебе зла, и молю тебя, чтобы ты не питала его ко мне"*. И что после этого она ответчица пошла домой, и что через несколько дней после этого она увидела женщину с вуалью на лице, стоявшую у ее кровати, и одного человека, стоявшего рядом с ней, похожего на маленького старика в шелковом плаще, и что этот человек, которого она приняла за Духа, снял вуаль с лица женщины, и тогда она поняла, что это была Гуди Ньютон: и что Дух говорил с подсудимой и хотел, чтобы она пообещала ему следовать его советам и , что все будет по ее собственному сердцу, на что она ответила, что ей нечего ему сказать, поскольку она уповаet на Господа.

"В течение месяца после того, как упомянутый Флоренс поцеловал ее, она, ответчица, сильно заболела припадками или трансами, которые настигали ее внезапно и с такой силой, что три или четыре человека не могли удержать ее; и во время припадков ее тошнило, и ее рвало иглами, булавами, конскими ногами, огрызками, шерстью и соломой, и очень часто. И когда ее спросили, понимает ли она в эти моменты, что ее рвет? Она ответила, что да, ибо тогда она не была в таком сильном смятении, как в других частях ее припадков. И что до первого начала припадков несколько (и очень много) мелких камней падали на нее, когда она поднималась и спускалась, и следовали за ней с места на место, и из одной комнаты в другую, и ударяли ее по голове, плечам и рукам, и падали на землю, и исчезали. И что она и еще несколько человек видели, как они падали на нее и на землю, но никогда не могли взять их, кроме нескольких, которые она и ее хозяин поймали в руки. Среди них один, в котором была дырка, она привязала (как ей посоветовали) кожаным шнурком к своей сумочке, но он тут же исчез, хотя тот был завязан крепким узлом.

"В своих припадках она часто видела Флоренс Ньютон и кричала на нее за мучения, ибо, по ее словам, та несколько раз втыкала ей в руки булавы, причем некоторые из них так быстро, что человеку приходилось три или четыре раза вырываться, чтобы вытащить булавы, и они застревали между кожей и плотью. Иногда ее выносили из постели в другую комнату, иногда

несли на верх дома и клали на доску между двумя солларовыми балками, иногда клали в сундук, иногда под сверток шерсти, иногда между двумя пуховыми перинами, на которых она обычно лежала, а иногда между кроватью и ковриком в комнате ее хозяина в дневное время. И когда ее спросили, откуда она знает, что ее так переносят и избавляются от нее, ведь в своих припадках она была в сильном расстройстве? Она ответила, что никогда не знала, где находится, пока они из семьи и соседи с ними не выводили ее из мест, где ее так носили и уводили. И когда ее спросили, почему она так сильно кричала против упомянутой Флоренс Ньютон в ее припадке? Она ответила, что потому, что видела ее и чувствовала, как она мучает ее.

"И когда ее спросили, как она могла подумать, что это Флоренс Ньютон причинила ей такое зло? Она ответила, что, во-первых, потому, что та угрожала ей, затем потому, что после того, как она ее поцеловала, она впала в эти припадки, и что она видела и чувствовала, как она ее мучает. И, наконец, что когда люди из семьи, по совету соседей и с согласия мэра, посылали за Флоренс Ньютон, чтобы она пришла к ответчице, ей всегда становилось хуже, когда ее приводили к ней, и ее припадки были более сильными, чем в другое время. И что после того, как упомянутая Флоренс была помещена в Югал, ответчица не испытывала беспокойства, но была очень здорова, пока через некоторое время после того, как упомянутая Флоренс была перевезена в Корк, а затем ответчица была так больна, как никогда прежде. И тогда мэр Югала, некто мистер Мэйр, послал узнать, не болен ли ответчик. Мауре, послал узнать, прикручена ли упомянутая Флоренс (как сказали ответчице), и, обнаружив, что нет, приказал надеть на нее болты; что и было сделано, ответчица заявила, что снова поправилась, и так продолжается с тех пор, а на вопрос, были ли у нее подобные припадки до того, как упомянутая Флоренс поцеловала ее, она ответила, что никогда не было, но верила, что поцелуй околдовал ее, и скорее потому, что слышала от Николаса Пайна и других, что Флоренс так много призналась.

"Когда эта Мэри Лонгдон закончила свои показания, Флоренс Ньютон подглядела за ней, как бы между головами сторонних наблюдателей, которые стояли между ней и упомянутой Мэри, и, подняв обе руки вместе, как они были скованы, бросила их в сильном гневе (как заметил У. Астон) в сторону упомянутой Мэри, как будто намеревалась ударить ее, если бы могла до нее дотянуться, и сказала: *"Теперь она упала"*. После чего служанка внезапно упала на землю, как камень, и забилась в жесточайшей судороге, так что все люди, которые могли прийти, чтобы взять ее на руки, едва могли ее удержать; она кусала свои руки и кричала самым отвратительным образом, к изумлению всех наблюдателей. И так продолжалось около четверти часа (упомянутая Флоренс Ньютон все это время сидела одна и щипала себя за руки, как клялись те, кто наблюдал за ней), после чего горничную приказали вынести из суда и отнести в дом. Оттуда несколько человек принесли весть, что у служанки рвотный припадок, и принесли несколько изогнутых булавок, и соломинок, и шерсти, в белой пене, как плевков, в большом количестве. После этого суд, приняв к сведению, что горничная сказала, что ей было очень хорошо, когда упомянутая Флоренс была в болтах, и плохо, когда их снимали, пока их снова не надели на нее, спросил у Джейлора, в болтах она или нет, на что тот ответил, что нет, только в манакрах. Тогда приказано было надеть на нее болты, и, надев их, она закричала, что ее убили, ее развязали, ее испортили, зачем вы мучаете меня таким образом? и так продолжала жалобно кричать в течение четверти часа. А потом пришел гонец от служанки и сообщил двору, что служанка здорова. На что Флоренс немедленно и с яростью произнесла такие слова: *"Она еще не выздоровела!"* И когда ее спросили, откуда она это знает, она отрицала, что сказала это, хотя многие в суде слышали, как она произнесла эти слова, и сказала, что если и сказала, то не знала, что сказала, так как была стара,

расстроена и отвлечена своими страданиями. Но горничная, придя в себя, была, прежде чем суд узнал об этом, отправлена из города в Югхолл, и больше ее не допрашивали.

"Суд указал Флоренс Ньютон на то, что припадок горничной со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами был продолжением ее дьявольской практики, но она отрицала это, а также движение руками и слова *"Теперь она упала"*, хотя суд видел первое, а слова были подтверждены под присягой неким Роджером Моором. А Томас Харрисон поклялся, что видел, как упомянутая Флоренс подглядывала за ней и делала это движение руками, и видел, как служанка упала сразу после этого движения, и слышал, как были произнесены слова: *"Теперь она упала"*.

"Затем Николас Стаут был представлен господином генеральным прокурором, который, будучи приведен к присяге и допрошен, заявил, что он часто испытывал ее, слыша, как она говорила, что ведьмы не могут произносить молитву Господню, может ли она или нет, а она не может. Тогда она сказала, что может ее произнести и часто произносила, и суд, по ее желанию, чтобы услышать, как она ее произносит, дал ей разрешение; и четыре раза после слов *"Хлеб наш насущный дай нам на сей день"* она постоянно говорила *"Как мы их прощаем"*, полностью опуская слова *"И прости нам наши прегрешения"*, на что суд назначил рядом с ней человека, чтобы научить ее словам, которые она опустила. Но она либо не могла, либо не хотела произносить их, используя только эти или подобные слова, когда они повторялись: *"Ай, ай, согрешения, вот это слово"*. И когда ее часто заставляли произнести эти слова, как ей их повторяли, она этого не делала. И когда ее спросили о причине этого, она ответила, что она стара и у нее плохая память; и когда ее спросили, почему ее память так хорошо служит ей для других частей молитвы и подводит ее только для этой, она ответила, что не знает, и не может помочь в этом.

"Джон Пайн, будучи также приведен к присяге и допрошен, утверждает, что примерно в январе прошлого [1661] года упомянутая Мэри Лонгдон, будучи его служанкой, сильно страдала от мелких камней, которые в нее бросали [и т. д., как в заявлении депонента, другие пункты которого он также подтвердил]. Иногда служанка читала Библию, и вдруг он видел, как Библия вылетела у нее из рук на середину комнаты, и она тут же впала в жестокий припадок. Во время припадков он видел две Библии, положенные ей на грудь, и в мгновение ока их перебрасывали между двумя кроватями, на которых лежала служанка, а иногда бросали на середину комнаты, и что Николас Пайн так крепко держал Библию в руке служанки, что, когда ее внезапно выхватили, два листа были разорваны.

"Николас Пайн, будучи приведен к присяге, утверждает, что на вторую ночь после того, как ведьма оказалась в тюрьме, то есть 24-го [26?] марта прошлого года, он, Джозеф Томпсон, Роджер Хокинс и некоторые другие пошли к ней поговорить о служанке и сказали ей, что, по общему мнению жителей города, она околдовала ее, и хотели, чтобы она свободно говорила с ними, околдовала она ее или нет. Она сказала, что не околдовала ее, но, возможно, *упустила из виду*, и что между околдовыванием и упущением есть большая разница, и что она не могла бы причинить ей никакого вреда, если бы не прикасалась к ней, и что поэтому она ее поцеловала. И она сказала, что о каком бы несчастье она ни подумала в тот момент, когда целовала ее, оно обрушится на нее, и что она не может не признаться в том, что обидела служанку, и тогда она упала на колени и стала молить Бога простить ее за то, что она обидела бедную девку. Они пожелали, чтобы она не была полностью уничтожена ею; на что она ответила, что ей должен помочь другой, а не они, которые причинили вред. А потом она сказала, что в городе есть и другие люди, такие как Гуди Халфпенни и Гуди Дод, которые умеют делать эти вещи не хуже нее, и что, возможно, кто-то из них причинил горничной зло.

"Далее он рассказывает, что ближе к вечеру дверь тюрьмы затряслась, и она поспешно встала и спросила: *"Что вы тут делаете в эту ночь?"* И тут раздался сильный шум, как будто кто-то с болтами и цепями бегал туда-сюда по комнате, и ее спросили, с кем она говорит и что это за шум, а она ответила, что ничего не видит и не говорит, а если и говорит, то не знает что. Но на следующий день она призналась, что это был дух, а ее знакомый - в виде борзой".

"Далее он говорит, что он и мистер Эдвард Перри и другие для суда над ней взяли плитку из тюрьмы, пошли к месту, где лежала ведьма, и отнесли ее в дом, где жила служанка, и положили ее в огонь, пока она не раскалилась, а затем капнули на нее немного воды из горницы, и ведьма тогда сильно мучилась, а когда вода вытекла, она снова поправилась.

"Эдвард Перри, будучи также приведен к присяге, свидетельствует, что он, мистер Грейтрикс и мистер Блэкуолл отправились к горничной, и мистер Грейтрикс и он прочитали о способе обнаружить ведьму, который он хотел бы применить на практике. И вот они послали за ведьмой и посадили ее на табурет, а сапожник с крепким шилом попытался воткнуть его в табурет, но не смог до третьего раза. Тогда они велели ей слезть с табурета, но она сказала, что очень устала и не может двигаться. Тогда двое из них оттащили ее, а мужчина пошел вытаскивать свое шило, и оно упало ему в руку, отломив от лезвия полдюйма, и все они стали искать, куда его воткнули, но не нашли ни одного места, куда бы оно вошло. Тогда они взяли другое шило и вложили его в руку служанки, а один из них взял руку служанки и с силой ударил им по руке ведьмы, но не смог войти в нее, хотя шило было так согнуто, что никто из них не мог его снова выпрямить. Тогда мистер Блэкуолл взял ланцет и проткнул одну из ее рук на полтора дюйма в длину и на четверть дюйма в глубину, но кровь не пошла. Тогда он запустил в другую руку, и тогда из них пошла кровь.

"Далее он говорит, что после того, как она оказалась в тюрьме, он пошел с Роджером Хокинсом и другими поговорить с ведьмой о служанке, и они спросили, с кем она говорила накануне, и после некоторого отрицания она сказала, что это была борзая, которая была ее знакомой, и вышла в окно; затем она сказала, что *если я причинила служанке вред, то сожалею об этом*. А когда ее спросили, не причинила ли она ей зла, она сказала, что никогда ее не *околдовывала*, но призналась, что *упустила ее из виду*, тогда она ее поцеловала, но теперь не может ей помочь, потому что никто не может помочь ей, которая совершила это несчастье, кроме других. Далее депонент утверждает, что, встретившись после присяги в Кашеле с неким Уильямом Лапом [который предложил испытать плитку и т. д.].

"Мистер Вуд, служитель, будучи также приведен к присяге и допрошен, свидетельствует, что, услышав о камнях, брошенных в служанку, и о ее припадках, и встретившись с братом служанки, он пошел вместе с ним к служанке и нашел ее в припадке, кричащей на гаммера Ньютона, что уколол и ранил ее. И когда она пришла в себя, он спросил ее, что ее беспокоило; и она ответила: Гаммер Ньютон. А депонент говорит: *"А что, ее там не было"*. Да, - сказала она, - *я видела ее у своей постели*. Тогда подсудимый спросил ее о том, как все было на самом деле, и она рассказала, начиная с того момента, как она попросила говядину, и после поцелуя, и так до этого времени. Тогда они заставили горничную встать и послали за Флоренс Ньютон, но она отказалась прийти, притворившись больной, хотя на самом деле казалось, что она здорова. Тогда вошел мэр Югхолла и поговорил со служанкой, а затем снова послал за Флоренс Ньютон, и тут же служанка впала в припадок, куда более сильный и в три раза более продолжительный, чем в любое другое время, и все время, пока ведьма находилась в комнате, служанка постоянно кричала о том, что ей больно то тут, то там, но никогда не называла ведьму: но как только ее удалили, она стала кричать на нее по имени

Гаммер Ньютон, и так несколько раз. И все же, когда ведьмы не было в палате, служанка хотела пойти на молитву, и он обнаружил добрую привязанность к ней во время молитвы, но когда ведьму снова вводили, хотя никогда так не уединялись, хотя она не могла, как полагает депонент, видеть ее, она сразу же теряла сознание, и ее хотелось задушить, и так продолжалось, пока ведьму не выводили, и тогда, хотя никогда так не уединялись, она снова приходила в себя. После этого мистер Грейтрикс, мистер Блэкуолл и некоторые другие, которым нужно было убедиться в присутствии Ведьмы, пробовали и находили ее несколько раз.

"Ричард Мейр, мэр Югхолла, присягнув, говорит, что 24 марта прошлого года он послал за Флоренс Ньютон и допросил ее о служанке, и она сначала отрицала это, а также обвиняла добрую жену Халфпенни и добрую жену Дод, но в конце концов, когда он распорядился предоставить лодку и решил испытать водный эксперимент на всех троих, Флоренс Ньютон призналась в недосмотре. Тогда он допросил и двух других женщин, но они категорически отрицали свою вину и были готовы вынести любой приговор; тогда он велел отнести Дод, Халфпенни и Ньютон к служанке; и сказал ей, что эти две женщины или одна из них, по словам гаммера Ньютона, причинили ей вред, но она ответила: *"Нет, нет, они честные женщины, но это гаммер Ньютон причиняет мне боль, и я верю, что она недалеко от меня"*. [Он также утверждает, что в Югхолле было три олддермена, чьих детей она поцеловала, как он слышал от них, и все дети умерли вскоре после этого.

"Джозеф Томпсон, будучи также приведен к присяге, утверждает [то же самое, что и Николас Пайн относительно Грейхаунда-Фамилиара].

"До сих пор мы слышали самые веские свидетельства о колдовстве Флоренс Ньютон над Мэри Лонгдон, за что она была заключена в тюрьму Югхолл 24 марта 1661 года. А в апреле следующего года она околдовала до смерти Дэвида Джонса, поцеловав его руку через решетку тюрьмы, за что ей было предъявлено обвинение на Коркском аукционе, и доказательства следующие:

"Эленор Джонс, родственница упомянутого Дэвида Джонса, будучи приведена к присяге и допрошена в открытом суде о том, что ей известно о каких-либо колдовских действиях Флоренс Ньютон в отношении упомянутого Дэвида Джонса, ее мужа, дала показания, что в апреле прошлого года упомянутый Дэвид, пробыв всю ночь вне дома, вернулся домой рано утром и сказал ей: *"Где, по-твоему, я был всю ночь?"* На что она ответила, что не знает; тогда он ответил: *"Я и Фрэнк Бизли всю ночь стояли в карауле у ведьмы"*. На что Эленор ответила: *"А что в этом плохого? Вред?"* сказал он. *"Я сомневаюсь, что мне будет лучше; ведь она поцеловала мою руку, и она у меня сильно болит, и я верю, что она околдовала меня, если вообще околдовывала кого-нибудь"*. На что она ответила: *"Боже упаси!"* Что всю ту ночь и постоянно с того времени он был беспокойным и больным, жалуясь на сильную боль в руке в течение семи дней вместе, а в конце семи дней он жаловался, что боль идет от руки к сердцу, и затем не отходил от постели ночь и день, тяжело страдая и взывая к Флоренс Ньютон, и примерно через четырнадцать дней после этого он умер.

"Фрэнсис Бизли, будучи приведен к присяге и допрошен, утверждает, что примерно в то время, о котором говорилось выше, он встретился с упомянутым Дэвидом Джонсом и обсудил с ним несколько сообщений, которые тогда ходили о упомянутой Флоренс Ньютон, что у нее было несколько знакомых, прибежавших к ней в разных обликах, и упомянутый Дэвид Джонс сказал ему, что у него есть большое желание понаблюдать за ней одну ночь, чтобы увидеть, сможет ли он наблюдать за кошками или другими существами, прибежавшими к ней через решетку, как подозревалось, они делали, и пожелал, чтобы

упомянутый Фрэнсис пошел с ним, что он и сделал. Когда они пришли, Дэвид Джонс подошел к Флоренс и сказал ей, что, как он слышал, она не умеет читать молитву "Отче наш", на что она ответила, что умеет. Тогда он пожелал, чтобы она произнесла ее, но она оправдывалась тем, что у нее от старости ослабла память. Тогда Дэвид Джонс начал учить ее, но она не могла или не хотела произносить ее, хотя ее часто учили этому. Когда же упомянутые Джонс и Бизли немного отошли от нее и заговорили о том, что она не может выучить эту молитву, она позвала Дэвида Джонса и сказала: *Дэвид, Дэвид, подойди сюда, я могу теперь произнести молитву "Отче наш"*. На что Дэвид направился к ней, и депонентка оттащила его назад и убедила не ходить к ней, но он не поддался на уговоры, а подошел к решетке, и она начала читать молитву "Отче наш", но не могла сказать *"Прости нам наши прегрешения"*, так что Дэвид снова научил ее, что она, похоже, приняла с благодарностью, и сказала ему, что очень хотела поцеловать его, но решетка мешала ей, но она хотела бы поцеловать его руку; Тогда он протянул ей руку через решетку, и она поцеловала ее; а ближе к рассвету они ушли и расстались, и вскоре после этого Депонент услышал, что Дэвид Джонс болен. Тогда он пошел навестить его, [и ему сказали, что карга] держит его за руку и отрывает ему руку. И он сказал: *"Разве вы не видите, старая карга, как она тянет меня? Что ж, я возлагаю на нее свою смерть, она меня околдовала"*. Промучившись около четырнадцати дней, он умер".

На этом рассказ о суде над Флоренс Ньютон в изложении Гланвилла заканчивается; источник, из которого он был взят, будет упомянут в ближайшее время. Судя по всему, ведьме было предъявлено два отдельных обвинения: в околдовывании служанки Мэри Лонгдон и в причинении смерти Дэвиду Джонсу. Это дело, должно быть, вызвало большой переполох в Югале и считалось настолько важным, что генеральный прокурор отправился на судебное разбирательство, но, к сожалению, никаких записей о приговоре не сохранилось. Если бы ее признали виновной (а мы не сомневаемся, что так оно и было), она была бы приговорена к смертной казни в соответствии с разделом 1 Елизаветинского статута.

Многие действующие лица этой истории были местными знаменитостями, и их можно идентифицировать. Мистер Грейтрикс" - это Валентин Грейкейкс, знаменитый целитель или "строкер", который также появляется в сказке о дворцеком с привидениями (см. с. 164). Он родился в 1629 году, а умер в 1683-м. Он вступил в парламентскую армию, а когда она была распущена в 1656 году, стал сельским магистратом. При Реставрации он был лишен своих должностей, после чего предался жизни созерцания. В 1662 году его посетила мысль, что он обладает силой исцеления королевского зла. Некоторое время он хранил молчание, но в конце концов сообщил об этом жене, которая в шутку попросила его испытать свою силу на соседском мальчике. Он возложил руки на больные места с молитвой, и через месяц мальчик исцелился. Постепенно его слава распространилась, и пациенты стали приезжать к нему из разных уголков Англии и Ирландии. В 1665 году он получил приглашение от лорда Конвея приехать в Рэгли, чтобы вылечить его жену от постоянных головных болей. Он пробыл в Рэгли около трех недель и развлекал хозяев рассказами о Флоренс Ньютон и ее делах; хотя ему не удалось вылечить леди Конвей, его лечение помогло многим жителям окрестностей. Он всегда произносил слова в такой форме: "Бог Всемогуший исцели тебя ради милости Своей"; и если пациент признавался, что получил какую-то пользу, он просил его воздать хвалу Богу. Он не брал платы и отвергал случаи, которые были явно неизлечимы. В современное время исцеления, описанные на сайте, обоснованно приписывают животному магнетизму. Он был похоронен рядом со своим отцом в Аффане, шт. Уотерфорд.^[33] Некоторые из его современников были о нем весьма невысокого мнения; Инглиз Мазер, писавший в 1684 году, презрительно отзывается о "покойном чудотворце или мироправителе

в Ирландии, Валентине Грейтриксе", которого он обвиняет в попытке вылечить агу с помощью этого "хобгоблинского слова, *Абродакара*".

Джон Пайн, работодатель заколдованной служанки, служил судебным приставом Югала вместе с Эдвардом Перри в 1664 году, последний стал мэром в 1674 году; оба выбивали жетоны торговцев обычного типа. Ричард Майрес был судебным приставом Югала в 1642 году, а также мэром в 1647 и 1660 годах. Преподобный Джеймс Вуд был назначен правительством Содружества "служителем Евангелия" в Югале с жалованьем в 120 фунтов в год; в 1654 году его жалованье было увеличено до 140 фунтов, а в следующем году он получил еще одну прибавку в 40 фунтов. В 1656 году он был приведен к присяге в качестве фримена на large, а в 1683 году, судя по всему, был представлен Большим жюри как религиозный бродяга[34].

Кроме того, похоже, удалось установить имя судьи, который рассматривал дело в Коркском суде. Глэнвилл говорит, что взял реляцию из "копии подлинной записи, как я полагаю, на каждом полулисте которой на полях написано У. Астон, а в конце снова У. Астон, который, по всей вероятности, должен быть каким-то государственным нотариусом или регистратором". Этого человека, который также упоминается в повествовании, следует отождествить с судьей сэром Уильямом Астоном, который после установления Содружества прибыл в Ирландию и во время Реставрации занимался адвокатской практикой, а до этого служил в роялистской армии. 3 ноября 1660 г. он был назначен старшим судьей Главного места и умер в 1671 г.[35] История, соответственно, основана на записях, сделанных судьей, перед которым предстало дело, и поэтому имеет значительную ценность, поскольку дает нам картину, нарисованную очевидцем, полностью владеющим всеми фактами, о суде над ведьмами в Ирландии в середине семнадцатого века.

ГЛАВА VI

1662-1686 ГГ.

Дьявол в Дамервилле и в Баллинагарде - Тавернер и призрак Хэддока - Хантер и призрачная старуха - ведьма, спасенная дьяволом - доктор Уильямс и дом с привидениями в Дублине - явления в воздухе в Типперэри - священнослужитель и его жена околдованы до смерти - околдование мистера Моора - одержимый феей дворецкий - призрак провоцирует судебное преследование - предполагаемое колдовство в графстве Корк - дьявол среди ведьм. Корк - Дьявол среди квакеров.

С древнейших времен дьявол оставил свой след в Ирландии, исторический и географический; номенклатура многих мест указывает на то, что они принадлежат исключительно ему, а антиквар не может быть достаточно благодарен ему за то, что он поместил Кашельскую скалу именно там, где поместил. Но здесь мы должны иметь дело с более поздним периодом его деятельности. Из графства Типперэри до нас дошла причудливая история о том, как один человек торговался с Его Величеством о цене своей души, и, как обычно, дьявол был обманут простой уловкой и ничего не получил за свои хлопоты. Недалеко от Шронелла в этом графстве до сих пор можно увидеть руины

Дамервилл-Корт, где раньше жила семья Дамер, от которой они получили титул баронов Милтон из Шронелла. Первый из этой семьи, поселившийся в Ирландии, Джозеф Дамер, ранее состоял на службе в парламенте, но, не сочтя безопасным оставаться в Англии после Реставрации, перебрался в эту страну и, воспользовавшись дешевой землей в то время, приобрел большие поместья. Именно об этом члене семьи, очевидно, и рассказывается следующая история. Он обладал огромным богатством, и ему мрачно намекнули, что оно пришло к нему не из законного источника, что на самом деле он заключил сделку с дьяволом, чтобы продать ему свою душу за сапог, полный золота. Его Сатанинское Величество с жадностью принял предложение и в день, назначенный для ратификации сделки, прибыл с достаточным количеством слитков из Банка Стикса - или как там еще называется это заведение! Его провели в комнату, посреди которой стоял пустой сапог; в он высыпал золото, но, к его удивлению, тот остался таким же пустым, как и прежде. Он поспешил за новым золотом, но с тем же результатом. Неоднократные поездки за свежими запасами оставляли сапог все таким же пустым, как и в начале пути, пока, наконец, в полном отвращении он не ушел окончательно, оставив Дамера во владении золотом, а заодно (на несколько коротких лет, во всяком случае) и тем духовным товаром, который он так мало ценил. Со временем тайна просочилась наружу. Хитрый Дамер снял подошву с сапога, а затем надежно закрепил его над дырой в полу. Под ним находился ряд больших пустых подвалов, в которых он расставил людей, вооруженных лопатами, которым поручил вынимать каждый следующий золотой дождь и освобождать место для новых.

Другая история[36] происходит в Баллинагарде, в Лимерике, резиденции, где проживают люди, которым было приказано убирать каждый следующий ливень золота. Лимерик, где жила семья Крокер, хотя, вероятно, более поздняя по времени; в ней дьявол предстает в другой роли. Однажды мистер Крокер из Баллинагарда отправился охоту, но так как местность была очень сложной, мало кто мог угнаться за гончими. Погоня длилась весь день, и поздно вечером Крокер и красивый смуглый незнакомец, восседавший на великолепном черном коне, остались наедине на привале. Крокер, восхищенный доблестью своего спутника, пригласил его домой, и обычное веселье продолжалось до глубокой ночи. Незнакомца проводили в спальню, и когда слуга снимал с него сапоги, то увидел, что у него перепончатое копыто. Утром он сообщил об этом хозяину, и оба отправились к незнакомцу. Тот исчез, как и его лошадь, но ковер в спальне был испещрен раскаленными копытами, а на полу стойла лошади остались четыре следа от копыт. Что послужило поводом для этой истории, мы не можем сказать, но среди крестьян ходила поговорка, что такая-то и такая-то вещь произошла "так же точно, как дьявол в Баллинагарде"; говорят, что недавно он снова появился там.

Самый примечательный случай возбуждения судебного дела по наущению призрака произошел в 1662 году в ко. Даун в 1662 г.[37] Около Михайловского дня один Фрэнсис Тавернер, слуга лорда Чичестера, возвращался домой на лошади поздно вечером из Хиллборо, и когда он подъехал к Драмбриджу, его лошадь внезапно остановилась, и он, не подозревая ничего необычного, а просто полагая, что у него пошатывание, сел, чтобы пустить кровь ему в рот, а затем снова сел. Пока он ехал, мимо него пронеслись два всадника, хотя он не слышал звука лошадиных копыт. Вскоре у его локтя появился третий, одетый в длинный белый плащ, похожий на Джеймса Хэддока, жителя Малоуна, умершего около пяти лет назад. Когда изумленный Тавернер спросил его во имя Господа, кто он такой, тот ответил, что он Джеймс Хэддок, и напомнил о себе, рассказав о пустяковом происшествии, случившемся в доме отца Тавернера незадолго до смерти Хэддока. Тавернер спросил его, почему он с ним разговаривает; тот ответил, что потому, что он человек более решительный, чем другие, и попросил его поехать с ним, чтобы ознакомить его с делом,

которое он хотел бы, чтобы он выполнил. Тавернер отказался и, так как они находились на перекрестке, поехал своей дорогой. Сразу же после расставания с призраком поднялся сильный ветер, "и при этом он слышал очень страшные крики и звуки, к своему великому изумлению. Наконец он слышал крик петухов, к своему большому облегчению; он сошел с лошади и, припав к молитве, пожелал Божьей помощи, и так добрался до дома в целости и сохранности".

На следующую ночь призрак снова явился ему, когда он сидел у огня, и тут же объяснил ему причину своего появления и поручение, с которым он хотел его отправить. Оно велело ему отправиться к Элеоноре Уолш, его вдове, которая теперь была замужем за неким Дэвисом, и сказать ей, что такова воля ее покойного мужа, чтобы их сын Дэвид получил право на аренду, которую отец завещал ему, но которой отчим несправедливо лишил его. Тавернер отказался это сделать, отчасти потому, что не хотел навлечь на себя злобу соседей, а отчасти потому, что боялся, что его примут за сумасшедшего; но призрак так основательно напугал его, являясь ему каждую ночь в течение месяца, что в конце концов он пообещал исполнить его желание. Он отправился в Мэлоун, нашел женщину по имени Элеонора Уолш, которая оказалась не тем человеком, но сказала ему, что у нее есть однофамилица, живущая неподалеку, после чего Тавернер не стал больше беспокоиться по этому поводу и вернулся, не передав своего послания.

В ту же ночь он был разбужен чем-то, что давило на него, и снова увидел призрак Хэддока в белом плаще, который спросил его, доставил ли он послание, на что Тавернер лживо ответил, что был в Малоуне и видел Элеонору Уолш. После этого призрак посмотрел на него более дружелюбно, прося не бояться, а затем исчез во вспышке яркости. Но, узнав каким-то таинственным образом правду, оно снова появилось, на этот раз в сильной ярости, и пригрозило разорвать его на куски, если он не сделает так, как оно хочет. Совершенно измученный этими неземными визитами, Тавернер покинул свой дом в горах и отправился в город Белфаст, где просидел всю ночь в доме сапожника по имени Пирс, где также находились двое или трое слуг лорда Чичестера. "Около полуночи, когда все они сидели у камина, они увидели, что лицо Тавернера изменилось и на него напал трепет; вскоре он заметил явление в комнате напротив себя, взял свечу, подошел к нему и решительно спросил его во имя Бога, почему оно его преследует? Оно ответило: "Потому что он не передал послание"; и при этом повторило угрозу разорвать его на куски, если он не сделает этого в ближайшее время; и так, меняя себя во множество невероятных форм, оно исчезло в белом, как призрак".

В очень подавленном состоянии духа Тавернер рассказал о случившемся некоторым членам семьи лорда Чичестера, и капеллан, мистер Джеймс Саут, посоветовал ему пойти и передать вдовье послание, что он и сделал, после чего испытал великое душевное спокойствие. Через две ночи явление снова появилось, и, узнав о том, что было сделано, поручило ему передать то же послание душеприказчикам. Тавернер не преминул спросить, не попытается ли Дэвис, отчим, причинить ему какой-либо вред, на что дух дал весьма сомнительный ответ, но в конце концов успокоил его, пригрозив Дэвису, если тот попытается причинить ему вред, а затем исчез в белом одеянии.

На следующий день Тавернер был вызван в суд к знаменитому Джереми Тейлору, епископу Дауна, который внимательно изучил его и посоветовал в следующий раз, когда дух появится, задать ему следующие вопросы: Откуда ты? Добрый ты или злой дух? Где твое обиталище? Какую должность ты занимаешь? Как ты устроен в потустороннем мире? По какой причине ты явился за помощью своему сыну в столь незначительном деле, когда столько вдов и сирот угнетены, и никто из их родственников не явился, как ты, чтобы исправить их?

В тот вечер Тавернер отправился в дом лорда Конвея. Почувствовав приближение явления и не желая создавать беспорядки в дверях, он и его брат вышли во двор, где увидели, как дух перебирается через стену. Он рассказал ему, что сделал, и тот пообещал больше не беспокоить его, но пригрозил душеприказчикам, если они не позаботятся о том, чтобы мальчик был исправлен. "Брат посоветовал ему спросить у духа, что велел ему епископ, что он и сделал. Но он не дал ему ответа, а снова пополз на руках и ногах по стене и так исчез в белом свете с самым мелодичным звуком". После этого друзья мальчика подали иск (по-видимому, в епископский суд) против душеприказчиков и попечителей; один из них, Джон Костлет, который также был дядей мальчика, попытался применить блеф, но угроза того, что явление могло и может сделать с ним, заставила его пообещать восстановить справедливость. Примерно через пять лет, когда эта история уже забылась, Костлет начал угрожать мальчику расправой, но, возвращаясь однажды вечером домой пьяным, упал с лошади и погиб. О судьбе Дэвиса в этой истории ничего не говорится.

Как бы мы ни объясняли *сверхъестественный* элемент в этой истории, нет никаких сомнений в том, что такой инцидент имел место, и что эта история, в основном, соответствует действительности, поскольку она была взята Гланвиллом из письма мистера Томаса Алкока, секретаря суда епископа Тейлора, который, следовательно, должен был услышать всю историю из уст самого Тавернера. Этот инцидент ярко запомнился местной традиции, из которой добавлено множество живописных деталей, особенно в отношении суда, последующего исправления молодого Дэвида Хэддока и окончательного наказания Дэвиса, в отношении которых Гланвилл весьма неудовлетворителен. Согласно этому источнику,^[38] Тавернер (или Тавни, как произносят это имя местные жители) *почувствовал, как что-то встало позади него*, когда он ехал домой, и по жуткому ощущению, которое охватило его, а также по плесневелому запаху могилы, который доносился до его ноздрей, он понял, что его спутник был не от мира сего. В конце концов призрак убедил Тавернера передать дело в суд, и оно поступило на рассмотрение в Каррикфергус. Адвокат противоположной стороны отругал Тавернера за то, что тот выдумал такую нелепую и злобную историю о своем соседе Дэвисе, и в конце издевательски попросил его вызвать своего свидетеля. Судебный пристав со скептической усмешкой вызвал Джеймса Хэддока, и при третьем повторении этого имени суд потряс гром; на свидетельском столе показалась рука, и послышался голос: "Этого достаточно?" Это очень убедило присяжных. Дэвис скрылся, а по дороге домой упал с лошади и сломал себе шею. Вместо того чтобы излагать более короткий катехизис епископа Тейлора, Тавернер просто спросил у призрака: "Счастлив ли ты в своем нынешнем состоянии?" "Если бы, - ответило оно гневным голосом, - вы не были тем, кто вы есть, я бы разорвал вас на куски за такой вопрос"; а затем исчезло во вспышке огня!!!- что, как мы опасаемся, дало слишком удовлетворительный ответ на его вопрос.

В следующем, 1663 году, из той же части света приходит причудливо-юмористическая история^[39] о самом настойчивом и беспокойном призрачном посетителе, хотя в этом конкретном случае его попытки исправить ошибку не привели к судебному разбирательству: рассказчиком был мистер Алкок, который фигурирует в предыдущей истории. Некий Дэвид Хантер, работавший пастухом у епископа Дауна (Джереми Тейлора) в его доме близ Портмора, однажды ночью, когда он нес полено дров в молочную, увидел старуху, которую не узнал, но, видимо, какое-то тонкое чутье подсказало ему, что она не из смертного рода, так как, не удержавшись, он отбросил полено и в ужасе убежал в свой дом. Она снова явилась ему на следующую ночь, и с тех пор почти каждую ночь в течение следующих девяти месяцев. "Всякий раз, когда она приходила, он должен был идти с ней через лес с большой скоростью; и бедняга выглядел так, словно его околдовали и он сбился с ног". Даже если он

лежал в постели, ему приходилось вставать и идти за ней, куда бы она ни пошла, а поскольку жена не могла его сдерживать, она вставала и шла за ним до рассвета, хотя никаких призраков она не видела. Единственным членом семьи, который относился к этому философски, был маленький пес Хантера, и он настолько привык к призраку, что неизбежно шел позади странной процессии - если правда, что низшие классы обходились без ночных одежд, когда ложились спать, то зрелище, должно быть, действительно было самым удивительным.

Все это время призрак не давал никаких указаний на природу и цель своих частых появлений. "Но однажды, когда Дэвид переходил через хедж на шоссе, она оказалась прямо напротив него, и он воскликнул: "Господи, благослови меня, лучше бы я умер; неужели я никогда не избавлюсь от этого несчастья? На что она ответила: "И меня Господь благословит". Очень хорошо, что вы заговорили первой, потому что до этого момента я не имела сил говорить, хотя и следила за вами так долго. Меня зовут Маргарет. Я жила здесь до войны, и у меня был один сын от моего мужа; когда он умер, я вышла замуж за солдата, от которого у меня было несколько детей, которых содержал бывший сын, иначе мы бы все умерли с голоду. Он живет за Бан-водой; сходите к нему и попросите раскопать под таким-то очагом, и он найдет там 28 фунтов. Пусть он заплатит то, что я должна в этом месте, а остальное - в счет неуплаченного на моих похоронах, и пойдешь к моему сыну, который живет здесь, и которого я родила от моего последнего мужа, и скажи ему, что он ведет очень злую и беспутную жизнь, и очень неестественен и неблагодарен своему брату, который его воспитал, и если он не исправит свою жизнь, Бог его погубит".

Дэвид Хантер сказал ей, что никогда ее не знал. "Нет, - говорит она, - я умерла за семь лет до того, как ты появился в этой стране"; но она пообещала, что, если он передаст ее послание, она никогда не причинит ему вреда. Но он не стал выполнять приказание привидения, в результате чего она явилась ночью, когда он лежал в постели, и сильно ударила его по плечу; он вскрикнул и напомнил ей, что она обещала не причинять ему вреда. Она ответила, что так будет, если он выполнит ее просьбу, а если нет, то она его убьет. Он сказал ей, что не может сейчас идти, потому что вода ушла. Она сказала, что довольна тем, что он подождет, пока они не утихнут, но после этого попросила его не подводить ее. В конце концов он выполнил ее поручение, и после этого она появилась и поблагодарила его. "Теперь, - сказала она, - я буду в покое, а потому прошу тебя, подними меня с земли, и я больше не буду тебя беспокоить". Хантер поднял ее и сказал потом, что в его руках она ощущалась как мешок с перьями; она исчезла, и он услышал нежнейшую музыку, когда она пронеслась над его головой.

В 1678 году в Шотландии произошло важное дело о ведьмах, рассказ о котором представляет для нас интерес, поскольку в нем случайно упоминается тот факт, что одна из виновных ранее была судима и осуждена в Ирландии за преступление колдовства. Четыре женщины и один мужчина были задушены и сожжены в Пейсли за попытку убить с помощью магии сэра Джорджа Максвелла из Поллока. Они создали его восковое изображение, в которое сам дьявол воткнул необходимые булавы; затем его повернули на вертеле перед огнем, и вся группа повторяла в унисон имя того, чьей смерти они хотели добиться. Среди женщин была "некая Бесси Вейр, которую повесили последней из четырех (*та, что была взята раньше в Ирландии и приговорена к костру за злодеяние*; и когда палач уже собирался бросить ее на виселицу, дьявол унес ее от них с глаз долой; Ее *диттай* [обвинительный акт] был отправлен сюда, в Шотландию), и в это время, когда ее сбрасывали с виселицы, появился ворон, приблизился к палачу на расстояние одного эллинга и снова улетел. Все люди наблюдали это и плакали при виде этого".

Один священнослужитель, преподобный Дэниел Уильямс (очевидно, тот самый, который был пастором Вуд-стрит в Дублине, а впоследствии основал Библиотеку доктора Уильямса в Лондоне), рассказывает о том, как он избавил девушку от странных и неприятных звуков, которые ее беспокоили; инцидент мог бы перерасти в нечто аналогичное "Барабанщику из Тедворта" в Англии, но в целом все получилось довольно скромно. Он рассказывает, что примерно в 1678 году племянницу олдермена Арундела из Дублина беспокоили шумы в доме ее дяди, "а также сильные удары по стенам и сундукам, в каких палатах она часто бывала". В надежде, что они прекратятся, она переехала в дом неподалеку от Смитфилда, но шумы преследовали ее и там, а в прежнем жилище их больше не было слышно. После этого она поселилась в маленьком домике на Патрик-стрит, недалеко от ворот, но безрезультатно. Шум продолжался в общей сложности около трех месяцев и, как правило, достигал наивысшей точки около двух часов ночи. Несколько священников провели с ней несколько ночей в молитве, слышали странные звуки, но не смогли добиться их прекращения. Наконец был вызван рассказчик Уильямс, который пришел ночью в дом, где собралось несколько человек. Он говорит: "Я проповедовал из Евреям ii. 18 и ухитрился быть на молитве в то время, когда шум был сильнее всего. Когда я молился, женщина, стоявшая на коленях рядом со мной, с силой вцепилась в мою руку, а потом сказала, что видела ужасное зрелище, но, к счастью Бога, шума не было совсем. И с того времени Бог милостиво избавил ее от всех этих тревог"[41].

Множество странных историй о явлениях, увиденных в воздухе, дошло до нас со всех концов света и записано писателями как древними, так и современными, но, безусловно, лишь немногие из них могут сравниться с рассказом о той странной серии происшествий, которую увидела в небе изрядная толпа дам и джентльменов в графстве Типперэри 2 марта 1678 г.[42] "В Пойнстауне в графстве Тепперэри были замечены разные странные и удивительные явления. В воскресенье вечером несколько названных джентльменов и других людей вышли в поле, и когда солнце зашло и стало казаться несколько больше, чем обычно, они заговорили об этом, устремив свои взоры туда, где зашло солнце; Когда один из компании заметил в воздухе, недалеко от места, где зашло Солнце, Руку черновато-синего цвета, с румяной рукой на одном конце, а на другом конце крестовину с кольцом, прикрепленным к середине, как один конец якоря, которая стояла неподвижно некоторое время, а затем направилась на север и так исчезла. Затем на большом расстоянии в воздухе, из той же части неба, появилось нечто похожее на корабль, приближающийся к ним; он подошел так близко, что они могли отчетливо разглядеть мачты, паруса, снасти и людей; затем он, казалось, взял галс и поплыл кормой вперед, на север, по темному гладкому морю, которое простиралось с юго-запада на северо-запад. Проплыв так несколько минут, она постепенно погрузилась в море, кормой вперед; и когда она погрузилась, они увидели, что ее люди бегут вверх по снастям в носовой части корабля, как бы спасаясь от утопления. Затем показался форт, на вершине которого возвышалось нечто похожее на замок; из его стен по клубам дыма и внезапно вспыхнувшему огню они заключили, что из него стреляют. Форт тут же разделился на две части, которые в одно мгновение превратились в два точно таких же корабля, как и те, что они видели, головой друг к другу. Тот, что шел на юг, казалось, гнался за другим кораблем носом [кормой?] на север, пока не затонул сначала носом, как это сделал первый корабль; другой корабль проплыл некоторое время после этого, а затем затонул сначала головой. Было замечено, что по палубам этих двух кораблей бегали люди, но они не видели, чтобы они поднимались вверх, как на последнем корабле, за исключением одного человека, которого они отчетливо видели, как он с большой поспешностью поднимался на самый верх бушприта второго корабля, когда тот тонул. Они предположили, что оба последних корабля сцепились и сражаются, так как видели, как по морю разлетаются пули, в то время как они оба были видны. Затем появилась колесница,

запряженная двумя лошадьми, которая повернула, как и корабли, на север, а сразу за ней появилось странное страшное существо, которое, по их мнению, было чем-то вроде змеи: у него была голова, как у змеи, а на другом конце - узловатый пучок или гроздь, напоминающая домик улитки. Это чудовище стремительно пронеслось позади колесницы и нанесло ей внезапный сильный удар, после чего из колесницы выпрыгнули бык и собака, которые последовали за ним и, казалось, подманивали его. Они тоже понеслись на север, как и прежние, - сначала Бык, держа головой вниз, потом Собака, а затем колесница, пока все они не опустились один за другим примерно в том же месте и точно так же, как и прежние. После того как эти метеоры исчезли, появилось несколько подобий кораблей и других предметов. Все видение длилось около часа, и это был очень ясный и спокойный вечер, не было видно ни облака, ни тумана, ни какого-либо ветра. Все явления исходили с запада или юго-запада и двигались на север; все они скрылись из виду примерно в одном и том же месте. Из всей компании не было ни одного человека, который бы видел все эти явления, как написано выше, чьи имена приводятся ниже:

"Мистер Элли, священник, живущий неподалеку от этого места.

Лейтенант Данстервиль и его сын.

Мистер Грейс, его зять.

Лейтенант Дуайн.

Мистер Дуайн, его брат.

Мистер Кристофер Хьюэлсон.

Мистер Ричард Фостер.

Мистер Адам Хьюэлсон.

Мистер Бейтс, школьный учитель.

Мистер Ларкин.

Миссис Данстервиль.

Ее невестка.

Ее девичья дочь.

Дочь мистера Дуайна.

Миссис Грейс, ее дочь".

Первым из шестнадцати человек, подписавшихся под истинностью вышесказанного, был преподобный Питер Аллей, который был назначен викарием Килленаульского союза (Дио. Кашел) в 1672 году, но осенью того же года, когда явились явления, был переведен в ливинг в той же епархии.^[43] В приходе Буолик и баронстве Сливардаг есть поселок Пойнтстаун, а в соседнем приходе Феннор - еще один с таким же названием. Должно быть, именно в одном или другом из этих мест и происходило зрелище, поскольку оба прихода находятся всего в нескольких милях от Килленаула. Похожие истории, хотя и не столь полные чудесных подробностей, рассказываются в разные периоды на западе Ирландии. Именно так, по-видимому, зародилась вера в таинственный остров O'Brasil, лежащий далеко в западной части океана. Примерно в 1665 году один квакер выдал себя за человека, получившего откровение с небес, что именно ему поручено открыть его, и, соответственно, снарядил корабль для этой цели. В 1674 году капитан Джон Нисбет, бывший житель ко. Ферманага, действительно высадился на берег! В этот период он находился у берегов Ольстера^[44].

Между духовенством и ведьмами постоянно велись военные действия; первые, как протестанты, так и римские католики, всегда переходили в наступление и старательно пытались искоренить эту проклятую ересь в мире, но с сожалением приходится признать, что их активность в этом отношении часто служила средством для возбуждения смиренной

Светской армии, тем самым разжигая кровавые гонения, в ходе которых многие невинные существа были замучены и преданы жестокой смерти. Следовательно, человеческая природа такова, какова она есть, не удивительно узнать, что ведьмы время от времени выступают в роли агрессоров и причиняют духовенству столько душевных и физических страданий, сколько могут. Примерно в 1670 году ирландский священнослужитель, преподобный Джеймс Шоу, пресвитерианин из Карнмони, "был сильно обеспокоен ведьмами: одна из них появлялась в его комнате и показывала свое лицо за его плащом, висящим на часовом штыре, а затем, шагнув к двери, исчезала". Его беспокоили кошки, приходящие в его комнату и постель; он болел и красился; его жена была мертва перед ним и, как предполагалось, колдовала". Не менее неприятные события постигли и его слугу. "Перед смертью его человек, выйдя однажды ночью в хлев, видит, будто к нему катится большая куча сена, а затем появляется в форме и подобии байра [медведя]. Он попросил его принять человеческий облик, что тот и сделал. Тогда он спросил, по какой причине оно его беспокоит? Оно предложило ему прийти в такое-то место и рассказать ему, что он и сделал, но прежде чем сделать это, ознакомил с этим своего господина; господин запретил ему проводить подобные свидания; он послушался своего господина и не пошел. В ту ночь, когда он должен был, в него бросают камень с крыши дома, и он только задевает его, но не ранит; тогда он думает, что это сделал с ним дьявол, потому что он не сделал попытки; поэтому он решительно идет в ту ночь в назначенное место, будучи опрометчивым смельчаком, и дьявол появляется в человеческом облике, с пятками, обагренными кровью. Он снова спрашивает его, почему тот его беспокоит? Дьявол отвечает, что это дух убитого человека, который лежал под его кроватью и был зарыт в землю, а убил его такой-то человек, живший в таком-то месте двадцать лет назад. Человек возвращается домой, обыскивает место, но не находит ни костей, ни чего-либо похожего на могилу, и посылает в такое-то место на поиски такого-то человека, но его не могут найти, и вскоре после этого человек умирает". К этой истории мистер Роберт Лоу[45] мудрено добавляет предупреждение: "Нехорошо вступать в общение с сатаной, в конце его есть ловушка, но нужно противостоять ему молитвой и верой и не обращать внимания на его искушения".

Какое бы объяснение мы ни дали этому делу, несомненно, в то время твердо верили в колдовство, а смерть мистера Шоу и его жены приписывали сверхъестественным и дьявольским причинам. Преподобный Патрик Адэр, выдающийся современник и единоведец мистера Шоу, в своем *"Правдивом рассказе"* упоминает об этом инциденте так: "Была большая причина для ревности, что она [миссис Шоу] в детском ложе пострадала от колдовства некоторых ведьм в приходе. После ее смерти, спустя значительное время, некий дух или духи беспокоили дом, бросая камни в дымоход, являясь слугам, и особенно заставив одного из них, молодого человека, соблюдать назначенное время и место, где он появлялся в различных формах и говорил с ним на ухо. Жители прихода наблюдали за домом, пока мистер Шоу в это время лежал больной в своей постели, и действительно, он не выздоровел полностью, но через некоторое время умер, как считалось, не без колдовского искусства".

Классон Портер в своем памфлете дает интересный отчет об этом деле, особенно о развитии событий между смертью мужа и жены соответственно; согласно этому источнику, мальчик-слуга был сообщником лукавого, а не глупой жертвой. Миссис Шоу была мертва, а мистер Шоу лежал больной и поэтому не мог прийти на следующее ежемесячное собрание своих братьев по служению, чтобы посоветоваться с ними об этих странных событиях. Однако он послал своего слугу, который, как предполагалось, был замешан в этих сделках, с просьбой, чтобы братья осмотрели его на этот счет и поступили с ним так, как сочтут нужным. Мальчика допросили по этому поводу, и, признавшись, что он общался и беседовал со злым духом и даже помогал ему в его дьявольских операциях, ему было велено впредь не иметь никаких

дел с этим духом. Мальчик пообещал послушаться и был уволен. Однако это дело вызвало большой переполох в приходе, настолько большой, что братья не только приказали отложить причастие (которое в то время приближалось) в Карнмони, "пока смятение немного не уляжется", но и назначили двух из своих служителей держать особый пост в общине Карнмони, "в связи с бедой, обрушившейся на дом священника из-за духа, явившегося некоторым из семьи, и расстройством тела самого священника, а также другими смятениями, последовавшими за этим движением в приходе". Служителями, назначенными для выполнения этой обязанности, были Кеннеди из Темплпатрика и Паттон из Балликлара, которые на следующем собрании сообщили, что соблюдали пост в Карнмони, но с каким результатом - не сообщается. Мистер Шоу умер примерно через два месяца.

Самыми удивительными и неприятными были телесные искажения, от которых страдал ирландский джентльмен в результате того, что не нанял женщину, которая к полезному ремеслу *мудреца-женщины* добавила еще и озорное - ведь вполне можно представить, что деревенская повитуха, немного разбирающаяся в медицине и использовании снадобий, в народном мнении была бы причислена к тем, кто обладает силой выше среднего уровня. "В Ирландии жил некий Томас Моор, у которого жена родила ребенка, и, не воспользовавшись услугами прежней повитухи, которая была *malæ fatæ*, она заколдовала ее так, что она умерла. Бедняга возмущился, но она сказала, что это еще ничего не значит по сравнению с тем, что должно последовать. Она околдовала и его, так что в определенное время дня, ближе к ночи, дьявол постоянно беспокоил его, раз в день в течение 10 или 12 лет, овладевая его телом и заставляя его сильно раздуваться, и разрывая его так, что он пенился, и его лицо поворачивалось к шее, имея самый страшный обезображенный вид. В это время его держали сильные люди, из объятий которых, когда он вырывался, то бился головой о стену, рискуя удариться мозгом, и страшно прыгал вверх и вниз, то и дело падая на землю, и страшно кричал с диким скрипом и шумом, и так он делал обычно в течение часа; Когда припадок заканчивался, он усаживался, как прежде; а без припадков он был в своем уме и знал, когда он наступает, и давал знать об этом, так что те, кому было поручено следить за ним, готовились к этому. По назначению священнослужителей его пересылали из прихода в приход, чтобы его хранителям было легче. В конце концов, когда люди устали ждать его, они придумали способ облегчения, который заключался в том, чтобы посадить его в большое кресло, приспособленное для приема его тела, и так устроить его, чтобы оно обхватило его так, что он не мог выбраться, а затем с помощью пилюли [шкива] притянуть его к земле; а когда начался припадок (о котором он все еще предупреждал), посадил его в него и притянул к себе, так что его качание туда-сюда не причинило ему вреда, но он оставался там, пока припадок не прошел, не подвергаясь опасности, а затем спустился вниз до того времени следующего дня, когда припадок повторился. Многие приходили посмотреть на него в припадке, но зрелище было столь поразительным, что мало кто захотел прийти снова. Он был человеком доброго нрава, но мы видим, что мудрый и суверенный Бог подверг его сатанинским домогательствам. На нее [повитуху] подавали жалобы за ее злодеяния в тамошний магистрат, но в Англии и Ирландии не принято судить и осуждать ведьм по предположениям, они очень скупы на это. Он был жив в 1679 году". Из заключительных слов этой истории можно сделать вывод, что в Ирландии проходили процессы о колдовстве, о которых Лоу слышал и на основании отчета о которых он составил свое мнение о некоторой доле здравого смысла, проявляемой магистратами в этой стране, в отличие от Шотландии, где самых незначительных доказательств было достаточно, чтобы предать человека пыткам и смерти.

В следующей сказке[46] часть, связанная с привидениями, довольно незначительна из-за сильного элемента феи, который в ней появляется, и, как мы уже показали, многие случаи

колдовства в Шотландии были тесно переплетены с более древней верой в "добрых людей"; лорд Оррери, передавая рассказ Бакстеру, счел его "эффектом колдовства или дьяволов". Читатель волен придерживаться любой точки зрения на этот вопрос! Лорд Оррери, о котором идет речь, - это, вероятно, Роджер, второй граф, которого Лодж в своем *"Родословной"* описывает как человека "серьезного и созерцательного, что заставило его искать уединения". Если эта идентификация верна, то следующее событие должно было произойти между 1679 и 1682 годами, в течение которых граф владел титулом.

Дворецкий одного джентльмена, живущего неподалеку от графа, был послан купить колоду карт. Когда он пересекал поле, то с удивлением увидел компанию людей, сидящих за столом, уставленным всевозможными вкусностями, которые они приглашали отведать, и, без сомнения, он бы согласился, если бы кто-то не шепнул ему на ухо: "Не делай ничего, к чему тебя приглашает эта компания", на что он ответил отказом. После этого они сначала принялись танцевать и играть на музыкальных инструментах, а затем принялись за работу, и в обоих этих занятиях они хотели, чтобы дворецкий присоединился к ним, но безрезультатно.

На следующую ночь дружелюбный дух пришел к нему в постель и предупредил, чтобы на следующий день он не выходил за дверь, так как если он это сделает, то таинственная компания завладеет им. Большую часть того дня он оставался дома, но ближе к вечеру переступил порог, и едва успел это сделать, как на его талию накинута веревка и с силой потащили прочь. Всадник, ехавший навстречу, разглядел и человека, и два конца веревки, но не увидел ничего, за что можно было бы потянуть. Ухватившись за один конец, он сумел остановить его, хотя в наказание за это получил сильный удар по руке от другого.

Об этом стало известно графу Оррери, который попросил хозяина дворцового прислать его к нему домой, что тот и сделал. Вместе с графом в доме находились несколько знатных особ, два епископа и знаменитый лекарь Валентин Грейкес. Здесь злоба духов или фей проявилась по-другому. Несчастный внезапно поднялся с земли, и объединенные усилия Грейрейкеса и других не смогли остановить его движение вверх - все, что могли сделать зрители, это бежать под ним, чтобы защитить его от травм, если невидимая сила вдруг ослабит свою хватку. В конце концов он упал, но был пойман ими прежде, чем достиг земли, и не получил никакого вреда.

В ту ночь призрак, дважды проявивший себя столь дружелюбным, появился у его постели с деревянным блюдечком, наполненным какой-то серой жидкостью, которую он велел ему выпить, поскольку принес ее, чтобы вылечить его от двух видов припадков, которым он был подвержен. Он отказался пить эту жидкость, и из другой части повествования следует, что его отказ был основан на совете двух епископов, с которыми он советовался по этому поводу. На это дух очень рассердился, но сказал ему, что у него есть к нему доброе дело и что если он выпьет сок корней подорожника, то излечится от одного вида болезни, а от другого будет страдать до самой смерти. На вопрос посетителя, кто он такой, тот ответил, что это призрак человека, который умер семь лет назад, а во дни своей плоти вел разгульный образ жизни и поэтому осужден на то, чтобы до Судного дня носиться в беспокойном состоянии со странной компанией. Он добавил, что "если бы дворецкий признавал Бога во всех Его путях, то не потерпел бы такого от них", и напомнил ему, что тот не помолился за день до встречи с компанией в поле; после чего исчез. Если бы эта история основывалась только на показаниях дворцового, "двух видов припадков" было бы более чем достаточно для ее объяснения, но что мы скажем на тот факт, что все основные моменты рассказа были подтверждены графом, а мистер Грейкес (по словам доктора Мора, автора *"Собрания философских трудов"*) заявил, что он действительно был очевидцем того, как человека пронесли в воздухе над их головами.

По наущению призрака в 1685 году в Даунпатрике произошел судебный процесс. Об этом Бакстеру рассказал Томас Эмлин, "достойный проповедник в Дублине", а также Клавдий Гилберт, одна из главных заинтересованных сторон: сын и однофамилец последнего оказался щедрым благотворителем библиотеки Тринити-колледжа - некоторые из его книг были использованы при написании данной работы. Оказывается, в течение некоторого времени между мистером Гилбертом, викарием этого города, и архидиаконом Дауна Лемюзелем Мэтьюсом, которого Коттон в своем *"Фасту"* описывает как "человека со значительными талантами и юридическими знаниями, но с буйным властным нравом и склонного к тяжбам", шел спор о десятине Друмбега, небольшого прихода в четырех милях от Белфаста. Прихожане Драмбега благоволили Гилберту и обычно платили десятину ему, как владельцу прихода; но архидиакон утверждал, что он является законным получателем, в подтверждение чего предъявил ордер. Во исполнение его слуги в доме Чарльза Лостина, одного из прихожан, применили насилие к его жене Маргарет, которая отказала им во входе и умерла примерно через месяц (1 ноября 1685 г.) от полученных от их рук травм. Поскольку женщина находилась в плохом состоянии здоровья, о ее смерти мало кто узнал, пока примерно через месяц после этого она не явилась к некоему Томасу Донелсону, который был зрителем насилия над ней, и "напугала его, заставив начать обвинение Роберта Экклсона, преступника". Она являлась к нему несколько раз, но главным образом в один из вечеров Дня Господня, когда она с необычайной силой вытащила его из дома во двор и прилегающие поля. Перед ее последним приходом (а в тот день она приходила трижды) было вызвано несколько соседей, которым он сообщил, что она снова придет, и попросил его выйти; они пошли закрыть дверь, но он запретил, сказав, что она смотрит на него с ужасным видом, когда они предлагают это сделать. Но его друзья схватили его и обняли, чтобы он больше не выходил; несмотря на это (явное свидетельство некой невидимой силы), он был вырван из их рук удивительным образом и перенесен в поле и во двор, как и прежде, она поручила ему вершить правосудие: этот голос, а также ответ Донельсона люди слышали, хотя и не видели фигуры. Свидетелей этого еще много, особенно Сара (Лоснам), жена Чарльза Лостина, сына покойной женщины, и некто Уильям Холидей с женой". Это последнее явление произошло в доме Холидея; там же присутствовали несколько молодых людей, а также Чарльз и Хелен Лостин, дети покойной, большинство из которых выступили в качестве свидетелей на суде.

После этого Донельсон рассказал все, что знал об этом деле, мистеру Рэндалу Брайсу, соседнему мировому судье; тот довел дело до сведения сэра Уильяма Франклина в Белфастском замке. Впоследствии показания были перевезены в Дублин, и дело было рассмотрено в Даунпатрикском суде судьей Джоном Линдоном в 1685 г.^[48] От имени истца, Чарльза Лостина, выступал адвокат Джеймс Макартни - если это тот самый судья, который впоследствии появится на важнейшем процессе над ведьмами в Каррикфергусе, то он, безусловно, был настолько прекрасным адвокатом, насколько мог желать истец в деле о колдовстве, поскольку был сильно предубежден в истинности всех подобных дел. "Несколько свидетелей были заслушаны и приведены к присяге, а их допросы занесены в протокол того заседания, к изумлению и удовлетворению всей страны и судей, от которых я слышал, что они говорили об этом в то время с большим удивлением; настолько, что упомянутый Экклсон едва избежал жизни, но был сожжен в руке".

Случай предполагаемого колдовства произошел в Корке в 1685-6 годах, рассказ о котором содержится в письме Кристофера Крофтса сэру Джону Персевалу (третьему баронету и отцу первого графа Эгмонта), написанном пятнадцатого марта того года. Хотя рассказчик заявляет о своей неверии в подобные суеверия, в его сознании, по-видимому, присутствовало неосознанное чувство, что именно его строгое следование закону привело к несчастью его ребенка. Он говорит: "Мой бедный мальчик Джек, судя по всему, лежал при

смерти; у него были судороги в течение восьми или девяти часов. Его мать и еще несколько человек считают, что он околдован старухой, матерью Нелл Уэлш, которая слывет дурной женщиной; ребенок играл с ней в тот день, когда она была на осмотре, и заболел сразу после того, как ее отправили в Брайдуэлл. Но у меня нет веры в то, что это был не иначе как промысел Божий. Я отправил девочку в Брайдуэлл, где она пробудет некоторое время"[49].

В один из периодов своей истории этот своеобразный народ, известный среди своих членов как Общество друзей, а среди их противников - как квакеры, похоже, доставлял немало хлопот и досаждал другим религиозным организациям. Естественно, что их враги приписывали любые дикие истории, которые рассказывали о них, в ущерб себе, особенно когда они касались их доктрины о влиянии Духа. Доктор Мор в своем продолжении книги Гланвилла в шестой части "Реляций" рассказывает о человеке, живущем недалеко от Кембриджа в Англии, который был одержим злым духом, заставлявшим его совершать самые необычные поступки в попытке обратить его в квакерство. В *"Жизни мистера Александра Педена", в прошлом служителя Евангелия в Нью-Гленлусе в Галлоуэе*, умершего в 1686 году, есть рассказ о собрании квакеров в этой стране, на котором дьявол явился в самой кощунственной пародии на Святого Духа. Когда мистер Педен в одиночку путешествовал Ирландии, "наступила ночь и темный туман, который заставил его зайти в дом, принадлежащий квакеру. Мистер Педен сказал: "Я должен просить у вас крышу на всю ночь". Квакер ответил: "Вы чужак, вам очень рады, и вас любезно примут, но я не могу вас ждать, потому что иду на собрание". Мистер Педен сказал: "Я пойду с вами". Квакер сказал: "Можете, если вам угодно, но не беспокойте нас". Он сказал: "Я буду вежлив". Когда они пришли на собрание, как у них принято, то некоторое время сидели молча, одни - лицом к стене, другие - прикрывшись. Когда на чердаке над ними образовалась пустота, туда спустился ворон и сел на голову одного человека, который тут же поднялся и заговорил с такой яростью, что изо рта у него полетела пена; он перешел ко второму, и тот сделал то же самое; и к третьему, который поступил так же, как и двое первых. Мистер Педен, сидевший рядом с хозяином, сказал: "Разве вы этого не видите? Вы не станете потом отрицать это? Когда они разошлись по домам, мистер Педен сказал ему: "Я всегда думал, что среди вас есть дьявол, но никогда не думал, что он появляется среди вас зримо, пока не увидел это сейчас". Бедняга разрыдался и сказал: "Мне кажется, что Бог послал вас в мой дом и вложил в ваше сердце желание пойти со мной, и позволил дьяволу явиться среди нас этой ночью. Никогда прежде я не видел подобного. Позвольте мне получить помощь от ваших молитв". После этого он стал необыкновенным христианином".

Мистер Педен также был в некотором роде пророком, и его специальностью, похоже, было предсказание неприятных событий, во всяком случае, для жителей Ирландии. Достаточно привести два примера. Когда в доме одного джентльмена в ко. Антрим, он предсказал, что служанка была *энсинтом*, что она убьет ребенка и будет наказана. "Что, соответственно, и произошло, и она была сожжена в Крейг-Фергусе". В другой раз были посланы два гонца, чтобы сообщить лорду-лейтенанту, что пресвитерианские священники в Ирландии должны подтвердить, что они не имеют никакого отношения к восстанию на Ботвеллском мосту. Мистер Педен сказал, что они выполняют поручение дьявола, но Бог арестует их у ворот. В результате один из них заболел, а другой упал с лошади и сломал ногу.

ГЛАВА VII

1688 Г. Н.Э.

Ирландско-американская ведьма

Часто говорят, что ирландцы лучше всего преуспевают в Ирландии; те качества, которыми они обладают и которые не успевают созреть и достичь зрелости в вялой атмосфере Зеленого острова, где ничто не имеет большого значения, если общественное мнение не идет вразрез, становятся факторами истории под солнцем и бурей стран, где есть более широкие возможности для полного развития драчливости, промышленности или государственного ремесла. Во всяком случае, со времен Дунса Скотуса и святого Колумбана и до наших дней ирландцы занимали и продолжают занимать важнейшие посты во всех частях света как друзья королей, предводители армий или проповедники Истины, чем справедливо гордится каждый ирландец, независимо от его вероисповедания или политики. К длинному и разнообразному списку почестей и должностей можно добавить (по крайней мере, в одном случае) пункт о колдовстве. Если бы несчастная, о которой пойдет речь ниже, осталась на родине, она, скорее всего, закончила бы свои дни в счастливом забвении как бедная старушка, ничем не выделяющаяся среди сотен других, оказавшихся в таком же положении; как это случилось, она приобрела незавидную славу могущественной ведьмы и почти наверняка была средством для начала вспышки в Салеме. Кстати, эта история интересна тем, что в это время в Бостоне было несколько ирландцев, говорящих на ирландском языке.

Вскоре после колонизации штат Массачусетс стал примечателен случаями колдовства; несколько человек были судимы, а некоторые повешены за это преступление. Но в то время, о котором мы пишем, в Бостоне жила выдающаяся семья пуританских священников по фамилии Мазер. Отца, Инкреза Мазера, следует отождествлять с человеком с таким именем, который был "служителем Евангелия" в Магерафелте в Ирландии в 1656 году; его более известный сын, Коттон, был самым твердым приверженцем всех возможностей колдовства, и именно его перу мы обязаны следующим. Впервые он поведал о нем миру в своих *"Памятных событиях, связанных с колдовством"*, опубликованных в Бостоне в 1689 году, на следующий год после происшествия; впоследствии он воспроизвел их, хотя и в более сжатой форме, в своей более известной *"Magnalia Christi"* (Лондон, 1702). Именно из этого последнего источника мы ее и взяли, а основные отрывки, опущенные в ней, но встречающиеся в *"Памятных провидениях"*, здесь вставлены либо в квадратные скобки в тексте, либо в виде сносок. Теперь мы можем позволить преподобному джентльмену рассказать свою историю в его собственной причудливой и ротозейной фразеологии.

"Четверо детей Джона Гудвина в Бостоне, получившие религиозное образование и проявившие в нем недюжинную изобретательность; дети образцового нрава и поведения, служившие всем вокруг примером благочестия, честности и трудолюбия. В 1688 году на них обрушилось потрясающее колдовство. Старшая из детей, дочь лет тринадцати, сочла нужным проверить их прачку, дочь скандальной ирландки, жившей по соседству, по фамилии Гловер [чей несчастный муж перед смертью иногда жаловался на нее, что она, несомненно, ведьма, и что, где бы ни лежала его голова, она быстро придет к наказанию, причитающемуся такому человеку], о каком-то пропавшем льне, и эта женщина очень сквернословила в адрес ребенка, в защиту дочери, и ребенок немедленно заболел странными припадками, которые несли в себе что-то дьявольское. Вскоре одна из ее сестер

и двое ее братьев были поражены подобными припадками, которые самые опытные врачи [в частности, наш достойный и благоразумный друг доктор Томас Оукс] называли необычайными. Томас Оукс] объявили их необычными и сверхъестественными; и еще больше утвердило их в этом мнении то, что все дети мучились одной и той же частью тела, в одно и то же время, хотя их боли перелетали, как быстрые молнии, из одной части в другую, и они были так далеко друг от друга, что не видели и не слышали жалоб друг друга. В девять или десять часов вечера они все же избавлялись от своих страданий и довольно спокойно спали всю ночь. Но когда наступал день, им приходилось очень несладко. Иногда они глохли, иногда немели, а иногда слепли, и часто все это одновременно. Их языки втягивали в горло, а затем вытягивали на подбородке до невероятной длины. Их рты были насильно открыты до такой ширины, что челюсти выходили из суставов, а затем снова смыкались с силой, подобной пружинному замку: то же самое происходило с лопатками, локтями и запястьями рук, а также с несколькими суставами. Их шеи были бы сломаны, так что их шейная кость казалась бы растворенной для тех, кто чувствовал ее, и все же внезапно она снова стала бы такой жесткой, что не было бы никакого движения их голов; да, их головы были бы повернуты почти вокруг. И если бы главная сила их друзей в любой момент препятствовала опасному движению, на которое они, казалось, были направлены, они бы очень ревели.

"Но магистрат, разбуженный шумом этих ужасных и страшных происшествий, допросил особу, которую подозревали в том, что она наняла этих неприятных деймонов, и она дала такой жалкий отчет о себе, что ее отдали под стражу в гауляйтерскую тюрьму". [У Гудвина не было никаких доказательств, которые могли бы причинить ей вред; но карга была не в силах отрицать свою заинтересованность в околдовывании детей; а когда ее спросили, верит ли она в существование Бога, ее ответ был слишком кощунственным и ужасным, чтобы я мог о нем упоминать. По приверженности этой необыкновенной женщины все дети имели некоторое облегчение, пока один, связанный с ней, случайно встретив одного или двух из них, не развлекла их своим благословением, т. е. напутствием, после чего трое из них снова заболели].

"Прошло немного времени, прежде чем эта женщина предстала перед судом; но тогда [благодаря действию чар, как я полагаю, наложенных на нее одним или несколькими из ее преступников] суд не мог получить от нее никаких ответов, кроме как на ирландском, который был ее родным языком, хотя она очень хорошо понимала английский и приучила всю свою семью в прежнем общении только к английскому. [Она долго не могла дать прямых ответов на свои обвинения, а когда все же дала их, то это было скорее хвастовство и бахвальство, чем отрицание своей вины. А переводчикам, с помощью которых осуществлялось общение между судейской коллегией и барром, стало ясно, что другая ведьма наложила на нее заклятие, чтобы помешать ей рассказывать сказки, ограничив ее языком, который, как надеялись, никто не поймет. В доме женщины был произведен обыск, в результате которого было найдено несколько образов, или пупсов, или младенцев, сделанных из тряпок и набитых козьей шерстью; когда они были предъявлены, мерзкая женщина призналась, что она мучает объекты своей злобы, смачивая палец своей слюной и поглаживая эти маленькие образы. Обиженные дети были представлены в суд, а женщина все еще продолжала опускаться и сжиматься, как та, что чуть не до смерти от навалившейся на нее тяжести. Но вот одно из изображений поднесли к ней, и она, быстро вскочив, схватила его в руку. Но не успела она выхватить его, как один из Детей впал в печальные конвульсии на глазах у всего собрания. Судьи справедливо опасались этого и, тщательно повторив эксперимент, обнаружили то же самое, хотя дети не видели, когда рука ведьмы опускалась на изображения. Они спросили ее, *есть ли у нее кто-нибудь, чтобы*

поддержать ее? Она ответила, что да; и, глядя в воздух, добавила: *"Нет, он ушел!"* И затем признала, что у нее есть один, который был ее принцем, с которым она упоминала, не знаю, о каком общении. По этой причине в следующую ночь ее услышали, как она препиралась с дьяволом за то, что он покинул ее, говоря ему, что, поскольку он служил ей так подло и лживо, она призналась во всем.

"Однако, чтобы все прояснить, суд назначил пять или шесть врачей, чтобы очень строго осмотреть ее, не сошла ли она с ума в своих умственных способностях. Они провели с ней много часов, и за все это время от нее не исходило никаких разговоров, кроме приятных; особенно когда они спросили ее, что, по ее мнению, будет с ее душой, она ответила: *"Вы задаете мне очень торжественный вопрос, и я не могу сказать, что на него ответить"*. Она исповедовала себя римской католичкой и могла с готовностью читать заклятие на латыни, но один или два пункта всегда были слишком трудны для нее, и она сказала, что *не смогла бы повторить его, будь у нее хоть весь мир*.^[50] Вскоре врачи признали ее невменяемой, и ей был вынесен смертный приговор.

"Прошло несколько дней между тем, как ее обвинили и осудили; и за это время одна Хьюз засвидетельствовала, что ее соседка (по имени Хауэн), которая была жестоко околдована до смерти около шести лет назад, возложила ответственность за свою смерть на эту женщину [она видела, как Гловер иногда спускалась в ее дымоход], и попросила ее, эту Хьюз, помнить об этом, ибо в течение шести лет будет повод упомянуть об этом. [Эта Хьюз сейчас готовит свои показания, и тут же один из ее детей, прекрасный мальчик, хорошо подросший к юности] заболел тем же ужасным образом, что и Гудвин; и особенно мальчик ночью кричал, что черный человек в синем колпаке в комнате мучил его, и что они пытались рукой в кровати вырвать его кишки. На следующий день мать мальчика пришла к Гловер и спросила ее, *почему она так мучает своего бедного мальчика?* Гловер ответила, что *за то, что она получила от нее оскорбления*; и похвасталась, что подошла к нему, как к черному человеку в синем колпаке, и, засунув руку в кровать, *вытащила бы ему кишки, но не смогла*. Хьюз отрицал, что она ее обидела; и тогда Гловер, желая увидеть мальчика, пожелал ему здоровья; после чего он больше не испытывал недомогания.

"После осуждения женщины я нанес ей несколько визитов, в ходе которых она рассказала мне, что имела обыкновение бывать на собраниях, где присутствовали ее принц и еще четверо. Она рассказала мне, кто эти четверо, и прямо сказала, что ее принц - дьявол. [Она развлекала меня только ирландским языком, который я недостаточно изучил, чтобы понимать без переводчика]. Когда я рассказал ей об этом и о том, как ее принц покинул ее, она ответила [кажется, по-английски, и тоже со страстью]: *"Если это так, то я сожалею об этом"*. И когда она отказалась отвечать на некоторые вопросы, о которых я ее спрашивал, она сказала мне: *она могла бы дать мне полный ответ, но ее Духи не дадут ей разрешения: и она не могла согласиться*, сказала она, *без этого разрешения, чтобы я молился за нее*. [Однако против ее воли я молился вместе с ней, что если и было ошибкой, то в избытке жалости. Когда я это сделал, она поблагодарила меня многими добрыми словами, но не успел я скрыться из виду, как она взяла камень, длинный и тонкий, и пальцем и слюной стала мучить его; хотя кого или что она имела в виду, я, к счастью, так и не понял]. На казни она сказала, что страдающие дети не должны получить облегчения от ее смерти, потому что к их несчастью причастны и другие".

Миссис Гловер повесили, но в соответствии с ее предсмертными словами юные Гудвины не испытали облегчения от своих мучений, или, как характерно выразился Коттон Мазер, "трое детей продолжали сидеть в своей печи, как и прежде; и она стала в семь раз горячее, чем прежде", и поскольку это произошло по вине нашей ирландской ведьмы, не будет лишним

привести несколько отрывков, касающихся необычайных приключений, которые с ними приключились. "В своих припадках они взывали к *Тем* и *Им*, как к авторам всех их бед; но кто эти *Те* и *Они*, они не могли сказать. Но наконец один из детей смог различить их очертания и произнести их имена. Удар в то место, где они видели призрак, мальчик всегда ощущал той частью тела, которая отвечала на удар. И это несмотря на то, что он был повернут спиной, а действие совершалось так, что не могло быть никакого сговора. Но удар по призраку тоже всегда помогал ему, потому что он получал передышку от своих недугов на значительное время, и призрак исчезал. Да, 'twas very credible affirmed, that a dangerous Woman or two in the Town received Wounds by the Blows thus given to their spectres..... Иногда они бывали очень безумны, и тогда они перелезали через высокие заборы, да, они летали, как гуси, и носились с невероятной быстротой по воздуху, имея только пальцы на ногах время от времени на земле (иногда ни разу за двадцать футов), а их руки махали, как крылья птицы..... Если им поручали сделать что-нибудь *ненужное* (например, протереть *чистый* стол), они могли сделать это без помех; но если им поручали сделать что-нибудь *полезное* (например, протереть *грязный* стол), они тут же, со многими мучениями, становились неспособными".

В конце концов Коттон Мазер забрал старшую из трех детей, девочку, к себе домой, отчасти из сострадания к ее родителям, но главным образом, как он рассказывает, "чтобы я мог быть критическим свидетелем вещей, которые позволили бы мне опровергнуть саддукизм этого развратного века" - и, конечно, ее выходки должны были дать ему множество аргументов против "саддукеев". "В припадках она выкашливала шарик величиной с яйцо, который попадал ей в дыхательное горло и почти душил ее, пока с помощью поглаживания и питья он снова не выходил наружу. Когда я молился в комнате, ее руки с *сильной*, хотя и *неравномерной*, силой прижимались к ушам. А когда ее руки отдернули, она воскликнула: "*Они так шумят, что я не слышу ни слова*". Она жаловалась, что на ноге у нее цепь Гловера; а когда пыталась идти, ворота у нее были точно такие же, как у ведьмы на цепи перед смертью. [Иногда она воображала, что сидит верхом на лошади, и, приняв позу для верховой езды, сидела в своем кресле, как человек, который иногда едет, иногда рысит, а иногда скачет очень яростно. В этих движениях мы не могли понять, что она движется от напряжения ног на земле, так как часто она не касалась ее. Проскакав минуту-другую, она, казалось, сходилась с теми, кто составлял ей компанию, и вела с ними беседу, задавая им множество вопросов о себе. В конце концов она притворилась, что ее лошадь может подняться по лестнице; и в восхищении она поскакала (то есть была подброшена, как та, что скачет) вверх по лестнице".

Впоследствии, когда священнослужители Бостона и Чарльстона провели день молитвы с постом, состояние детей улучшилось, пока они не стали совершенно здоровыми. Но в один несчастливый момент мистер Мазер решил развлечь своих прихожан проповедью об этих *Памятных Провидениях*, и ее изучение снова подействовало на девочку. Раньше, во время самых тяжелых приступов, она была очень послушна и почтительна с Коттоном Мазером, "но теперь все ее поведение по отношению ко мне было с той сочностью, с которой я нигде не привыкла обращаться. Она стучалась в дверь моего кабинета, утверждая, *что кто-то внизу рад меня видеть*, хотя никто меня не звал. А когда я укорял ее за то, что она говорит неправду, она отвечала, *что миссис Мазер всегда рада вас видеть!* Однажды, когда она лежала в припадке, а молящийся вспоминал слова Хананеянки и говорил: "*Господи, помилуй дочь, совокупляющуюся с дьяволом*", из ее уст раздался большой, но низкий голос, в котором зрители не видели, чтобы она шевелила ртом: "*Нас двое или трое*".

Наконец после трех дней поста и молитвы дети были полностью излечены, но поднятую бурю было нелегко унять. Старуха, как и многие другие люди ее лет и пола, была, по-видимому,

холерического и раздражительного нрава, и в то же время вполне возможно, что она настолько заразилась народным суеверием (и кто мог бы ее в этом винить!), что считала себя способной причинить вред людям, просто погладив пальцем куклу или камень. Нередкая форма психической пытки, к которой прибегали, заставляя ее повторять молитву "Отче наш", все время внимательно следя за *языковыми пробелами* и делая выводы о ее сговоре с дьяволом, была особенно абсурдной в случае такой особы, как миссис Гловер, чья память была подпорчена возрастом. Во всяком случае, в наши дни, вероятно, найдется очень мало людей, которых заставили бы произносить на публике эту молитву или апостольский Символ веры, если бы мы знали, что наша жизнь зависит от абсолютной словесной точности и что малейшая оплошность может означать смерть. Не исключено также, что некоторые из припадков с детьми Гудвина были вызваны сознательным самозванством; при изучении всего дела можно с уверенностью сказать, что глубокая вера самовлюбленного Коттона Мазера в истинность подобных вещей, а также лесть его тщеславию в значительной степени способствовали успеху всего инцидента. Рассказ Коттона Мазера об этом случае был очень высоко оценен мистером Бакстером в его *"Уверенности в мире духов"*, и это так восхитило мистера Мазера, что он распространил последнюю работу по всей Новой Англии как ту, которая должна убедить самого упрямого "саддукея". Результат этого был быстро замечен. Через три года после бостонского инцидента аналогичная вспышка произошла среди нескольких молодых людей в доме преподобного Сэмюэля Пэрриса в Салеме, тогда небольшой деревне в девятнадцати милях к северо-востоку от Бостона. Зараза распространялась с ужасающей быстротой; к суду было привлечено множество людей, из которых за шестнадцать месяцев девятнадцать (*двадцать пять*, согласно Эштону)[51] были повешены, один из них - священнослужитель, преподобный Джордж Берроуз, около ста пятидесяти человек были посажены в тюрьму, и более двухсот обвинялись в колдовстве. В конце концов правительство положило конец судебным процессам и освободило обвиняемых в апреле 1693 года; мистер Пэррис, в доме которого началось дело, был уволен с должности юре, как "зачинщик и поставщик самых тяжелых болезней", но, прямо или косвенно, миссис Гловер можно считать первой причиной, поскольку если бы случай с детьми Гудвина не произошел в Бостоне, более чем вероятно, что деревня Салем никогда бы не подверглась такому бедствию, какое было.

ГЛАВА VIII

1689-1720 ГГ.

Предвестие вступления в должность Якова II - Колдовство в ко. Антрим - Традиционная версия того же самого - События, предшествовавшие суду над ведьмами на острове Мейджи - Сам суд - Доктор Фрэнсис Хатчинсон.

Рассказ о следующем предзнаменовании приводится в книге Обри *"Рассуждения"*. "Когда король Яков II впервые вошел в Дублин после своего прибытия из Франции в 1689 году, один из джентльменов, несших перед ним булаву, споткнулся без какого-либо трения на своем пути или другого видимого повода. Булава выпала у него из рук, а маленький крест на ее короне застрял между двумя камнями на улице. Это хорошо известно по всей Ирландии и

доставило немало хлопот самому королю Якову со многими его главными приближенными"; но, несомненно, сильно подняло надежды его врагов.

Несколько лет спустя история о ведьмах пришла с севера Ирландии и была описана Джорджем Синклером в его книге *"Невидимый мир Сатаны"* (в более поздних изданиях, а не в первом). Эта книга, кстати, похоже, была чрезвычайно популярна, поскольку переиздавалась несколько раз, даже в 1871 году. "В Антриме в Ирландии девочка девятнадцати (девятой?) лет, не уступавшая никому в округе ни красотой, ни образованием, ни рождением, невинно положила в рот лист щавеля, полученный ею от ведьмы, после того как она дала просящей ведьме хлеб и пиво у двери; едва она его проглотила, как ее начали мучить кишки, она вся дрожала и даже билась в конвульсиях, а в конце концов упала в обморок как мертвая. Доктор использовал средства 9 мая 1698 года, и тогда это случилось, но безрезультатно, ребенок продолжал находиться в самом ужасном пароксизме; тогда они послали за священником, который едва успел приложить к ней руку, как демон превратил ее в самые ужасные формы. Она начала сначала грести себя, потом извергать иголки, булавки, волосы, перья, нитки, куски стекла, оконные гвозди, гвозди, выдернутые из телеги или каретного колеса, железный нож длиной в пролет, яйца и рыбу скорлупу; и когда ведьма приближалась к дому или смотрела на него, хотя и на расстоянии двухсот шагов от места, где находился ребенок, она испытывала еще более сильные мучения, так что от ребенка нельзя было ожидать жизни, пока ведьму не удалили на большее расстояние. Ведьму задержали, осудили, задушили и сожгли, и потребовали, чтобы она отменила заклинание непосредственно перед удушением; но она сказала, что не может, потому что другие поступали с ней так же. Но негодяй признался в том же самом, а также во многом другом. Примерно в середине сентября ребенка отнесли в дом джентльмена, где было много других вещей, не заслуживающих доверия, но несколько священников и джентльменов засвидетельствовали то же самое. Об этом можно узнать из памфлета, напечатанного в 1699 году и озаглавленного *"Околдование ребенка в Ирландии"*.

Бакстер в своей *"Уверенности в мире духов"* цитирует, на первый взгляд, тот же случай, но помещает его в Утрехт и датирует 1625 годом. Но вполне возможно, что подобный случай произошел на континенте так же, как и в Ирландии; многие случаи колдовства, произошедшие в совершенно разных местах и в разные даты, имеют точки близкого сходства. История Синклера, похоже, основана на реальном судебном процессе по делу о колдовстве в ко. Антрим, тем более что он черпал информацию из памфлета на эту тему, который был напечатан через год после его проведения. Упоминание о нем особенно интересно; вероятно, он был напечатан в местном издательстве, но отследить его не представляется возможным, и, по всей видимости, он был израсходован много лет назад. Приведенная выше история, как ни странно, имеет свое объяснение. Щавелевая кислота, содержащаяся в щавеле, - раздражающий яд, вызывающий рвоту и сильные боли. Но когда однажды возникло подозрение в колдовстве, изгнание столь необычной коллекции различных предметов последовало как само собой разумеющееся - так сказать, было бы совершенно против правил игры, если бы девушка избавилась от чего-либо еще в тот конкретный момент.

Классон Портер приводит традиционную, по его мнению, версию вышеизложенного. Согласно ей, предполагаемая ведьма была бедной старухой, которую свели с ума жестокое и варварское обращение, которому она подвергалась со стороны многих соседей на том основании, что она ведьма. Чтобы спастись от этого обращения, она нашла убежище в пещере, которая находилась в поле, прилегающем к старому (не нынешнему) дому собраний в Антриме. Ее проживание в таком месте посчитали подтверждением того, что против нее

выдвигали обвинения, после чего закололи до смерти, а ее тело разрезали на куски, которые затем разбросали по местам, где она, как предполагалось, оказывала свое злое влияние. В течение нескольких лет после этой ужасной трагедии ее призрак в виде козы, как считалось, преследовал зал заседаний старого дома собраний, возле которого она встретила свою жестокую судьбу; в народе его называли призраком Макгрегора, так звали человека, который был пономарем дома собраний, когда все это произошло, и, вероятно, был причастен к убийству. Таков Классон Портер. Но мы очень сомневаемся, что все вышесказанное действительно имеет какое-то отношение к делу ведьм в Антриме 1600 года. Более вероятным представляется, что оно произошло позднее, возможно, после суда над Айленд-Мейджи, и, таким образом, является примером одной из тех вспышек жестокости со стороны толпы, ожесточенной невежеством и суеверием, примеры которых можно найти в Англии в XVIII и XIX веках.

В одном случае ирландская ведьма или мудрая женщина стала причиной того, что шотландская девушка была осуждена кирком за использование чар в канун Хэллоуэй, очевидно, для того, чтобы узнать, кто должен быть ее будущим мужем. Она призналась, что "по наущению одной старухи из Ирландии принесла пинту воды из колодца, через который проходят невесты и похороны, окунула в нее свою рубашку и повесила ее перед огнем; что ей либо приснилось, либо что-то пришло и повернуло стул, на котором лежала ее рубашка, но она не могла разглядеть, что это было". Ее приговор был вынесен прихожанам; учитывая состояние Шотландии в тот период, следует признать, что она очень удачно спаслась[52].

Теперь мы подошли к последнему случаю, когда ведьм судили и осудили в Ирландии как нарушителей законов королевства - знаменитому делу Айленд-Мейджи. Существует очень скудный опубликованный отчет об этом деле, составленный, как говорят, очевидцем, и озаглавленный: "Рассказ о страданиях молодой девушки по имени Мэри Данбар, которой странным образом досаждали духи и ведьмы в доме мистера Джеймса Халтриджа. Джеймса Холтриджа, приход Айленд-Мейджи, близ Карригфергуса, в графстве Антрим и провинции Ольстер, в Ирландии, и в некоторых других местах, куда она удалялась во время своего расстройства; а также о том, что дом вышеупомянутого мистера Холтриджа преследовали духи во втором конце 1710 и начале 1711 года". Много лет эта книга оставалась в рукописи, но в 1822 году она была напечатана в виде памфлета в Белфасте под редакцией М'Скимина, автора *"Истории Карригфергуса"*. Этот памфлет мы не видели, но полную информацию о деле можно получить, объединив следующие источники информации: *"Рассказы о колдовстве и чародействе"* Райта; *"Дублинский университетский журнал"*, том lxxxii; письмо д-ра Тисдалла, викария университета. Тисдалла, викария Белфаста, в журнале *"Хиберниан"* за январь 1775 года; памфлет Класона Портера; *"История Карригфергуса"* М'Скимина (изд. М'Крам, 1909); показания, которые были взяты, опубликованы в *"Исторических заметках старого Белфаста"* Янга, с. 161-4.

Самому суду над ведьмами предшествовал ряд необычайных происшествий. В сентябре 1710 года миссис Энн Халтридж, вдова преподобного Джона Халтриджа, покойного пресвитерианского священника в Айленд-Мейджи, находясь в доме своего сына Джеймса Халтриджа, проживающего там же, каждую ночь страдала от сильного раздражения со стороны какого-то невидимого объекта, который бросал камни и дерн на ее кровать, причем сила удара часто заставляла занавески распахиваться и даже перетягивала их с одного конца кровати на другой. Примерно в это же время у нее из-под головы вытащили подушки и сорвали одежду, и, хотя был произведен строгий обыск, ничего не удалось обнаружить. Продолжая раздражаться таким образом, она удалилась в другую комнату, боясь больше оставаться в своей.

А примерно 11 декабря, когда она сидела в сумерках у кухонного камина, вошел маленький мальчик и сел рядом с ней. На вид ему было лет одиннадцать или двенадцать, с короткими черными волосами, на голове у него был старый черный чепец, полуистлевшее одеяло валялось на полу, под ним был рваный жилет, а лицо он прикрывал одеялом, которое держал перед собой. Миссис Холтридж задала ему несколько вопросов: Откуда он пришел? Куда он шел? Не замерз ли он, не голоден ли? и так далее; но вместо ответа он встал и очень проворно заплясал по кухне, а потом выбежал из дома и скрылся в коровнике. Слуги побежали за ним, но его нигде не было видно; когда же они вернулись в дом, он был рядом с ними. Они пытались поймать его, но при каждой попытке он убегал, и найти его не удавалось. Наконец одна из служанок, увидев входящую в дом хозяйскую собаку, закричала, что ее хозяин возвращается домой и скоро поймают это беспокойное существо, после чего оно тут же исчезло, и больше его не тревожили до февраля 1711 года.

11 числа того месяца, а это было воскресенье, старая миссис Халтридж читала *"Проповеди о завете"* доктора Уэддерберна, когда, отложив книгу на время, так как в комнате все время никого не было, ее внезапно унесли. Она искала ее повсюду, но не могла найти. На следующий день явление, о котором уже говорилось, пришло в дом и, разбив стекло в одном из окон, протянуло руку с пропавшим томом. Он заговорил с одной из служанок, Маргарет Спир, и рассказал ей, что взял книгу, когда все были на кухне, и что ее хозяйка никогда больше не получит ее. Девушка спросила его, умеет ли он читать, на что он ответил, что умеет, добавив, что его научил дьявол. Услышав это необычное признание, она воскликнула: "Господи, благослови меня от тебя! Ты плохо учишься". Он сказал ей, что она может благословлять себя сколько угодно, но это ее не спасет; тогда он достал меч и пригрозил убить всех в доме. Это так напугало ее, что она побежала в гостиную и заперла дверь, но привидение посмеялось над ней и заявило, что может войти в дом через самую маленькую щель, как кошка или мышь, поскольку дьявол может сделать из него все, что пожелает. Затем он взял большой камень и швырнул его в окно гостиной, которое, как ни старался, так и не смог выбить. Немного погодя слуга и ребенок выглянули наружу и увидели, как привидение поймало индюка-петуха, которого он перекинул через плечо, держа его за хвост; птица сильно зашипела лапками, и украденная книга выскочила из петли в одеяле, куда ее положил мальчик. Затем он перепрыгнул через стену с индюком-петухом на спине. Вскоре девушка увидела, как он пытается достать меч, чтобы убить птицу, но та ускользает. Выхватив из одеяла книгу, он проворно забежал туда-сюда в ее поисках, а потом дубинкой разбил стекло в окне салона. Девушка снова выглянула через кухонное окно и увидела, как он копается в земле с мечом. Набравшись смелости, она спросила, что он делает, и он ответил: "Делаю могилу для трупа, который очень скоро выйдет из этого дома". Однако он отказался сказать, кто это будет, и, избавив ее от этой интересной информации, перелетел через изгородь, словно птица.

День или два после этого ничего не происходило, но утром 15-го числа одежда была таинственным образом снята с кровати миссис Холтридж и уложена в сверток позади нее. Кто-то из членов семьи вернул ее на место и снова снял, а затем сложил и положил под большой стол, который случайно оказался в комнате. Их снова разложили в порядке на кровати, снова сняли и в третий раз придали им форму трупа или чего-то, очень похожего на него. Когда эта странная новость распространилась по окрестностям, в дом пришло множество людей, и после тщательного расследования, чтобы избежать хитрости в деле, они были вынуждены признать, что здесь действует какой-то невидимый агент. Мистер Роберт Синклер, пресвитерианский священник этого места, вместе с Джоном Мэном и Рейнольдом Литом, двумя старейшинами, провели весь тот день и следующую ночь в семье, охваченной бедой, проводя большую часть времени в молитве. Ночью миссис Холтридж, как

обычно, легла спать в комнате с привидениями, но отдохнула очень мало, а около двенадцати часов внезапно вскрикнула, словно от сильной боли. Когда мистер Синклер спросил ее, в чем дело, она ответила, что ей кажется, будто в спину воткнули нож. На следующее утро она покинула комнату с привидениями и перешла в другую, но сильная боль не покидала ее спину, и в конце недели, 22 февраля, она умерла. Во время ее болезни одежду часто снимали с кровати, которую она занимала, и перекладывали, как труп, и даже когда на нее ставили стол и стулья, чтобы не снимать, ее таинственным образом снимали без шума и перекладывали, как прежде; но это никогда не происходило, когда в комнате кто-то находился. Вечером перед смертью их сняли, как обычно; но на этот раз, вместо того чтобы надеть их, как обычно, они были сложены с большой осторожностью и убраны в сундук наверху, где их нашли только после долгих поисков.

Теперь мы переходим к рассказу о самом колдовстве и последующем суде. Примерно 27 февраля 1711 года девушка лет восемнадцати, мисс Мэри Данбар, которую доктор Тисдалл описывает как "с открытым и невинным лицом и очень умную молодую особу", приехала погостить к миссис Халтридж-младшей, чтобы составить ей компанию после смерти свекрови. Ходили слухи, что последняя была заколдована в могиле, и это не могло не повлиять на мисс Данбар. Поэтому в ночь ее приезда начались неприятности. Когда она удалилась в свою спальню в сопровождении другой девушки, они с удивлением обнаружили, что новая мантия и другие предметы одежды были извлечены из сундука и разбросаны по дому. Отправившись на поиски пропавших вещей, они обнаружили на полу гостиной фартук, который за два дня до этого был заперт в другой квартире. Этот фартук, когда они нашли его, был туго свернут и завязан веревкой из собственного материала, на которой было пять странных узлов[53] (Тисдалл[54] говорит о *девяти*). Она принялась развязывать их и, сделав это, обнаружила, что в середине фартука завернут фланелевый чепец, принадлежавший старой миссис Холтридж. Увидев это, она испугалась и бросила чепец и фартук молодой миссис Холтридж, которая тоже встревожилась, решив, что таинственные узлы сулят зло кому-то из обитателей дома. Вечером с мисс Данбар случился сильнейший припадок, и, придя в себя, она закричала, что в ее бедро вонзили нож, и что ее очень сильно мучили три женщины, которых она описала особенно подробно, но не назвала их имен. Около полуночи с ней случился второй припадок; тогда она увидела в своем видении семь или восемь женщин, которые разговаривали вместе и в своем разговоре называли друг друга по именам. Когда она вышла из припадка, то назвала их имена: Джанет Листон, Элизабет Селлор, Кейт М'Калмонт, Джанет Карсон, Джанет Мина, Латимер и одна, которую они называли миссис Энн. Она так подробно описала их, что несколько из них были угаданы и отправлены из разных частей округа к "Пораженной", как ее называет доктор Тисдалл, которую она отличала от многих других женщин, привезенных вместе с ними. "Она постоянно страдала все больше и больше по мере того, как они приближались к дому; в частности, там была одна Латимер, которую частным образом прислал из Карригфергуса мистер Адэр, учитель раскольников; когда она пришла в дом, где находилась страдальца, то есть в Айленд-Мейджи, ни одна из них не пришла. в Айленд-Мейджи, никто из них не заподозрил ее, но Страдающий впал в припадок, когда она приблизилась к дому, и, когда женщина оказалась в палате, первые слова, которые она произнесла, были: "*О Латимер, Латимер*" (так ее звали), и ее описание наиболее точно соответствовало человеку. После этого были обнаружены все остальные; и однажды она выделила одного из своих мучителей среди тридцати, которых они привели, чтобы проверить, смогут ли они обмануть ее в имени или описании обвиняемого. Все это было подтверждено под присягой присутствовавшими лицами, которые слышали это от страдальцы, когда она оправилась от нескольких приступов".

С 3 по 24 марта несколько человек дали показания, касающиеся различных аспектов дела, и мэр Карригфергуса выдал ордер на арест всех подозреваемых. Семь женщин были арестованы; их имена таковы:

Джанет Мин, с острова Брейд.

Джейн Латимер, из Ирландского квартала, Карригфергус.

Маргарет Митчелл, из Килрута.

Кэтрин М'Калмонт, с острова Маги.

Джанет Листон, она же Селлар, из того же.

Элизабет Селлар, из тех же.

Джанет Карсон, из того же.

Ее худшие мучители, похоже, были взяты под стражу на ранней стадии процесса, поскольку мисс Данбар заявила в своих показаниях, сделанных 12 марта, что после их ареста она не получала никаких раздражений, кроме как от "миссис Энн и другой женщины, слепой на один глаз, которые говорили ей, когда мистер Робб, викарий, собирался молиться с ней и за нее, что она должна быть не лучше для его молитв, поскольку они будут мешать ей слышать их, что они, соответственно, и делали". Во время одного из своих нападений эта "миссис Энн" сообщила мисс Данбар, что ее никогда не узнают по имени, как и остальных, но она, похоже, не учла, что ее жертва вполне способна дать точное *описание*, что она и сделала, и таким образом была задержана некая Маргарет Митчелл, после чего она стала свободна от всех раздражителей, за исключением того, что чувствовала что-то странное в животе, от чего была бы рада избавиться, и избавилась, как мы увидим в дальнейшем.

Что касается женщины, ослепшей на один глаз, то от другого свидетеля мы узнаем, что к ней приводили трех женщин, изуродованных таким образом, но она заявила, что они никогда ее не беспокоили. "За Джейн Миллер из Карригфергуса, слепой на один глаз, послали, и как только она приблизилась к дому, Мэри, не зная о ее приходе, очень испугалась, упала в обморок и вспотела, а как только вошла в комнату, Мэри впала в такой сильный приступ боли, что трое мужчин едва могли ее удержать, и закричала: "Ради Христа, выведите дьявола из комнаты". И когда ее спросили, она ответила, что это третья женщина, потому что именно она мучила ее". Однако Джейн Миллер, похоже, не была арестована.

В одном из самых ранних показаний, которое Джеймс Хилл дал под присягой 5 марта, мы находим запись необычного инцидента, который, кажется, показывает, что по крайней мере один из обвиняемых был жертвой религиозной мании. Он утверждает, что 1 марта, "когда он находился в доме Уильяма Селлара с острова Мейджи, некая Мэри Твмейн (*sic!*) пришла в указанный дом и позвала Джанет Листон, чтобы поговорить с ней, и что после того, как указанная Джанет снова вошла, она затрепетала и сказала этому депоненту, что указанная Мэри желала, чтобы она пошла к мистеру Халтриджу. Халтриджа к Мэри Данбар, но она заявила, что не пойдет ни за какие коврижки, разве что мистер Синклер за ней приедет, и сказала: Если на ней (Мэри Данбар) была чума от Бога, то чума от Бога будет и на них всех; дьявол будет с ними, если он среди них. Если Бог отнял у нее здоровье, то Бог даст ей здоровье; если дьявол отнял его у нее, то дьявол даст его ей". И затем добавил: "О неверные, едящие и пьющие проклятие для себя, распинающие Христа заново и принимающие все из рук дьявола!"

Наконец обвиняемые предстали перед судом в Карригфергусе перед судьями Аптоном и Макартни[55] 31 марта 1711 года. Среди свидетелей, опрошенных, были мистер Skeffington, викарий из Ларна; мистер Ogilvie, пресвитерианский священник из Ларна; мистер Adayr, пресвитерианский священник из Карригфергуса; мистер Coburn,

пресвитерианский священник с Брод-Айленда; мистер Эдмонстоун из Ред-Холла и другие. Заседание началось в шесть часов утра и продолжалось до двух часов дня. Краткое изложение доказательств было сделано доктором Тисдаллом, который присутствовал в суде во время процесса, и из письма которого мы приводим следующие отрывки - многие из вышеупомянутых фактов(!) также были приведены.

"Большинство свидетелей клялись, что в некоторых припадках ее едва могли удержать трое крепких мужчин, что она бормотала про себя и отчетливо произносила некоторые слова, рассказывала все, что говорила в разговоре с ведьмами, и как ей пришло в голову говорить такие вещи, которые она говорила в припадках".

"Во время припадков она часто засовывала язык в дыхательное горло так, что могла задохнуться, а корень, казалось, втягивался в рот. После выздоровления она очень жаловалась на одну Мину, которая выкручивала ей язык; и сказала суду, что та разорвала ей горло и жестоко мучила ее из-за своих кривых пальцев и распухших костяшек. По этому свидетельству женщину вызвали к адвокату и приказали показать руку; было удивительно увидеть точное соответствие между описанием пострадавшей и рукой предполагаемого мучителя; все суставы были деформированы, а сухожилия сморщены, как она и описывала."

"Один из тех, кто держал ее в припадке, клялся, что на ее руках не было ничего видимого, когда он взял их в руки, и что все в комнате видели камвольную пряжу, повязанную вокруг ее запястья, которая была надета незаметно; на этой веревке было семь двойных узлов и один одинарный. В другой раз она закричала, что ее мучает боль в колене; тогда все женщины в комнате посмотрели на ее колено и обнаружили, что на нем завязано филе; ее мать поклялась, что это то самое филе, которое она дала ей утром, и видела, как оно на ее голове; на нем также было семь двойных узлов и один одинарный".

"Римско-католический священник посоветовал ее матери использовать контрприворот, который заключался в том, чтобы написать на бумаге несколько слов из первой главы Евангелия от Иоанна и трижды обвязать бумагу узлом вокруг ее шеи, каждый раз завязывая узел. Сама девочка от этого средства отказалась, но мать, в один из периодов ее болезни, прибегла к нему. Она лежала в сильном припадке на кровати, удерживаемая мужчиной, и, немного придя в себя, жаловалась на боль в спине и около середины; тут же компания обнаружила упомянутый инкль, завязанный вокруг ее середины семью двойными узлами и одним одинарным: в этом поклялись несколько человек. Судья спросил мужчину, державшего пострадавшую, могла ли она дотянуться до инкрустации на шее, пока он ее держал; тот ответил, что нет, в силу своей клятвы, поскольку он держал ее за руки".

"Пострадавшая во время одного из своих припадков была замечена несколькими людьми, которые соскользнули с кровати непостижимым образом, и мягко легли на пол, как будто поддерживаемые и притягиваемые невидимым образом. Придя в себя, она рассказала о нескольких людях, которые тянули ее таким образом, намереваясь, как они ей сказали, вынести ее из окна; но в это время она задумалась, и, мысленно воззвав к Богу, они позволили ей упасть на пол".

"Пострадавшая, оправившись от припадка, рассказала присутствующим, что ее мучители заявили, что она не имеет права переступать порог двери палаты; в доказательство они заявили, что несколько раз пытались вывести ее за дверь, и что она так же часто впадала в припадки, как только они подводили ее к указанному порогу; Чтобы продолжить эксперимент, они подняли порог, и тут же на них обрушился такой сильный запах серы, что они едва могли его вынести; зловоние распространилось по всему дому и поразило нескольких человек до такой степени, что у них заболел живот, и они были сильно

расстроены." Приведенные выше факты были основными, подтвержденными присягой в суде, и большинство свидетелей дали совместные показания.

"В суде было представлено большое количество вещей, которые под присягой были признаны тем, что она извергла из своего горла. Я взял их все в руки и обнаружил, что там было огромное количество перьев, хлопка, пряжи, булавок и двух больших жилетных пуговиц, по крайней мере столько, что хватило бы на мою руку". Они дали показания суду, что видели, как эти самые вещи вылетали из ее рта, и взяли их в руки, когда она их выбрасывала".

Ее мучители сказали мисс Данбар, что она не имеет права давать против них показания в суде. "Соответственно, в тот день перед судом она онемела, и так продолжалось в суде в течение всего процесса, но приступов буйства у нее не было. Я видел, как она в суде рассеянно бросала взгляды по сторонам, и тогда решили, что она оправляется от припадка [немоты], и надеялись, что она сама даст показания. Я заметил, что, когда ее поднимали, она опустилась на руки человека, который ее держал, закрыла глаза и казалась совершенно бесчувственной и неподвижной. Я навел ее после суда; она сказала мне, что не знает, где находилась, когда была в суде; что все это время ее мучили три человека, которых она подробно описала по пропорциям, повадкам, прическе, чертам лица и цвету кожи, и сказала, что никогда не видела их до дня, предшествовавшего суду".

У заключенных не было адвоката для защиты, и вряд ли стоит говорить, что не было заслушано ни одного медицинского свидетельства о состоянии здоровья мисс Данбар. Когда свидетели были допрошены, обвиняемым приказали выступить в свою защиту. Все они положительно отрицали обвинение в колдовстве; одна из них, обладавшая самой ужасной внешностью и, следовательно, больше всех подозреваемая, призвала Бога в свидетели того, что ее обидели. Их характеры были изучены, и о некоторых из них были получены неблагоприятные отзывы, которые, казалось, были вызваны скорее их плохой внешностью, чем какими-либо фактами, доказанными против них. "Под присягой выяснилось, что большинство из них приняли причастие, некоторые совсем недавно, что некоторые из них были трудолюбивыми, усердными людьми, и часто молились со своими семьями, как публично, так и частным образом; большинство из них могли произнести молитву "Отче наш", которой, как говорят, они научились в тюрьме, и все они были пресвитерианами".

"Судья Аптон подвел итог всем показаниям с большой точностью и проницательностью, несмотря на путаницу, в которой они были представлены. По его мнению, присяжные не могли признать их виновными на основании одних лишь свидетельств о видениях страдальца. Он сказал, что не может не сомневаться в том, что все дело было сверхъестественным и дьявольским, но полагает, что если бы обвиняемые действительно были ведьмами и состояли в сговоре с дьяволом, вряд ли можно было бы предположить, что они должны были бы так постоянно посещать богослужение, как общественное, так и частное".

К сожалению, его брат по судейской коллегии не был столь непредвзятым. Судья Макартни, который почти наверняка является адвокатом истца в деле Лостина, был совершенно не согласен с ним и считал, что присяжные вполне могут признать их виновными. Двенадцать добрых и правдивых мужчин не теряли времени, и в соответствии со Статутом заключенные были приговорены к году тюремного заключения и четыре раза за это время должны были стоять в столбе. Говорят, что когда несчастных поместили в этот пережиток варварства,

толпа забросала их яйцами и капустными кочерыжками до такой степени, что одному из них выбили глаз. Так закончился последний суд над ведьмами в Ирландии.

Примечательно, что судебные процессы над ведьмами прекратились во всех трех странах в течение десятилетия друг после друга. Последнее осуждение в Англии произошло в 1712 году, когда женщина из Хартфордшира, Джейн Уэнхем, была признана присяжными виновной, но по представлению судьи была освобождена от наказания; еще один процесс состоялся в 1717 году, но обвиняемые были оправданы. В Шотландии шериф-делегат Сазерленда в 1722 году вынес смертный приговор женщине (хотя, очевидно, незаконно), которая впоследствии была задушена и сожжена. Эштон действительно утверждает (стр. 192), что последняя казнь в Ирландии произошла в Гларусе, когда в 1786 году служанка была сожжена как ведьма. Это было бы чрезвычайно интересно, если бы не тот факт, что это совершенно неверно. Из слов Ж. Франса ясно, что это произошло в Гларисе в *Швейцарии* и стало последним случаем судебного осуждения и казни в Европе. Мы обратили на это внимание, чтобы не вводить в заблуждение других, как это сделали мы.

Прежде чем завершить эту главу, не лишним будет упомянуть тот факт, что один из самых ярых противников колдовства впоследствии украсил собой Ирландскую епископальную коллегия. Это был доктор Фрэнсис Хатчинсон, написавший "Исторический очерк о колдовстве" в форме диалога между священнослужителем (автором), шотландским адвокатом и английским присяжным. Первое издание было опубликовано в 1718 году, за ним последовало второе в 1720 году, в этом же году он был возведен в сан престола Дауна и Коннора. Что касается ценности его книги и важного места, которое она заняла в литературной истории колдовства в Англии, то мы не можем сделать ничего лучше, чем процитировать хвалебную критику доктора Нотестейна. Он говорит: "Книга Хатчинсона должна стоять в одном ряду с *"Discoverie"* Реджинальда Скота как одна из великих классик английской колдовской литературы. Его точка зрения настолько близка к нашей сегодняшней, что пересказывать его аргументы было бы бесполезно. Человек, горячо сочувствовавший угнетенным, он, вероятно, после случая с Джейн Уэнхем, с которой он беседовал, был вынужден лично расследовать все случаи, которые попадали в поле зрения живущих. Кто бы ни написал окончательную историю английского колдовства, он все равно окажется в зависимости от этого историка XVIII века. Его работа стала последней главой в споре о ведьмах. Больше сказать было нечего".

ГЛАВА IX

ОТ 1807 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Мэри Баттерс, ведьма из Карнмони - баллада о ней - Рука славы - путешествие по воздуху - "ведьма" в 1911 году - несколько современных иллюстраций магии скота и молока - перенос болезни *кайликом* - захоронение снопа - комиссия Джей-Пи - заключение

Старые верования умирают с трудом, особенно когда их скорейшая гибель является завершением, которого так хочется; если дело Айленд-Мейджи было последним случаем судебного осуждения колдовства как преступления против законов королевства, то это был

далеко не последний случай, когда ведьма и ее дела стали центром притяжения в ирландском суде. Спустя почти столетие после инцидента в Айленд-Мейджи город Карригфергус снова стал местом действия, когда знаменитая "ведьма Карнмони" Мэри Баттерс предстала перед судом на весенних заседаниях в марте 1808 года. Это пример черной магии против белой (если можно назвать это дело *магией*!), хотя следует помнить, что во время преследования ведьм многие женщины были преданы смерти по последнему обвинению, хотя на самом деле они были благодетельницами человеческой расы; тем более что их умение пользоваться простыми средствами и знание целебных свойств трав, должно быть, в немалой степени пополнило ресурсы нашей современной фармакопеи. Нижеследующее повествование взято из "*Белфаст Ньюс Леттер*" за 21 августа 1807 года, а также из заметок М'Скимина в "*Исторических заметках о старом Белфасте*" Янга.

Однажды во вторник вечером (очевидно, в августе 1807 года) в доме портного по имени Александр Монтгомери, жившего неподалеку от Карнмони Митинг-Хаус, произошел необычный случай. У портного была корова, которая продолжала давать молоко, как обычно, но в последнее время из нее не получалось масла. К несчастью, жена Монтгомери вбила себе в голову мнение, что всякий раз, когда такое случается, это происходит из-за того, что корова заколдована. Ее вера в это подкреплялась тем фактом, что каждая старушка в приходе могла рассказать какую-нибудь историю, иллюстрирующую то, что *она* видела или слышала в прошлые времена в отношении этой коровы. В конце концов семье сообщили о женщине по имени Мэри Баттерс, которая жила в Карригфергусе. Они отправились к ней и привели ее в дом, чтобы она вылечила корову. Около десяти часов вечера была объявлена война неизвестным магам. Мэри Баттерс приказала старому Монтгомери и молодому человеку по имени Карнаган выйти к коровнику, вывернуть наизнанку свои жилеты и в таком виде стоять у головы коровы, пока она не пошлет за ними, а жена, сын и старуха по имени Маргарет Ли остались с ней в доме.

Монтгомери и его союзник продолжали одинокое бдение до рассвета, когда, встревоженные отсутствием вызова, они покинули свой пост и постучали в дверь, но не получили ответа. Тогда они заглянули в кухонное окно и, к своему ужасу, увидели четырех заключенных, распростертых на полу как мертвые. Они немедленно ворвались дверь и обнаружили, что жена и сын действительно мертвы, а колдунья и Маргарет Ли - почти нет. Последняя вскоре после этого скончалась; Мэри Баттерс выбросили на навозную кучу, и ей было назначено тонизирующее средство в виде нескольких крепких пинков, которые возымели желаемый эффект. В доме стоял сернистый запах, а на огне стояла большая кастрюля, в которой находились молоко, иглы, булавки и кривые гвозди. На дознании, состоявшемся в Карнмони 19 августа, присяжные заявили, что все три жертвы умерли от удушья, потому что Мэри Баттерс использовала некоторые вредные ингредиенты, как талисман, чтобы вылечить больную корову. Она предстала перед судом присяжных, но была освобождена от наказания. По ее версии, в доме появился чернокожий мужчина, вооруженный огромной дубиной, которой он убил трех человек и оглушил ее саму.

Как ни прискорбно все это происшествие, как из-за грубого суеверия, проявленного его участниками, так и из-за его трагического конца, но, похоже, оно не вызвало у жителей Карнмони и Карригфергуса никаких других чувств, кроме насмешек и издевательств. Один из жителей этого района сочинил на ее основе остроумную балладу, которую, поскольку это, вероятно, единственное стихотворение на тему колдовства в Ирландии, мы приводим здесь полностью из *Ольстерского археологического журнала* за 1908 год, хотя у нас не хватило

смелости попытаться составить глоссарий к "косым шотландцам". Она добавляет несколько живописных деталей к более прозаичному рассказу в *News-Letter*.

"В городе Каррик жила жена.
Которая притворялась, что колдует.
Олд Барбара Козлов, или Лаки Белл,
Вы не сможете пройти через ее лапы.
Жуткую хитрость сыграла эта жена
С простым Соуни, нашим бедным портным.
На днях она замитинговала.
Чтобы лежать в тюрьме с тюремщиком.
У этого простого Соуни была корова,
И была она гладкая, как выдра;
Так было месяц или два.
А когда они взбивали, то не получали масла.
В хвост коровы привязали рябину,
А по канавам собирали вербену;
Эти средства и чары не помогли,
Они не смогли изгнать старых ведьм.
Собрались соседские жены
В количестве около дюжины;
Элспи Даф и Мэри Линн,
И Кейт М'Карт, кузина портного.
То они взбивали, то метали,
Их фартуки расстегнулись, и они ворковали;
Но масла так и не смогли получить,
Они благословляли корову, но проклинали ведьм.
Если бы Соуни собрал все свои мозги
И послал за Хьюи Мертином,
Он мог бы выпустить ведьмам кишки,
И проклясть Нэнни Бартон. [56](#)
Но он может показать фермерский ваб,
И ланг пробираться по сточным канавам Карнмони;
Увы, это была большая ошибка.
Когда он нанял старую Мэри Баттерс.
Колдунья открыла сцену
Волшебными словами своего изобретения,
Чтоб глупых людей увлечь.
Кто не знал ее подлого замысла,
Она нарисовала круг вокруг кувшина,
И омыла посох в южной воде, [\[57\]](#)
И поклялась ведьм сжечь,
Но масло портного она возьмет.
Когда соболья ночь покрывало расправила
Тогда она села на пылающий костер;
Портной стоял у головы коровы.
С вывернутым жилетом [\[58\]](#) в байре.
Дымоход покрылся трухой
И каждую щель, где дымилось,
Но задолго до того, как прокричал петух.

Люди в доме задыхались.
Котел с навозом простоял всю ночь,
Пока Мэри Баттерс варила
В надежде найти какую-нибудь ведьму или колдуна,
чьи внутренности по ее наущению тушились.
Но ее волшебство не помогло;
Ни ведьма, ни волшебник не были обнаружены.
Теперь Мэри Баттерс лежит в тюрьме.
За подлую роль, которую она сыграла.
Портной потерял сына и жену,
потому что Мэри Баттерс их задушила;
Но так как он ненавидит одну жизнь.
Через четыре недели он получил другую.
Он - старый трусливый хитрец,
И ему нет дела до того, что болтают ведьмы;
Он никогда больше не будет нанимать Дила,
ни своего старого агента Мэри Баттерс.
В тот день портной покинул свой пост.
Хотя он не видел никаких явлений,
Ни мрачного волшебника, ни ведьмы, ни призрака,
Но все же у него возникло подозрение.
Что какая-то старая волшебница, морщинистая жена
Наложила свои чары на бедного Брауни.
Потому что они с ним жили в раздоре,
И где уж тут винить беднягу Соуни.
Жаль теперь наших юных девушек,
Кто может прочесть их таинственные дела,
Или сказать, верен ли их возлюбленный,
Народ бежит к Мэри Баттерс.
Чтобы сказать, какой вор украл лошадь,
В этом она была просто притворщицей,
И не обладает искусством поднять дил.
Как та старая жена, ведьма из Эндора.
Если Мэри Баттерс - ведьма.
То все люди должны знать об этом,
И если она может прикоснуться к музам.
Я уверен, что скоро она узнает поэта.
Своего знакомого она пошлет
Иль полетит с порученьем.
Чтоб отомстить тому.
Который ее мучает".

Существует также более короткая версия баллады, которая кажется довольно неуклюжей адаптацией того, что мы привели выше; в ней ведьму неправильно называют *Батлерс*. О том, что героиня не выдумала принятую ею процедуру из своего пылкого воображения, а следовала общепризнанному и практикующемуся в сельской местности методу, свидетельствует случай, произошедший в Ньютаунардсе в январе 1871 г. [59] Рабочий фермы подал иск против своего работодателя о выплате якобы причитающейся ему зарплаты. В ходе дачи показаний выяснилось, что в одном случае ему поручили изгнать ведьм, которые беспокоили коров. Его метод работы иллюстрирует дело Карнмони. Все покидали дом, кроме

истца, который запирает себя, закрывает окна, затыкает все замочные скважины и отверстия и кладет дерн на дымоходы. Затем он поставил на огонь большую кастрюлю со сладким молоком, в которую бросил три ряда булавок, которые никогда не использовались, и три упаковки иголок; все это кипело в течение получаса, и, поскольку дыму не было выхода, истец едва избежал удушья.

Странно видеть, как в Ирландии используется этот мощный магический инструмент, Рука Славы, да еще и в XIX веке. В ночь на 3 января 1831 года несколько ирландских воров попытались совершить ограбление поместья мистера Нейпера из Лафкью, ко. Мит. Они вошли в дом, вооружившись рукой мертвеца с зажженной в ней свечой, веря в суеверное представление о том, что если раздобыть такую руку и поместить в нее свечу, то ее не сможет увидеть никто, кроме того, кто ею пользуется; кроме того, если свечу и руку внести в дом, то это помешает проснуться тем, кто спит. Жители, однако, были встревожены, и грабители убежали, оставив за собой руку.^[60] Несомненно, абсолютный провал этого жуткого темного фонаря в данном случае был связан с тем, что ни свеча, ни подсвечник не были подготовлены должным образом! Ортодоксальный рецепт его приготовления и последующего эффективного действия можно найти в полном объеме в эссе мистера Баринга Гулда о Шамире в его *"Любопытных мифах Средневековья"*.

Следующая история взята из статьи в журнале *Дублинского университета*, том lxiv.; она имеет скорее кросс-канальный вид, но, возможно, была подхвачена в Ирландии. Однажды ночью человек по имени Шамус Руа (Красный Джеймс) был разбужен шумом на кухне. Он спустился вниз и обнаружил, что его старая экономка Мэдж с полудюжиной своих почеч сидит у огня и пьет виски. Когда бутылка была допита, одна из них воскликнула: "Пора уходить", - и в тот же миг надела необычный красный колпачок и добавила.

"Из тысячелистника и руты,
И моя красная шапочка тоже,
Hie over to England!"

Схватив веточку, она взлетела в дымоход, и все, кроме Мэдж, последовали за ней. Пока та занималась приготовлениями, Шамус вбежал на кухню, выхватил у нее шапочку и, усевшись на ее прутик, произнес магическую формулу. Вскоре он оказался высоко в воздухе над Ирландским морем и пронесся над эмпиреем со скоростью, равной которой не может похвастаться даже самый быстрый аэроплан. Быстро приблизившись к валлийскому побережью, они увидели вдали замок, к дверям которого и устремились с ужасающей скоростью; Шамус закрыл глаза, ожидая удара, но, к своему восторгу, обнаружил, что проскользнул в замочную скважину без повреждений. Они добрались до подвала, где от души повеселились, но вино оказалось слишком пьянящим, и каким-то образом Шамуса схватили и притащили к лорду замка, который приговорил его к повешению. На пути к виселице одна старуха из толпы окликнула его по-ирландски: "Ах, Шамус Аланна! Неужели ты умрешь в незнакомом месте без своей маленькой красной шапочки?" Он попросил и получил разрешение надеть ее. Добравшись до места казни, он получил разрешение обратиться к зрителям, что и сделал в обычной готовой речи, начав ее так,

"Все добрые люди, предупреждение от меня".

Но когда он дошел до последней строки,

"Мои родители воспитывали меня нежно".

вместо того чтобы остановиться, он неожиданно добавил,

"Тысячелистником и рутой" и т. д.,

в результате чего он взлетел в воздух, к великому ужасу всех зрителей. Наши читатели сразу же вспомнят дедушкину сказку о ведьминых забавах в "*Легендах Инголдсби*". Подобные рассказы появляются и в Шотландии, о чем см. Sharpe, pp. 56, 207; тот же автор (p. 212) упоминает о красном колпаке, который носила ведьма.

После первых лет XVIII века, когда колдовство перестало привлекать нежелательное внимание судьи, присяжных и палача, оно стремительно деградировало. Некоторые авторы утверждают, что в отдаленных уголках сельской Англии до сих пор можно встретить веру в старомодную ведьму из истории; то же самое вряд ли можно сказать об Ирландии. Это объясняется тем, что в этой стране колдовство никогда не было сильно распространено в лучшие (или худшие) времена. Но его место занимает неистребимая вера в *пишог*, или в полумагические способности костоправа, или в остановку кровоточащих ран с помощью заклинания, или в исцеление болезней людей или животных с помощью процессов, неизвестных медицине, или во многие другие причудливые догматы, которые находятся на границе между фольклором и колдовством, и в лучшем случае представляют собой лишь полное вырождение и упадок последнего. Тем не менее, по тем или иным причинам эти практики иногда попадают под широкую руку закона, хотя, пожалуй, излишне говорить, что они не рассматриваются как нарушение Елизаветинского статута. Например, несколько лет назад в Нью-Палласе (New Pallas) в Лимерике рассматривалось дело, в котором женщина считала, что она не в состоянии выполнить свои обязанности. Лимерик, где женщина, полагая, что другая хочет украсть ее масло с помощью *пишогов*, в порыве страсти набросилась на нее и повалила на землю, сломав при падении руку.^[61] Эта ужасная трагедия, дело о "сожжении ведьмы", произошедшее в 1895 году близ Клонмела, названа совершенно неправильно. Женщину сожгли не потому, что она была ведьмой, а потому, что верили, что настоящую жену увели, а вместо нее подменили феей; когда последнюю подвергли огню, она исчезла, а жена была восстановлена. Таким образом, в основе побуждений лежала доброта, но как же ужасно они ошибались! Лефану в своих "*Семидесяти годах ирландской жизни*" рассказывает о похожем инциденте, который, к счастью, закончился не трагически, а с юмором: Крофтон Кроукер упоминает о случаях, когда жен забирали феи и возвращали их мужьям по прошествии многих лет.

Даже летом 1911 года слово "ведьма" звучало в ирландском суде, когда несчастную бедную женщину судили за убийство другого пенсионера по старости в припадке безумия.^[62] Один из свидетелей рассказал, что встретил обвиняемую на дороге в утро убийства. В руках у нее была статуэтка, и она трижды повторила: "Я приказала убить старую ведьму: Я получила силу от Пресвятой Девы, чтобы убить ее. Она пришла ко мне вчера в три часа и сказала, чтобы я убила ее, иначе на меня обрушатся крысы и мыши". Примерно то же самое она заявила другому свидетелю и добавила: "Теперь мы будем счастливы. Я выследила дьяволов. Они ушли за холм вчера в три часа". По окончании дачи показаний обвиняемый сделал заявление, которое было занесено в протокол: "В день грома и молнии и сильного дождя в мой дом забралась крыса, и с тех пор я был раздражен и расстроен в своих мыслях..... Когда я лежал ночью в постели, ко мне пришла женщина, одетая в белое, с венком на голове, и сказала, что я в опасности. Я подумал, что она имела в виду крысу, пришедшую в дом..... Явившаяся мне дама сказала: "Если ты получишь пенсию этой старухи, не сняв с нее одежду и не очистив ее, не убрав ее постель и не наведя порядок в доме, ты получишь грязь навечно, крыс и мышей".

Представьте себе, что все это происходило в 1611 году, а не в 1911-м! Бредни бедного сумасшедшего существа были бы приняты как евангельская истина; крыса оказалась бы знакомой, посланной ведьмой, чтобы мучить ее, свидетели получили бы множество фактов, которые можно было бы добавить к своим показаниям, доверчивые люди радовались бы тому, что страна избавилась от такой злобной ведьмы (хотя и сожалели бы, что ей так легко дали *конге*), а летопись ирландского колдовства стала бы богаче благодаря почти столь же необычному случаю, как случай Флоренс Ньютон, и который ничего не потерял бы ни при рассказе, ни при печати. Без сомнения, многие истории о ведьмах, избавленные от пышности и обстоятельств, окажутся очень похожими по своему происхождению на вышеописанную.

Как и следовало ожидать в стране, где большинство жителей занимаются сельским хозяйством, большинство историй о странных делах связано со скотом. В июне 1890 года на заседании четвертных сессий Данганнона перед сэром Фрэнсисом Брэди один фермер подал в суд на другого за нарушение гарантии на корову.^[63] Было высказано предположение, что животное было "ослеплено", или, другими словами, находилось под воздействием "дурного глаза", или на него был наложен *пишог*. Обвиняемый согласился послать за лечебным амулетом к мудрой женщине в горах. После этого приступали к действиям. Три локна волос выдергивали со лба коровы, три - со спины, три - с хвоста и один - из-под ноздрей. Далее следовали следующие указания: Операторы должны были написать имена восьми человек поблизости, которых они могли подозревать в причинении вреда (каждое имя три раза), и указать того из этих восьми, кто, по их мнению, наиболее вероятно "моргнул" корове. Когда это было сделано, с крыши подозреваемого срывали пучок соломы. Хозяин коровы должен был нарезать дерн, взять на лопату уголь из костра и сжечь на нем волосы, солому и бумагу, на которой были написаны имена. Затем дерн подносили ко рту коровы, и если она лизнет его, то останется жива.

Его честь обращается к подсудимому: "И она лизнула его?"

Подсудимый: "Да, лизнула; она бы съела его". (Смех.) Затем выяснилось, что сжигание соломы было пропущено, и это потребовало еще одного путешествия к мудрой женщине.

Мы также можем ожидать, что найдем следы странных поступков, связанных с продуктами коров, а именно молоком и маслом. В различных историях рассказывается следующее. Пастух, ранив зайца, который, как он обнаружил, сосал одну из коров, находящихся в его ведении, отслеживает его до одинокой хижины, где находит старую женщину, измазанную кровью и задыхающуюся, почти безжизненно распростертую на полу. Подобные истории можно найти в Англии, и они помогли создать там элемент ведьм, хотя можно отметить, что уже в двенадцатом веке Гиральдус Камбрэнсис сообщил нам, что некоторые старые ведьмы в Ирландии обладали способностью превращаться в зайцев и в таком виде сосать коров. Сохранение зайцев для охоты, которым занимаются в некоторых районах этой страны, вероятно, нанесет смертельный удар по этому суеверию. О краже масла рассказывают много историй, из которых можно привести следующую. Однажды летним утром священник шел по своему полю и наткнулся на старуху, которая собирала росу с длинной травы и говорила: "Иди ко мне!". Священник рассеянно пробормотал: "И половину ко мне!". На следующее утро он обнаружил у себя в молочной в три раза больше масла, чем должно было быть, а соседи жаловались, что у них его совсем нет. При обыске в доме старой бельдамы были обнаружены три больших кадки со свежесбитым маслом, что, поскольку все ее стада и отары состояли из одной-единственной козы, не оставляло сомнений в ее злодеянии!^[64]

Ведьма из истории ушла в прошлое. Она больше не вылетает на метле на ночной шабаш, не продает душу дьяволу и не получает от него взамен множество знаков благосклонности, среди которых, как правило, был дар знакомого духа для исполнения ее желаний. Больше не выносит приговор судья, больше дикий сброд не выкрикивает проклятия в адрес старой ведьмы, идущей на верную гибель. Ведьма из истории ушла, и ее никогда не удастся реабилитировать - если бы суеверие умерло вместе с ней. Ведь в Ирландии, как, наверное, и во всем цивилизованном мире, верят и практикуют многое, что кажется противным религии и здравому смыслу. По всей стране разбросаны люди, которым жители приписывают способность совершать различные необычные действия. *Из какого источника* они черпают эту силу, совершенно непонятно - вероятно, ни они сами, ни их почитатели никогда не ставили перед собой задачу разгадать эту психологическую проблему. Такие люди были бы крайне оскорблены, если бы их называли волшебниками или ведьмами, и действительно, они представляют белое колдовство лишь в вырожденной и бесцветной стадии. Все их время не занято такой работой, и в большинстве случаев они не берут плату за свои услуги; они готовы практиковать свое искусство, когда появляется случай, но кроме таких моментов они занимаются обычными занятиями сельской жизни. Дар достался им либо случайно от рождения, либо особый рецепт или шарм перешел от отца к сыну, либо был завещан им прежним владельцем; как правило, они используют его на благо своих друзей.

Один знакомый рассказал писателю несколько чудесных историй о человеке, который обладал способностью останавливать кровотечение, хотя больной мог находиться в это время за много миль от него; он пообещал передать весь *способ действия* информатору писателя, но тот не смог поехать и увидеть его в последние минуты жизни, поэтому потерял талисман, а также лишил писателя удовольствия убедиться в эффективности его действия - ведь в интересах науки он был полностью готов порезать себе палец (слегка) и пустить кровь!

Тот же информатор рассказал писателю о весьма уважаемой женщине, обладающей способностью исцелять язвы. Ее метод заключается в следующем. Она бросает два саллитовых парика в огонь, пока они не раскалятся докрасна. Затем она берет одну из них и делает круги вокруг язвы (не касаясь плоти), повторяя при этом заклинание, слова которого информатор, наблюдавший за процессом, не смог уловить. Когда веточка остынет, она бросает ее обратно в огонь, достает другую и делает все, как описано выше. Весь процесс повторяется около десяти или двенадцати раз, но используется не более двух веток. Она также сажает своих пациентов на определенную диету, и это, вместе с общей атмосферой таинственности, несомненно, помогает добиться желаемых результатов.

В Ирландии также встречаются случаи, когда люди используют недозволенные средства для того, чтобы навлечь болезнь и даже смерть на того, кто попал под их влияние, или же они действуют от имени тех, чья воля ограничена их бессилием. С островов Аран пришла история о том, как старая женщина могла передавать болезнь от одного больного к другому, в результате чего первый выздоравливал, а вновь заболевший умирал; этот отрывок больше похож на поступки дикарей в Полинезии или Центральной Африке, чем на действия христиан в Ирландии. В 1892 году один человек рассказал, что его друг был болен неизлечимой болезнью и, будучи сдан доктором, после борьбы со своей совестью обратился к услугам *кайлиха*, который обладал силой переносить смертельную болезнь с пациента на какой-нибудь здоровый объект, который заболеет и умрет в качестве бессознательного заменителя. Получив полную власть от своего пациента, чье честное намерение получить выгоду от нечестивого средства было обязательным условием его успешной работы, *кайлих* выходила в поле рядом с общественной дорогой и, встав на колени, срывала с земли траву, глядя при этом на дорогу. Первый прохожий, на которого падал ее недобрый взгляд,

заражался болезнью больного и умирал от нее через двадцать четыре часа, причем пациент поправлялся, пока жертва болела и умирала[65].

Самый необычный рассказ о черном искусстве, проявляющемся в обычае, известном как "закапывание снопа", происходит из провинции Лут. Рассказчик утверждает, что подробности трудно получить, что нас не удивляет, но из того, что он опубликовал, обычай представляется не только чрезвычайно зловредным, но и ужасно богохульным. Тот, кто делает заклинание, сначала идет в часовню и произносит определенные слова, стоя спиной к алтарю; затем он берет сноп пшеницы, которому придает форму человеческого тела, втыкая булавки в суставы стеблей и (согласно одному рассказу) формируя сердце из плетеной соломы. Этот сноп он закапывает с именем дьявола рядом с домом своего врага, который, по его мнению, будет постепенно чахнуть по мере того, как сноп будет разлагаться, и умрет, когда окончательно разложится. Если владелец приворота хочет, чтобы его враг умер быстро, он закапывает сноп в сырую землю, где он быстро разлагается; если же он хочет, чтобы его жертва мучилась, он выбирает сухое место, где разложение будет происходить медленно. Наш информатор утверждает, что случай, когда одна женщина пыталась убить другую таким способом, был рассмотрен в полицейском суде в Арди за несколько лет до того, как он написал этот рассказ (*то есть* до 1895 года)[66].

Хотя статуты против колдовства в Англии и Шотландии были отменены (последний - вопреки воле духовенства), утверждается, что принятые ирландским парламентом законы не были подвергнуты подобной обработке и, следовательно, теоретически все еще остаются в силе. Как бы то ни было, для наших читателей, вероятно, будет новостью узнать, что колдовство по-прежнему официально признается в Ирландии преступлением против закона. В Мировой комиссии вновь назначенный магистрат уполномочен принимать к рассмотрению, среди прочих преступлений, "колдовство, чародейство, волшебство, магические искусства" - любопытный пережиток ушедших времен в двадцатом веке, хотя более чем маловероятно, что какой-либо коллегии в Ирландии когда-либо придется выносить решение по такому делу.

На предыдущих страницах мы попытались проследить развитие колдовства в Ирландии с момента его первого появления до наших дней, а также представили некоторые темы, которые косвенно влияют на этот вопрос. На слишком немногих примерах мы отметили его постепенный подъем к зениту (который представлен периодом 1661-1690 годов), а затем его нисходящий прогресс к странным верованиям сегодняшнего дня, которые в некоторых отношениях являются вырожденными потомками колдовской концепции, а в других представляют собой идеи, более древние, чем цивилизация. Мы можем отдать дань слезливой улыбкой праху колдовства и выразить свое мнение о современных верованиях простых деревенских жителей жалостливой улыбкой, все время чувствуя, насколько мы просвещеннее тех, кто верил или все еще верит в подобные нелепости! Но разум человека строится в водонепроницаемых отсеках. Что может лучше воплотить дух молодого двадцатого века, чем мощный автомобиль, полностью оснащенный самыми современными приспособлениями для увеличения скорости или уменьшения вибрации; в его мелодичном гудении, когда он без усилий движется со скоростью сорок пять миль в час, мы слышим триумфальную песню разума над материей. Владелец, конечно, не верит ни в колдовство, ни в *пишогов* (да и вообще ни во что, кроме себя!), но все же прикрепляет на радиатор "Плюшевого мишку" или что-то подобное в качестве талисмана. Спросите его, почему он это делает, - он не сможет сказать, разве что другие поступают так же, а в глубине его сознания все это время почти бессознательно живет вера в то, что такая вещь поможет уберечься от неприятностей и досады, которые подстерегают автомобилиста на его пути. Связь между причиной и следствием ему неизвестна; он не может сказать, почему плюшевый мишка

убережет двигатель от перегрева или предотвратит проколы, и в этом отношении он находится на том же интеллектуальном уровне, что и, скажем, его брат-человек из Новой Зеландии, который возит с собой по ночам печеный батат для отпугивания привидений.

Дело в том, что в каждом из нас есть доля суеверия, которое в тот или иной период жизни проявляется в той или иной форме. А. будет смеяться над верой Б. в ведьм или призраков, в то время как сам он не взялся бы за дело в пятницу за все богатство Крёза; а С., который смеется над обоими, протянет руку пальмиру в полной уверенности, что верит. Каждый из нас живет в своем собственном стеклянном доме и поэтому не может позволить себе бросать ракеты в соседей; молочная магия или талисманы, пишоги или пальмия - метод проявления не имеет большого значения по сравнению с лежащим в основе суеверием. Последнее - прискорбная черта, передавшаяся нам с младенчества расы; нам удалось избавиться от таких физических особенностей, как хвосты или третьи глаза, чей день полезности прошел; мы больше не перемалываем мясо в сыром виде и не раскалываем шершавый кремний на подобие ножа, но мы все еще признаем свое происхождение, выражая странные верования, которые лежат в какой-то отдаленной кладовке в глубине мозга.

Но можно возразить, что вера в ведьм, призраков, фей, чары, сглаз и т. д. и т. п. не должна рассматриваться как неразумное суеверие в чистом виде, что на самом деле тенденция современной мысли показывает нам, что на небе и на земле существует больше вещей, чем представлялось раньше. Мы признаем, что человек - очень сложная машина, микрокосм, населенный возможностями, о которых мы мало что можем понять. Мы знаем, что разум действует на разум в необычайной степени, и что воображение может влиять на тело в такой степени, которая еще не полностью осознана, и действительно часто выводила людей далеко за пределы здравого смысла; и поэтому мы считаем, что многие из элементов вышеупомянутых верований могут быть в общем объяснены по этим линиям. Тем не менее это не избавляет нас от элемента суеверия и, добавим, зачастую преднамеренно спланированного зла, который лежит в основе. Нет нужды воскрешать старую дилемму, кто был главным действующим лицом - Бог или дьявол; у нас нет желания поучать наших читателей, но мы чувствуем, что каждый мыслящий человек будет готов признать, что такие верования и практики пагубны для развития истинной духовной жизни, поскольку они имеют тенденцию заслонять вечно присутствующее Божество и выдвигать на первый план примитивные чувства и эмоции, которые лучше оставить в состоянии атрофии. Кроме того, они тормозят рост национальной жизни, поскольку делают индивида страшным рабом неизвестности, а значит, препятствуют развитию в нем независимого духа, без которого нация является таковой лишь по названию. Мертвое прошлое предупреждает наследников всех веков. Оно говорит нам, что мы уже частично вошли в славное наследие, которое, возможно, окажется ничтожным по сравнению с тем, что в конечном итоге выпадет на долю человеческой расы, и оно призывает нас дать свободу нашим устремленным ввысь духам и не сковывать их грубыми верованиями прошлого, которые уже давно должны были быть низведены в небытие.

Сноски:

- [1] В его "*Истории колдовства в Англии*".
- [2] Notestein, *op. cit.*
- [3] Français, *L'église et la Sorcellerie*.
- [4] Français, *op. cit.*
- [5] В других местах дается как Basilia.
- [6] Магические пояса использовались для различных целей. Боск в своем "*Глоссарии*" считает их происхождением магнитных поясов и т. д., которые так широко рекламируются в настоящее время.
- [7] Français, *op. cit.*
- [8] Carrigan, *History of the Diocese of Ossory*, i. p. 48.
- [9] Stokes, *Ireland and the Anglo-Norman Church*, p. 374.
- [10] Theiner, *Vet. Mon.*, p. 269.
- [11] Westropp, *Wars of Turlough* (Proc. R.I.A.), p. 161; Seymour, *Pre-Ref. Archbishops of Cashel*, 47.
- [12] *Dict. Nat. Biog.*, Seymour, *op. cit.*, p. 18.
- [13] O'Daly, *History of the Geraldines*.
- [14] Sharpe, *History of Witchcraft in Scotland*, p. 30.
- [15] Ed. H. F. Berry, D.Litt.
- [16] Carrigan, *op. cit.*, iii. p. 18.
- [17] Цитируется в *Journal of Royal Society of Antiquaries*, 3rd series, vol. i. Франс упоминает швейцарского колдуна, несколько сумасбродного, который использовал тот же трюк с людьми.
- [18] *Ulster Journal of Archæology*, vol. iv. (за 1858 г.).
- [19] *All the Year Round* (за апрель 1870 г.).
- [20] Lenihan, *History of Limerick*, p. 147.
- [21] Enrolment of Pleas, 6 James I, memb. 2 (Queen's Bench).
- [22] Scott, *Demonology and Witchcraft*, Letter V.
- [23] Ed. C. K. Sharpe (Edinburgh, 1818).
- [24] Witherow, *Memorials of Presbyterianism in Ireland*.
- [25] Quot. in Law's *Memorialls*.

- [26] Witherow, *op. cit.*, pp. 15-16.
- [27] Lenihan, *History of Limerick*, p. 147.
- [28] Hickson, *Ireland in the Seventeenth Century*, vol. i.; Fitzpatrick, *Bloody Bridge*, p. 125; Temple's *History of the Rebellion*.
- [29] Baxter, *Certainty of the World of Spirits* (London, 1691); Clark, *A Mirrour or Looking-Glass for Saints and Sinners* (London, 1657-71).
- [30] Fitzpatrick, *op. cit.*, p. 127.
- [31] Hist. MSS. Comm. Report 13 (Duke of Portland MSS.).
- [32] No. 25 в *Sadducismus Triumphatus* (London, 1726).
- [33] *Dict. Nat. Biog.*
- [34] *Cork Hist. and Arch. Journal*, vol. x. (2nd series).
- [35] *Ibid.*, vol. vii. (2nd series).
- [36] Предоставлено писателю Т. Дж. Уэстроппом, эсквайром, магистром искусств.
- [37] Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, Rel. 26.
- [38] *Ulster Journal of Archæology*, vol. iii. (за 1855 г.).
- [39] Glanvill, *op. cit.*, Rel. 27.
- [40] *Law's Memorials*.
- [41] Baxter, *Certainty of the World of Spirits*.
- [42] William Turner, *Compleat History of Most Remarkable Providences* (London, 1697).
- [43] Сеймур, *Преемственность духовенства в Кашеле и Эмли*.
- [44] O'Donoghue, *Brendaniana*, p. 301. См. Джойс, *Чудеса Ирландии*, с. 30, о явлении корабля в воздухе в кельтские времена. См. также Westropp, *Brasil* (Proc. R.I.A.); этот писатель действительно зарисовал иллюзорный остров в 1872 году.
- [45] *Memorials*.
- [46] Glanvill, *op. cit.*, Rel. 18; Baxter, *op. cit.*
- [47] *Op. cit.*; W.P., *History of Witches and Wizards* (London, 1700?).
- [48] Джон Линдон (или Линдон) стал младшим судьей Главного места в 1682 году, был посвящен в рыцари в 1692 году и умер в 1697 году (*Cork Hist. and Arch. Journal*, vol. vii., 2nd series).
- [49] Egmont MSS. (Hist. MSS. Comm.), ii. 181.
- [50] "Был проведен эксперимент, сможет ли она прочесть молитву "Отче наш", и выяснилось, что, хотя пункт за пунктом ей тщательно повторяли, но когда она произносила его после тех, кто ее побуждал, она не могла избежать бессмыслицы, с некоторыми нелепыми

уклонениями. Этот эксперимент я имел любопытство наблюдать на двух других, и он имел тот же эффект".

[51] *The Devil in Britain and America*, chap. xxiv.

[52] К. К. Шарп, указ. соч.

[53] Один человек на Оркнейских островах был погублен девятью узлами, завязанными на синей нитке (Dalyell's *Darker Superstitions of Scotland*).

[54] Преподобный доктор Тисдалл, который так подробно описал этот процесс, был викарием Белфаста. О его отношении к пресвитерианам см. в Witherow's *Memorials of Presbyterianism in Ireland*, pp. 118, 159. Однако его рассказ о суде не является предвзятым, поскольку все его утверждения могут быть подтверждены другими свидетельствами.

[55] Джеймс Макартни стал вторым младшим судьей королевской скамьи в 1701 году, младшим судьей Common Pleas (вместо А. Аптона) в 1714 году и вышел в отставку в 1726 году. Энтони Аптон стал младшим судьей общей юрисдикции, был смещен вышеупомянутым судьей и покончил жизнь самоубийством в 1718 году. Оба были уроженцами ко. Антрим.

[56] В сокращенном варианте поэмы эта строка звучит так

"Он излечил кий для няни Бартон".

что имеет больший смысл. Хьюи Мартин, очевидно, был соперником Мэри Баттерс.

[57] Вода с южного берега обладала большими целебными свойствами. См. Dalyell, *Darker Superstitions of Scotland*, и С. К. Шарпе, *op. cit.*, p. 94.

[58] В детстве писатель часто слышал, что если ночью человека сбил с пути Джеки-фонарь (или Джон Барлейкорн, или любое другое сильное привидение!), то лучший способ благополучно добраться до дома - вывернуть пальто наизнанку и носить его в таком виде.

[59] *Notes and Queries*, 4th series, vol. vii.

[60] Henderson, *Folklore of Northern Counties of England*, (Folklore Society).

[61] *Journal of Royal Society of Antiquaries of Ireland*, xxii. (consec. ser.), p. 291.

[62] *Irish Times* за 14 июня; *Independent* за 1 июля.

[63] *Journal of Royal Society of Antiquaries of Ireland*, xxi. (consec. ser.), pp. 406-7.

[64] Фольклор.

[65] *Journal of Royal Society of Antiquaries of Ireland*, xxv. (consec. ser.), p. 84.

[66] *Folklore*, vi. 302.

Примечание транскриптора:

Фунота 40 встречается на странице 156 текста, но на странице нет соответствующего маркера.